

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 1 8

№ 1
(39)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Булгаков О.М., доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России;

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Гених Н.В., доктор юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского университета правосудия;

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Дзидзоев Р.Х., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Иванцов С.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Игнатов А.Н. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Карнаушенко Л.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Ковтун О.А., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Литвин Д.А., кандидат педагогических наук, доцент, Академия управления МВД России;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL BOARD:

Bulgakov O.M., Doctor of Technics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Vishnevetsky K.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Genrih N.V., Doctor of Law, Assistant Professor, North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice;

Denisenko V.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Dzidzoev R.H., Doctor of Law, Professor; the Kuban State University;

Zherebtsov A.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Ivantsov S.V., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia;

Ignatov A.N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Karnaushenko L.V., Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kovtyn O.A., Doctor of Law, Assistant Professor, the Kuban State University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Litvin D.A., Candidate of Pedagogics, the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia;

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Мещеряков В.А., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя избирательной комиссии Воронежской области;

Нарыков Н.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Образжиев К.В., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Самойлов С.Ф., доктор философских наук, профессор, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Труфанов М.Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина.

Lozovsky D.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mesheryakov V.A., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Electoral Commission of the Voronezh region;

Narykov N.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Nizhnik N.S., Doctor of Law, Professor, the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia;

Obrazhiev K.V., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Russian Federation Prosecutor General's Office;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rudenko A.V., Doctor of Law, Assistant Professor, the Kuban State University;

Samoilov S.F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Truphanov M.E., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности

Курдюк П.М., Чернов Ю.И. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности?

Буткевич С.А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение

Случевская Ю.А. Проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 256 Уголовного кодекса Российской Федерации

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Берзинь О.А. К вопросу об особенностях производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан

Попов В.Л. Практика применения норм о сроках при производстве дознания по уголовным делам

Науменко О.А. Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица

Демин Д.В. Понятие подозрения как института уголовно-процессуального права России

Ломакина А.А. К вопросу о производстве освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего при расследовании преступлений, посягающих на половую неприкосновенность личности

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Иванов С.И., Никитина Л.Н. К вопросу о моральной и материальной мотивации лиц, содействующих оперативно-розыскным органам

Сафронов А.А., Сливний А.А. Проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий в целях раскрытия организации незаконной миграции

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Реализация государством информационной функции в условиях открытого глобального общества XXI века

6 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

6 Ignatov A.N. The concept of common crime

11 Kurdyuk P.M., Chernov Yu.I. Petty crimes: the relationship or blurring of the boundaries of administrative and criminal liability?

17 Butkevich S.A. Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention

23 Sluchevskaya Yu.A. The problem of definition the target of crime in article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation

29 CRIMINAL PROCEDURE

29 Berzin O.A. To the question about the peculiarities of investigative actions limiting the constitutional rights of citizens

33 Popov V.L. Practice of application of norms about the timing of the production of inquiry in criminal matters

36 Naumenko O.A. Peculiarities of excitation of criminal case upon illegal formation of a legal entity

41 Demin D.V. The concept of suspicion as an institution of criminal procedure law of Russia

45 Lomakina A.A. To the question of the production examination of the minor victim during the investigation of crimes against sexual inviolability of the person

49 CRIMINALISICS, OPERATIVE- INVESTIGATIVE ACTIVITY

49 Ivanov S.I., Nikitina L.N. To the question of the ideal and material motivation of persons assisting operational investigative authorities

53 Safronov A.A., Slivni A.A. Conduct certain investigative activities in order to expand the organization of illegal migration

59 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

59 Karnaushenko L.V. The implementation of the government information function in conditions of open global society of the XXI century

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ**

*Плотников В.В., Кубякин Е.О., Стригу-
ненко И.К., Белашова Я.Ю.* Онлайн-игры в
социокоммуникативной среде сети Интернет

Палий В.М. Потенциал социологии в регу-
лировании политических процессов совре-
менного трансформирующегося общества

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Вашаев М.А. К вопросу об усилении дисци-
плинарной ответственности за нарушение
правил несения службы в суточном наряде
по охране собственных объектов курсанта-
ми и слушателями образовательных органи-
заций МВД России

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

*Болотин А.Э., Медников А.Б.,
Кочетков Д.И.* Обоснование факторов,
определяющих целесообразность исполь-
зования средств агрегированного форми-
рования двигательных навыков стрельбы
в условиях водной среды у сотрудников
специальных подразделений

Куров А.И. Некоторые вопросы обеспече-
ния личной профессиональной безопасно-
сти сотрудников органов внутренних дел и
пути их решения

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ВОСПИТАНИЕ**

Витютнев Е.Е. Проблемы профессио-
нальной подготовки преподавателей физи-
ческой подготовки образовательных органи-
заций МВД России

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**63 PHILOSOPHY, SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE**

63 *Plotnikov V.V., Kubyakin E.O., Strigunen-
ko I.K., Belashova Ya.Yu.* Online games in
socially communicative environment of the Internet

67 *Paly V.M.* The potential of sociology in the
regulation of political processes of modern
transformed society

**71 MODERN PROBLEMS
OF HIGH EDUCATION**

71 *Vashaev M.A.* To a question of strengthening
of disciplinary responsibility for abuse of
regulations of service in daily details on
protection of own objects by cadets and
students of the educational organizations of the
Ministry of the Interior of Russia

**76 SPECIAL TRAINING
IN INTERNAL AFFAIRS BODIES**

76 *Bolotin A.E., Mednikov F.B., Kochetkov D.I.*
Justification of the factors defining expediency
of use of means of the aggregated forming of
movement skills of firing in the conditions of
the water environment at the staff of special
divisions

80 *Kurov A.I.* Some issues of providing personal
safety staff department of Internal Affairs and
their solutions

**83 PHYSICAL CULTURE
AND EDUCATION**

83 *Vityutnev E.E.* Problems of professional
training of teachers of physical training of
educational organizations of the Ministry of the
Interior of Russia

87 INTO CONSIDERATION OF AUTHORS

Понятие общеуголовной преступности

В статье анализируются содержательные характеристики и конституирующие признаки общеуголовной преступности. Предложенное автором понятие общеуголовной преступности может стать теоретической основой для разработки практических рекомендаций по статистическому учету и противодействию данному виду преступности.

Ключевые слова: преступность, общеуголовная преступность, преступления общеуголовной направленности, криминология, преступник.

The concept of common crime

The article analyzes the content characteristics and constitutive features of common crime. The proposed concept of common crime, the author can become the theoretical basis for the development of practical recommendations for the statistical recording and combating this type of crime.

Key words: crime, common crime, crimes of general criminal nature, criminology, criminal.

Несмотря на широкое использование в науке понятия общеуголовной преступности, в нормативных правовых актах, а также в деятельности правоохранительных и иных государственных органов сегодня существует теоретическая непроработанность и плюрализм в понимании и подходах к исследованию, учету и, соответственно, противодействию этому виду преступности.

Определение понятия общеуголовной преступности на основе анализа содержательных характеристик и конституирующих признаков общеуголовной преступности предполагает, прежде всего, обращение к родовому в данном случае понятию преступности.

Вербализуя понятие «преступность», криминологи, как правило, выделяют такие ее основные характеристики, как массовость проявления, историческая изменчивость, запрещенный (уголовно-правовой) характер, социальный (общественный) характер, пространственно-временной континуум существования и пр. На наш взгляд, не все из указанных признаков относятся к сущностными характеристикам феномена преступности.

Так, историческая изменчивость не является ключевой характеристикой преступности, поскольку исторически непостоянными являются любые социальные явления, в том числе и само общество, и право как его атрибут. Социальный характер преступности, исходя из вышеуказанной причины, также не принадлежит к ее определяющим признакам, ведь социальными считаются все явления общественного бытия. Преступность в своей природе биосоциальна, главный актор преступного деяния – человек – существо биосоциальное, и игнорировать природу его существования, которая выражается, в том числе, и в преступном поведении, нельзя [1]. В то же время выделение этого признака

при формулировании понятия преступности нецелесообразно, поскольку биосоциальным по своей природе является и само общество. Указание на пространственно-временной континуум существования преступности также маловажно, поскольку характеризует феномен преступности лишь в его существовании (проявлениях) извне. Выявление и постижение сущности феномена преступности в разных его аспектах и закономерностях его существования и проявления должно осуществляться с позиции как внешних, так и внутренних факторов, его конституирующих.

Исследуя явление преступности, нужно учитывать, что она представляет собой сложное, многомерное явление, детерминированное множеством биологических и социальных факторов, и включена в правовое поле, т.е. является частью правовой реальности. Из всех характеристик преступности наиболее важной для определения интегрирующего, фундаментального признака данного феномена, отображающего его системную целостность, по нашему мнению, является противоправное (уголовно-наказуемое) поведение человека как биосоциального существа. Понимание преступности как системы, т.е. сложного рефлексивного сплава реального и условного, играющего роль «вспомогательной реальности», является конкретным инструментом ее познания, направления которого определяются интегративным качеством и атрибутивными системными признаками (целостность, наличие нескольких типов связей (пространственных, функциональных, генетических и др.), структура, наличие уровней и их иерархия, самоорганизация (самодетерминация и самовоспроизведение), функционирование и развитие) [2]. С учетом сказанного, мы определяем преступность как массовое, систем-

ное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества.

Соотношение категорий преступности и общеуголовной преступности как общего и частного при определении понятия общеуголовной преступности указывает на логику отграничения круга соответствующих преступных деяний, определяющих данный вид преступности как частное проявление указанного феномена, исходя из следующих, криминологически обоснованных, на наш взгляд, критериев:

1. Отграничение круга общеуголовных преступлений по субъекту их совершения (личности преступника). При этом следует исходить как из уголовно-правового подхода к данному критерию классификации преступлений, так и из его криминологического содержания.

В криминологии традиционным является выделение отдельных видов преступности по критерию субъекта преступлений. Личность преступника является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. В ряде случаев личность преступника может быть наделена (как криминальным законом в случае определения специального субъекта преступления, так и фактически, исходя из своего социально-правового статуса и пр.) различными специфическими признаками, которые обуславливают специфику преступного поведения и характер совершаемых преступлений. Именно с этих позиций мы оперируем сегодня понятиями «преступность несовершеннолетних», «преступность мигрантов», «преступность военнослужащих», «преступность сотрудников правоохранительных органов» и т.п., выделяя отдельные виды преступлений исходя из субъективных характеристик лиц, их совершающих.

Также следует учитывать, что совершение преступления служебным лицом определяет и специфическую сферу общественных отношений (объект преступления), особенности жертвы преступления, а также механизм совершения преступного деяния и его последствия. Так, например, определение субъекта преступления в качестве основы выделения преступлений, совершаемых работниками правоохранительных органов, как отдельного вида преступлений позволяет объективно познать суть данного явления, рассмотреть и проанализировать специфику указанных преступлений. Существенным признаком данного вида преступлений является совершение преступления с использованием служебного положения (от должностных полномочий до знаний и навыков, которыми владеет работник правоохранительного органа в связи с выполнением своих профессиональных функций) [3]. Включение же в данную группу общеуголовных

преступлений, совершенных независимо от использования служебного положения, противоречит самой идее выделения преступлений работников ОВД в отдельный вид преступности с присущими ему характерными особенностями.

С учетом сказанного, по нашему мнению, к общеуголовным преступлениям нельзя относить преступления, совершаемые служебными лицами (в широком понимании [4]) или любыми другими лицами, должностной, профессиональный или иной статус которых при совершении преступных деяний определяет криминологическую сущность последних.

2. Отграничение круга общеуголовных преступлений по уровню преступной деятельности. Данный критерий охватывает два аспекта.

Прежде всего, нельзя относить к общеуголовной преступности проявления организованной преступности. Понятие «организованная преступность» во всем мире означает сплоченную систему криминальных сообществ. Традиционно в качестве признаков организованной преступности выделяют следующие: выраженные организационные структуры и строгая иерархия; наличие значительных денежных средств, которые инвестируются в различные сферы преступной деятельности; выход организованной преступности на международную арену; стремление лидеров организованной преступности получить доступ к политической власти [5, с. 125]. Таким образом, в широком понимании организованную преступность можно определить как сложные виды криминальной деятельности, которые осуществляются в широких масштабах сплоченными объединениями, имеющими внутреннюю структуру, получающими финансовую прибыль и приобретающими власть путем создания и эксплуатации рынков незаконных товаров и услуг. Если абстрагироваться и отбросить второстепенные признаки, то сущностными признаками феномена организованной преступности являются: соответствующий уровень сплоченности и организованности преступных сообществ, системное противодействие социальному контролю (в том числе путем коррупции и проникновения в органы власти и управления) и получение прибыли в результате преступной деятельности. Хотя наличие коррумпированных связей характерно не для всех преступных сообществ, в целом коррупция является существенным признаком феномена организованной преступности, выступая одним из видов системной связи как внутри самой системы организованной преступности, так и наряду с другими подсистемами общества. Относить преступления, совершаемые организованными группами (например, грабег,

разбой и пр.), к феномену организованной преступности нецелесообразно из-за отсутствия в большинстве случаев их совершения существенных характеристик организованной преступности.

Таким образом, общеуголовная преступность не охватывает формы преступного поведения, предусмотренные ст. 208 УК РФ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), ст. 209 УК РФ (бандитизм), ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) и пр.). Рассматривая вопрос отграничения круга общеуголовных преступлений по уровню преступной деятельности, следует учитывать все проявления организованной преступности независимо от направленности их преступной деятельности, поэтому к общеуголовной преступности не относятся такие преступления, совершаемые преступными объединениями, как, например, торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) и пр.

Учитывая критерий уровня преступной деятельности, можем сказать, что общеуголовная преступность не охватывает так называемые «международные преступления». К данной группе преступлений следует отнести, прежде всего, преступления против мира и безопасности человечества, а также различного рода «конвенциональные» преступления (ст. 227 УК РФ (пиратство) и пр.).

3. Отграничение круга общеуголовных преступлений по сфере общественных отношений, которые являются объектом преступления. При этом также следует исходить как из сугубо уголовно-правового подхода к данному критерию классификации преступлений, так и из его криминологического содержания. Суть в том, что специфика объекта преступления, которая во многих случаях – что имеет огромное криминологическое значение – зависит от специфики потерпевшего (жертвы преступления), в подавляющем большинстве случаев определяет криминологические особенности преступлений, которые обуславливают целесообразность выделения их именно в качестве самостоятельного вида преступлений и, соответственно, объекта криминологических исследований.

Категория общеуголовных преступлений не охватывает преступления в сфере экономической деятельности, преступления в сфере оборота наркотиков (в широком понимании), преступления в сфере компьютерной информации.

4. Отграничение круга общеуголовных преступлений по специфике направленности преступной деятельности. В соответствии с данным критерием общеуголовные преступления

следует отграничивать, прежде всего, от таких специфических видов преступлений, как преступления экстремистской направленности и преступления террористического характера, имеющих ярко выраженную характерную мотивацию (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), цели преступной деятельности (устрашение населения, дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений) и пр.

5. Отграничение круга общеуголовных преступлений в соответствии с критерием массовости преступного поведения. В данном случае речь идет о том, что одним из существенных признаков феномена преступности является именно массовый характер противоправного поведения части членов общества.

Следовательно, общеуголовная преступность как разновидность преступности представляет собой специфическую систему массовых проявлений криминального поведения членов общества. Признак массовости необходим, как отмечает Т.В. Шипунова, «чтобы отличать преступность от тех видов преступлений, которые встречаются довольно редко, и их удельный вес в общем корпусе преступности настолько мал, что им можно пренебречь» [6]. Уголовный кодекс содержит ряд составов преступлений, которые, согласно уголовно-правовой статистике, очень редко совершаются или вообще остаются искусственным законодательным конструктом. Безусловно, учитывая такое характерное свойство преступности, как латентность, независимо от состояния проявления отдельных элементов извне, мы можем утверждать, что сущность преступности как системы определяют все соответствующие виды преступного поведения. Однако беря во внимание объективное несоответствие определенных форм признанного преступным поведения признаку общественной опасности, мы констатируем, что включение отдельных форм преступного поведения в объект исследования (в данном случае в общеуголовную преступность) нецелесообразно (прежде всего в силу нестабильности их проявления в пространственно-временном континууме), поскольку это отвлекает от внутренней сущности исследуемого феномена.

Согласно данному критерию общеуголовная преступность не охватывает формы преступного поведения, предусмотренные ст. 205.6 УК РФ (несообщение о преступлении), ст. 215.4 УК РФ (незаконное проникновение на охраняемый объект), ст. 259 УК РФ (уничтожение

критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации) и пр.

Следует учитывать, что указанные критерии (основания) отграничения круга общеуголовных преступлений не исключают, а чаще всего, органично сочетаясь, дополняют друг друга.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что общеуголовная преступность представляет собой массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества, не отягощенное, с криминологической точки зрения, другими специфическими объективными (сфера общественных отношений, на которую посягает преступление, жертва преступления, уровень организованности преступной деятельности) и/или субъективными (личность преступника, мотивационная или целевая направленность) характеристиками (признаками).

Сущность общеуголовной преступности состоит в том, что она является ядром преступности. Именно общеуголовные преступления (прежде всего, насильственные) представляют собой те проявления преступности, которые «существуют вечно, чему есть подтверждением фольклор и писаная история народов: заповеди, запреты (табу) ... законы, в которых эти проявления определены (убийства, разбои, грабежи, изнасилования и др.)» [7, с. 331], являются наиболее устоявшимися и распространенными формами криминального поведения человека и караются во все времена и во всех обществах. Общеуголовная преступность является индикатором криминальной пораженности общества. Изменения состояния общеуголовной преступности определяют изменения состояния всей преступности. В свою очередь, именно состояние общеуголовной преступности и эффективность противодействия ей являются индикатором способности общества (в первую очередь власти) обеспечить защиту прав и свобод человека и его безопасность от криминальных угроз.

Соответственно, исследование общеуголовной преступности дает представление о преступности в целом, а изменения ее состояния должны быть первостепенным объектом криминологического мониторинга и прогнозирования. В то же время государственная уголовная статистика, отражающая сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях, а также лицах, их совершающих (в частности форма 4-ЕГС, формируемая Генеральной прокуратурой РФ),

отражающая данные первичного учета по различным категориям преступлений (экономической направленности; налоговых (из числа преступлений экономической направленности); коррупционной направленности; экологических; террористического характера; экстремистской направленности совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства; связанных с оборонно-промышленным комплексом; совершенных в особо крупном размере либо сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере; совершенных в крупном (значительном) размере либо причинивших крупный (значительный) ущерб; связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ; связанных с незаконным оборотом оружия; совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств; совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов; совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств; совершенных с использованием имитирующих устройств; совершенных в городах и поселках городского типа; совершенных в республиканских, краевых и областных центрах; совершенных в сельской местности), не предусматривает в качестве отдельной категории учета общеуголовных преступлений (преступлений общеуголовной направленности).

Такого рода недостатки не позволяют надлежащим образом вести учет тех или иных проявлений преступности, анализировать криминологическую информацию и отображать адекватную криминогенную ситуацию [8, с. 10]. Учитывая информативную роль общеуголовной преступности как ядра преступности и первичного индикатора ее состояния, мы можем сделать вывод, что указанный недостаток необходимо устранить, например, путем дополнения имеющихся на сегодня перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности [9], введенных в действие в целях обеспечения единого подхода и полноты отражения в формах федерального статистического наблюдения сведений о состоянии преступности в России Перечнем преступлений общеуголовной направленности. Это, в свою очередь, требует дальнейшей тщательной проработки вопроса определения четкого круга преступлений общеуголовной направленности.

1. Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2016. № 1.

2. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52).

3. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного насилия в органах внутренних дел: науч.-практ. пособие. Краснодар, 2017.

4. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А., Венедиктов А.А. К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1.

5. Организованная преступность – 2. Проблемы, дискуссии, предложения. «Круглый стол» криминологической ассоциации / отв. ред. А. И. Долгова, С. В. Дьяков. М., 1993.

6. Шипунова Т. В. Подходы к объяснению преступности: противостояние или взаимодополнение (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2006. № 1 (261).

7. Голина В.В. Преступность: многообразие понятий и предметная сущность явления // Проблемы законности. 2009. № 100.

8. Игнатов А.Н. Убийство: криминологическое статистическое исследование. Симферополь, 2012.

9. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13 дек. 2016 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209595/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/

1. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime // Bull. of Saint Petersburg University. Law. 2016. № 1.

2. Ignatov A.N., Ilyanovich E.B. Methodological grounds of studying crime // Society and law. 2015. № 2(52).

3. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. Criminological characteristics and prevention of unlawful violence in the organs of internal affairs: sci.and pract. manual. Krasnodar, 2017.

4. Ignatov A.N, Kashkarov A.A., Venediktov A.A. On the legal definition of criminal law evaluation of the concept of «use of official position» // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2016. № 1.

5. Organized crime – 2. Problems, discussions, proposals. «Round-Table» of the criminological association / resp. ed. A.I. Dolgov, S.V. Dyakov. Moscow, 1993.

6. Shipunova T.V. Approaches to a crime explanation: opposition or complementarity (sociologist's look) // Social researches. 2006. № 1.

7. Golina V.V. Crime: variety of concepts and the substantive essence of the phenomenon // Problems of legality. 2009. № 100.

8. Ignatov A.N. Murder: criminological-statistical study. Simferopol, 2012.

9. On the enactment of lists of articles of the Russian Criminal Code used in the formation of statistical reporting: statement by the Prosecutor General's Office № 797/11, Ministry of Internal Affairs № 2 d.d. Dec. 13, 2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209595/251f7ac207ca304c6331640eb36b162351c24684/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности?

В статье проведен анализ закрепленных в уголовном законе Российской Федерации мелких преступлений (рецидив мелкого хищения, мелкий коммерческий подкуп, мелкое взяточничество) с точки зрения действующей системы взаимосвязей административной и уголовной ответственности. Показана связь административно-деликтного и уголовного права.

Ключевые слова: мелкие преступления, коррупционные административные правонарушения, административная ответственность, уголовная ответственность, мелкое хищение, мелкий коммерческий подкуп, мелкое взяточничество.

Petty crimes: the relationship or blurring of the boundaries of administrative and criminal liability?

The article analyzes small crimes committed in the criminal law of the Russian Federation (relapse of petty theft, small commercial bribery, petty bribery) from the point of view of the current system of interrelationships between administrative and criminal responsibility. The connection between administrative-tort and criminal law is shown.

Key words: petty crimes, corruption administrative offenses, administrative responsibility, criminal responsibility, petty theft, small commercial bribery, petty bribery.

Еще недавно студенты юридических образовательных организаций и факультетов, изучавшие проблематику юридической ответственности, могли услышать от вполне квалифицированного преподавателя, что разбой и грабеж мелкими не бывают, мелкая кража, мелкое мошенничество, а также мелкое присвоение либо мелкая растрата чужого имущества являются исключительно административными правонарушениями, совершение которых влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 7.27 КоАП РФ «Мелкое хищение».

Действительно, применительно к соотношению административной и уголовной ответственности термин «мелкое правонарушение» традиционно использовался только в административно-деликтном праве и служил для отграничения мелкого хищения и мелкого хулиганства не от других административных правонарушений, а от пограничных с ними преступлений. Необходимость в подобной юридической терминологии возникла и исторически сложилась ввиду наличия в административно-деликтном и уголовном праве смежных по качественному и количественному характеристикам составов правонарушений.

3 июля 2016 г. сложившийся в российском законодательстве терминологический баланс между определениями мелкого администра-

тивного правонарушения и преступления был нарушен интервенцией в уголовное законодательство сразу трех составов, закрепивших появление мелких преступлений: «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 158.1 УК РФ) [1]; «Мелкий коммерческий подкуп» (ст. 204.2 УК РФ); «Мелкое взяточничество» (ст. 291.2 УК РФ) [1; 2]. До этого «мелкими» назывались исключительно административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ, а именно «Мелкое хищение» (ст. 7.27 КоАП РФ) и «Мелкое хулиганство» (ст. 20.1 КоАП РФ).

Эти три состава, включающих мелкие преступления, можно подразделить на две группы, которые разнятся между собой с точки зрения способа взаимосвязи с действующими составами административных правонарушений, влекущих административную ответственность.

Так, рецидив мелкого хищения, преступность которого закреплена в ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», представляет собой классический состав преступления с административной преюдицией, сформированный из юридического материала под известным девизом: «Все новое – это хорошо забытое старое».

В связи с этим показательны следующие слова из известной научной работы конца

80-х гг. XX в. профессора Д.Н. Бахраха: «В 1960 г. УК РСФСР предусмотрел уголовную ответственность за третье мелкое хулиганство, совершенное в течение года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» была установлена уголовная ответственность за повторное мелкое хулиганство, а в 1977 г. уголовная ответственность за мелкое хулиганство была отменена» [3, с. 29–30]. При этом Д.Н. Бахрах отмечает, что в течение названного промежутка времени свойства мелкого хулиганства почти не изменились, а вот их правовая оценка изменилась существенно [3, с. 30].

Сейчас вектор правовой оценки законодателем мелкого хулиганства, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство», сменился в сторону, диаметрально противоположную той, что сложилась с 3 июля 2016 г. В соответствии с двумя масштабными федеральными законодательными актами, внесенными существенные изменения в уголовное, уголовно-процессуальное и административно-деликтное законодательство, принятыми 8 декабря 2003 г. [4; 5], проведена и частичная декриминализация хулиганства, предусмотренного ст. 213 УК РФ.

Это повлекло насыщение состава мелкого хулиганства, предусмотренного ст. 20.1 КоАП РФ, новыми квалифицирующими признаками, ранее характерными для хулиганства как преступления, а именно:

уничтожение или повреждение чужого имущества;

неповиновение законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка.

Кроме того, более глубокая детализация квалификации мелкого хулиганства как административного правонарушения, закрепленного в ст. 20.1 КоАП РФ, выразилась также в следующем:

1. Диспозиция ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» освобождена от расплывчатой формулировки определения мелкого хулиганства как совершения неких «других действий», демонстративно нарушающих общественный порядок и спокойствие граждан наряду с нецензурной бранью в общественных местах либо оскорбительным приставанием к гражданам.

2. Редакция ст. 20.1 КоАП РФ от 8 декабря 2003 г. содержит в себе уже две части.

Таким образом, 8 декабря 2003 г. федеральный законодатель синхронно закрепил как декриминализацию хулиганства (ст. 213 УК РФ), так и существенную детализацию административной деликтности мелкого хулиганства в действующем законодательстве об административной ответственности (ст. 20.1 КоАП РФ).

Очевидно, что современная межотраслевая правовая модель мелкого хищения и мелкого хулиганства и смежных с ними преступлений, а также рецидив мелкого хищения – это еще один наглядный пример отсутствия согласованной стратегии по разработке и реализации административно-деликтной и уголовно-правовой государственной политики.

Действительно, если мелкое хулиганство было переосмыслено законодателем в 2003 г. после расширения административной деликтности за счет декриминализации хулиганства как преступления, то в 2016 г. в отношении мелкого хищения была применена криминализация путем принятия специальной статьи (ст. 158.1 УК РФ) и признания рецидива мелкого хищения преступлением.

При этом действующая редакция КоАП РФ по-прежнему позволяет относить мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) и мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) к равным по степени общественной опасности административным правонарушениям, т.к. за совершение как первого, так и второго судьей может быть назначено максимальное административное наказание в виде административного ареста на срок до пятнадцати суток.

Квалификация мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию сопряжена с теоретическими и практическими проблемами, характерными для всех преступлений с административной преюдицией: «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» (ст. 116.1 УК РФ); «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (ст. 151.1 УК РФ); «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (ст. 212.1 УК РФ); «Незаконное проникновение на охраняемый объект» (ст. 215.4 УК РФ) и др.

В связи с этим главная проблема в правоприменении – это отсутствие единообразия установления как в уголовном законе, так и на практике сроков юридического состояния административной ответственности как важнейшего квалифицирующего признака составов преступлений с административной преюдицией. В связи с существованием презумпции невиновности возникает неразрешимый в теории вопрос ухода от уголовной ответственности лица, повторно совершившего административное правонарушение (например, мелкое хищение) после назначения данному лицу административного наказания, но до вступления постановления о назначении административного наказания в законную силу.

Заслуживает внимания позиция А.В. Шульги и Ю.Д. Кашаповой, полагающих, что признание рецидива мелкого хищения преступлением, равно как и признание преступным рецидива побоев (ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» [6]), противоречит принципу справедливости, и законодателю достаточно было внести условие о наличии назначенного административного наказания в перечень обстоятельств, отягчающих уголовное наказание (ст. 63 УК РФ) [7, с. 29–30], что, как представляется, объективно учитывает самую распространенную грань взаимосвязи административной и уголовной ответственности: наличие десятков пограничных составов административных проступков и преступлений.

Действительно, одно и то же административное правонарушение по своим юридическим параметрам не становится более общественно опасным из-за неоднократности его совершения. «Сложение двух административных правонарушений не может составить одного преступления» [8, с. 79]. Следует поддержать тезис о том, что правильная альтернатива составам преступлений с административной преюдицией – закрепление в КоАП РФ более строгих наказаний за неоднократные правонарушения [9, с. 3–4].

В то же время составы мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) и мелкого коммерческого подкупа (ст. 204.2 УК РФ) отличаются от проанализированного выше уголовно наказуемого рецидива мелкого хищения принципиально иной юридической конструкцией, а также иной плоскостью способа взаимосвязи с действующими составами административных правонарушений, влекущих административную ответственность. Поскольку данные составы не содержат административную преюдицию и названы по аналогии с закрепленными в КоАП РФ мелким хищением и мелким хулиганством, логично предположение, что законодатель собираясь расширить круг административных правонарушений, направленных на борьбу с проявлениями коррупции, изменил свое решение и успешно закрепил преступность данных деяний.

Этим можно объяснить следующие существенные изъяны в законодательной технике, продемонстрированные при закреплении в УК РФ мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа:

Во-первых, наименования преступлений имеют административно-деликтный подтекст, претендуя или на совершенно новый вид противоправных деяний (своеобразные межотраслевые мелкие правонарушения), или на временное закрепление в уголовном законодательстве с последующим перемещением их в

КоАП РФ. Это не первый случай «межотраслевого смешивания» административно-деликтной и уголовно-правовой терминологии. В качестве примера можно привести следующие юридические термины: неправомерные действия при банкротстве – это наименование как административного проступка, закрепленного в ст. 14.13 КоАП РФ, так и преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ; побои – название как административного правонарушения, закрепленного в ст. 6.1.1 КоАП РФ, так и преступного деяния, предусмотренного ст. 116 УК РФ; обязательные работы – вид административного наказания (ст. 3.13 КоАП РФ) и вид уголовного наказания (ст. 49 УК РФ) и др.

Во-вторых, законодателем заложен юридический фундамент для дальнейшего увеличения количества статей, регулирующих административные правонарушения, нацеленных на борьбу с коррупцией и закрепленных в КоАП РФ. Уже сейчас федеральный кодификационный акт, регулирующий административную ответственность, предусматривает административно-правовую охрану антикоррупционной направленности в девяти статьях [10, с. 211–212] («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» (ст. 19.28 КоАП РФ), «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление в период избирательной кампании, кампании референдума благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах» (ст. 5.16 КоАП РФ), «Использование незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании, кампании референдума» (ст. 5.19 КоАП РФ), «Нецелевое использование бюджетных средств» (ст. 15.14 КоАП РФ), и др.). Просматривается реальная перспектива появления в КоАП РФ самостоятельной главы «Коррупционные административные правонарушения».

Ряд составов коррупционных административных проступков, закрепленных в действующем КоАП РФ, наглядно иллюстрирует правоту тезиса профессора В.В. Денисенко о том, что такой традиционный критерий разграничения преступлений и административных правонарушений, как общественная опасность, «давно уже перестал соответствовать объективному пониманию того, что более тяжкое деяние должно предусматривать более суровое наказание» [11, с. 150].

В связи с этим весьма показательны административно наказуемые незаконная передача, предложение или обещание от имени или в интересах юридического лица должностному лицу денежных средств или иного имущества за совершение данным должностным лицом в интересах данного юридического лица дей-

ствия (бездействия), связанного с занимаемым должностным лицом служебным положением. Согласно ч. 3 ст. 19.28 КоАП РФ передача, предложение или обещание денежных средств или иного имущества в особо крупном размере (если суммарно и (или) в рублевом эквиваленте предмет (предметы) правонарушения оценивается более чем в 20 млн рублей) влекут назначение для юридического лица административного штрафа в сумме до стократной величины денежных средств и стоимости других активов, незаконно переданных либо оказанных или обещанных либо предложенных от имени юридического лица, но не менее 100 млн российских рублей с конфискацией соответствующих денег и стоимости других активов, выступивших в качестве непосредственных предметов правонарушения, без закрепления какой-либо верхней границы размеров назначаемых в подобных случаях административных штрафов.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ самый большой шестилетний срок давности привлечения к административной ответственности установлен лишь за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 15.27.1 КоАП РФ «Оказание финансовой помощи терроризму», и за совершение любого коррупционного административного правонарушения. Налицо максимально высокая оценка законодателем в действующих нормах административно-деликтного права общественной опасности административных правонарушений с точки зрения давностных сроков привлечения к ответственности. Очевидна наметившаяся тенденция к расширению круга коррупционных административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ. Подобными новыми, пограничными с преступлениями, составами противоправных деяний, закрепленных в КоАП РФ, могли стать как мелкое взяточничество, так и мелкий коммерческий подкуп.

Криминализация мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества привела к следующему «юридическому конфузу»: срок давности привлечения к уголовной ответственности за совершение таких преступлений небольшой тяжести, как мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп, составляет два года, втрое уступая сроку давности привлечения к административной ответственности за совершение любого коррупционного административного правонарушения, несмотря на существенную оперативность процессуальной формы реализации последних [12] и, наоборот, ввиду гораздо более глубокой детализации и отсутствия принципа оперативности в уголовном судопроизводстве [13, с. 122–124].

Конечно, ситуацию несколько сглаживает то обстоятельство, что уголовный закон в ч. 3

ст. 78 УК РФ закрепил правила приостановления течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в случаях, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от суда либо следствия или от уплаты назначенного в связи с освобождением от уголовной ответственности судебного штрафа. Аналогичные правила приостановления течения сроков давности административной ответственности в КоАП РФ отсутствуют.

Тем не менее, серьезной наукоёмкой проработки и самого пристального внимания непосредственно российского законодателя требует теоретико-практический вопрос: почему, установив для коррупционных административных правонарушений сроки давности привлечения к административной ответственности, характерные по временным параметрам для преступлений средней тяжести (шесть лет), законодатель предпочел криминализировать мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп, отнес их к преступлениям небольшой тяжести и тем самым снизив по данным коррупционным правонарушениям давностные сроки в три раза?

Указанная проблема обостряется тем, что преступления небольшой тяжести, с присутствием им двухлетним давностным сроком, выступают и такие «немелкие» классические коррупционные преступления, как:

получение взятки в размере свыше 10 тыс. рублей, но не превышающем 25 тыс. рублей (ч. 1 ст. 290 УК РФ);

дача взятки в размере свыше 10 тыс. рублей, но не превышающем 25 тыс. рублей (ч. 1 ст. 291 УК РФ);

коммерческий подкуп в размере свыше 10 тыс. рублей, но не превышающем 25 тыс. рублей (ч. 1 ст. 204 УК РФ);

коммерческий подкуп в размере свыше 25 тыс. рублей, но не превышающем 150 тыс. рублей (ч. 2 ст. 204 УК РФ);

посредничество в коммерческом подкупе, совершенное в размере свыше 25 тыс. рублей, но не превышающем 150 тыс. рублей (ч. 1 ст. 204.1 УК РФ).

В-третьих, очевиден существенный изъян в законодательной технике с точки зрения компоновки новых норм уголовного права в статьи действующего УК РФ: законодатель вполне мог, криминализируя коммерческий подкуп, дачу взятки и получение взятки в размере, не превышающем 10 тыс. рублей, дополнить действующие ст. 204, 290 и 291 УК РФ новыми частями, предусматривающими уголовную ответственность за совершение соответствующих коррупционных преступлений в «малом размере», разъяснив в примечаниях к ст. 204 и 290 УК РФ, что малым размером коммерческого подкупа или, соответственно, взятки признает-

ся сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав в размере, не превышающем 10 тыс. рублей.

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ показывает, что мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп в силу ряда факторов юридического характера (наименования, правовая природа данных деяний, законодательная техника и др.) обоснованно могли стать новыми мелкими административными правонарушениями, пограничными с соответствующими коррупционными преступлениями.

Криминализация мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа отнесла их к числу преступлений, для которых характерна так называемая «административная соделиктность юридических лиц» [14, с. 51–53], предполагающая, что должностное лицо (или иное физическое лицо) привлекается к уголовной ответственности, а юридическое лицо за то же самое деяние подлежит административной ответственности. Например, если должностное лицо юридического лица

совершит в интересах данной организации мелкое взяточничество путем дачи взятки другому должностному лицу, то: 1) это должностное лицо – взяткодатель – подлежит уголовной ответственности за совершение мелкого взяточничества; 2) юридическое лицо, в интересах которого одним из его должностных лиц дана «мелкая взятка», подлежит административной ответственности и согласно ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ на данное юридическое лицо может быть наложен административный штраф в размере 1 млн рублей с конфискацией предметов взятки (денежных средств, ценных бумаг и др.).

Наличие такой актуальной взаимосвязи административно-деликтного и уголовного права, как административная соделиктность юридических лиц при привлечении физических лиц к уголовной ответственности, требует детального согласования как материальных норм КоАП РФ и УК РФ, так и процессуальных норм КоАП РФ и УПК РФ, нуждающихся в комплексной совместной модернизации и по многим направлениям.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4256.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4257.

3. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. Свердловск, 1989.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

5. О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

6. Шульга А.В., Кашапова Ю.Д. К вопросу об уголовной ответственности за побои // Политический сетевой электронный Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128.

1. On Additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for exemption from criminal liability: fed. law d.d. July 3, 2016 № 323-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 27. Art. 4256.

2. On Additions the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: fed. law d.d. July 3, 2016 No. 324-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 27. Art. 4257.

3. Bahrakh D.N. Administrative responsibility of citizens in the USSR: study aid. Sverdlovsk, 1989.

4. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 8, 2003 No. 162-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4848.

5. On bringing the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and other legislative acts in line with the Federal Law «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation»: fed. law d.d. Dec. 8, 2003 № 161-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4847.

6. Shulga A.V., Kashapova Yu.D. On the issue of criminal liability for beatings // Political Network Electronic Journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. № 128.

7. Shulga A.V., Kashapova Yu.D. Petty theft: a crime or an offense? // Advances in modern science and education. 2017. Vol. 8. № 4.

7. Шульга А.В., Кашапова Ю.Д. Мелкое хищение: преступление или правонарушение? // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 8. № 4.

8. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право: Общая часть: учеб. Краснодар, 1999.

9. Иваненко И.Н., Пенькова А.С. Разграничение административного правонарушения и преступления // Политематический сетевой электронный Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 129.

10. Поляков М.М. Коррупционные административные правонарушения: понятие, виды и содержание // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина. 2017. № 8.

11. Денисенко В.В. От рассогласованности к единству подходов к осуществлению уголовной и административно-деликтной политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016.

12. Чернов Ю.И. Принцип оперативности в производстве по делам об административных правонарушениях // Право и практика. 2014. № 1.

13. Чернов Ю.И. Взаимосвязь принципов административно-деликтного и уголовного процессов // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 8(20).

14. Чернов Ю.И. Соотношение уголовного судопроизводства с процессуальной формой административной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.

8. Galiakbarov R.R. Criminal Law: General part: textbook. Krasnodar, 1999.

9. Ivanenko I.N., Penkova A.S. Delimitation of administrative offenses and crimes // Political network electronic Scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. № 129.

10. Polyakov M.M. Corruption administrative offenses: concept, types and content // Bull. of the Kutafin Moscow State Law University. 2017. № 8.

11. Denisenko V.V. Sending from the unity of approaches of criminal and administrative-delictual policy: proc. of International sci. and practice. conf. Krasnodar, 2016.

12. Chernov Yu.I. The principle of efficiency in the proceedings in cases of administrative violations // Law and practice. 2014. № 1.

13. Chernov Yu.I. Interrelation of principles of administrative-delictual and criminal processes // Actual questions of public law. 2013. № 8(20).

14. Chernov Yu.I. Ratio of criminal proceedings with the procedural form of an administrative offense: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Курдюк Петр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; e-mail: mail@kubsau.ru;

Чернов Юрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; e-mail: AdmfinKubsau@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

P.M. Kurdyuk, Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru;

Yu.I. Chernov, Candidate of Law, Assistant Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: AdmfinKubsau@yandex.ru

Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение

В статье охарактеризованы реальные и потенциальные угрозы террористического характера и экстремистской направленности в информационно-телекоммуникационной среде, рассмотрены система научных взглядов на данную проблематику, понятийный аппарат и юридическая ответственность за преступления в этой области. На основании проведенного анализа разработаны предложения по совершенствованию антитеррористической и контрэкстремистской практик в киберпространстве благодаря криминологическому обеспечению правоохранительной деятельности в данной сфере.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступность, киберпространство, киберугрозы, криминологическое обеспечение, предупреждение экстремизма и терроризма.

Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention

The work describes real and potential threats of a terrorist nature and of extremist orientation in the information and telecommunication environment, the system of scientific views on these problems, the conceptual apparatus and legal responsibility for crimes in this field are considered. Based on the analysis, proposals on improving counter-terrorism and counter-extremist practices in cyberspace primarily due to the criminological provision of law enforcement activities in this field, have been developed.

Key words: information and telecommunication technologies, cybercrime, cyberspace, cyber threats, criminological provision, prevention of extremism and terrorism.

Общеизвестно, что создание и использование передовых технологий, разработка и внедрение инновационной продукции, совершенствование уже существующих товаров и услуг являются залогом обеспечения развития всех без исключения сфер жизнедеятельности человека, общества и государства. При этом, сталкиваясь с термином «инновация», большинство обывателей ассоциативно связывает его со сферой информационно-телекоммуникационных технологий. По нашему мнению, это обусловлено как стремительным прогрессом последних, так и пристальным вниманием общественности к техническим (технологическим) изобретениям, улучшающим нашу жизнь, упрощающим быт и влияющим на развитие глобальной экономики и социальных систем.

Появившийся во времена Наполеона I Бонапарта афоризм о том, что одна газета стоит трех полковников (пяти дивизий), актуален сегодня, как никогда. Только возможности, результативность воздействия и аудитория печатных периодических изданий несопоставимы с современными информационно-телекоммуникационными потенциалами, технологиями ведения

кибервойн, креативом идеологов и изощренностью организаторов экстремистских и террористических сообществ, активно использующих площадки и сервисы киберпространства для непосредственного или косвенного осуществления преступной деятельности [1].

Как отмечает С.Я. Лебедев, с криминологической точки зрения по своему мотивационному содержанию потенциал киберугроз из корыстного постепенно трансформируется в насильственный, нацеленный на масштабные разрушения инфраструктур и социальных сообществ. Следовательно, он представляет несравненно большую общественную опасность не только для отдельных объектов, территорий, государств, но и человечества в целом [2, с. 378–379]. Иначе говоря, несмотря на достаточно лояльное отношение общества к «цифровой» преступности, перманентные попытки романтизации криминала в IT-сфере, внедрение в массовое сознание различных интернет-идеологий, мифов о либеральности интернет-пространства и декламации лозунгов о свободе информации в глобальной сети (см., например, манифесты хакера, киберпанка и т.п.), общественная опасность виртуальной

преступной деятельности очевидна и несопоставима с совершаемой в физическом мире.

26 октября 2017 г. на расширенном заседании Совета Безопасности Президент РФ В.В. Путин отметил, что «устойчивая работа информационных систем, средств коммуникации и связи, их защищенность имеют для страны стратегическое значение. Это важный фактор обеспечения суверенитета, обороноспособности, безопасности государства, эффективного развития экономики, социальной сферы, государственного управления на базе передовых, в том числе цифровых, технологий» [3]. Кроме того, глава государства подчеркнул первостепенную важность противодействия деятельности лиц, использующих информационное пространство для пропаганды радикальных идей, оправдания терроризма и экстремизма, также президент обратил внимание на значимость пресечения попыток размещения материалов, угрожающих безопасности государства, общества и граждан.

Отдельные вопросы противодействия киберпреступности рассматривали А.Г. Воловодз, П.Н. Кобец, С.Я. Лебедев, Е.Н. Молодчая, А.С. Овчинский, М.А. Простосердов, И.Ю. Сундиев, Т.Л. Тропина, И.Г. Чекунов и др. Однако проблемы выявления, нейтрализации и предупреждения угроз террористического характера и экстремистской направленности в киберпространстве изучались поверхностно либо в контексте исследования более широких вопросов.

Итак, в III тысячелетии именно информационно-телекоммуникационная среда стала плодородной почвой для экспансии радикальных взглядов, популяризации деструктивных идей, апробации новых способов вербовки неофитов и манипулирования общественным сознанием, совершения кибератак на государственные IT-ресурсы и банковский сектор, модернизации приемов содействия экстремизму, терроризму в обход традиционной финансовой системе и т.д.

Несмотря на значительный интерес научного сообщества и практиков к вопросам выявления, нейтрализации и предупреждения экстремистских и террористических угроз в киберпространстве, в международном и национальном праве отсутствуют универсальные понятия «киберэкстремизм» и «кибертерроризм» (впрочем, как и «экстремизм» и «терроризм»). Однако предложенная О.А. Голиком формулировка определений этих терминов, звучащая как использование компьютеров в качестве оружия или средства достижения целей поли-

тически мотивированных международных или национальных групп либо организаций, причиняющих или угрожающих причинить ущерб и посеять панику для воздействия на население или правительство [4, с. 36], достаточно дискуссионная. В первую очередь, это связано с тем, что для совершения преступлений используются не компьютеры, а компьютерные и телекоммуникационные технологии, прежде всего, Интернет. А утверждение, что специфической чертой и отличием кибертерроризма от киберпреступности является его открытость (ввиду широкого освещения «результатов» и последствий такой деятельности) [4, с. 36–37], можно отнести только к «классическому» терроризму (например, кибератака на компьютерные системы атомной электростанции), а не к использованию киберпространства в качестве места, способа, оружия и средства совершения преступлений террористического характера и экстремистской направленности, популяризации деструктивной идеологии, пропаганды радикальных мировоззрений, координации деятельности террористических групп, сбора информации, вербовки и обучения адептов и др. Также в авторском определении упущены религиозная, национальная, расовая и идеологическая составляющие современного экстремизма и терроризма.

Определения киберэкстремизма как экстремизма, совершенного в виртуальном мире, киберпространстве или сети Интернет (см., например, публикации Т.Н. Варфоломеевой, В.Н. Макашовой), также не выдерживают критику, поскольку угрозы терроризма и экстремизма в информационно-телекоммуникационной среде и последствия от их реализации не ограничиваются исключительно киберпространством, а касаются объектов реального мира: конкретных систем жизнеобеспечения населения, инфраструктуры, жизни и здоровья граждан и др. Поэтому мы разделяем выводы И.Ю. Сундиева и А.А. Смирнова о фактической стертости границ между виртуальным и реальным мирами при совершении киберпреступлений [5, с. 198].

Проведенный анализ законодательства стран постсоветского пространства свидетельствует о том, что отдельная норма, предусматривающая уголовную ответственность за кибертерроризм, содержится только в грузинском законодательстве. Так, ст. 324.1 УК Грузии предполагает ответственность за противоправное завладение охраняемой законом компьютерной информацией, ее использование или

угрозу использования, создающие опасность наступления тяжких последствий, совершенные в целях устрашения населения или (и) воздействия на орган власти (санкция – лишение свободы на срок от 10 до 15 лет). Квалифицирующим признаком считается совершение подобных действий, повлекших смерть человека или иные тяжкие последствия (санкция – лишение свободы на срок от 12 до 20 лет или бессрочное лишение свободы). Если действия были совершены юридическим лицом, оно наказывается ликвидацией или лишением права заниматься деятельностью и штрафом. Важно также отметить, что в гл. XXXV «Киберпреступления» УК Грузии содержатся только ст. 284 «Самовольное проникновение в компьютерную систему», ст. 285 «Незаконное использование компьютерных данных или (и) компьютерных систем» и ст. 286 «Посягательство на компьютерные данные или (и) компьютерную систему», а рассмотренная выше статья размещена в гл. XXXVIII «Терроризм» [6]. То есть даже у законодателя возникли сомнения в целесообразности отнесения кибертерроризма к «традиционным» киберпреступлениям.

По нашему мнению, необходимость юридической ответственности за совершение данного общественно опасного деяния очевидна, однако IT-сфера, в последнее время активно эксплуатируемая экстремистскими и террористическими организациями, не ограничивается только компьютерами и компьютерной информацией. Под санкцию рассмотренной выше нормы можно подвести и другие составы преступления, например, связанные с посягательством на персональные данные (ст. 157), тайну частной коммуникации (ст. 158), шпионаж (ст. 314) и др. [6]. Вместе с тем развитие информационных технологий, интернет-ресурсов, сервисов и других площадок в виртуальном пространстве, как и инновации в «реальном» мире, создают новые возможности для их использования в преступных целях и, соответственно, новые угрозы безопасности и миру порядку. Поэтому криминализировать каждую из таких угроз, вариаций экстремизма либо терроризма в отдельной норме уголовного закона нерационально.

Учитывая транссистемность и транстерриториальность террористических и экстремистских угроз в киберпространстве, можно утверждать, что Российская Федерация выступает одним из проактивных организаторов совместных антитеррористических учений в рамках международных форматов. В октябре

2015 г. в ходе отработки мероприятий по борьбе с терроризмом стран Шанхайской организации сотрудничества в Китайской Народной Республике были проведены штабные учения «Сымянь-2015» по противодействию использованию Интернета в террористических, сепаратистских и экстремистских целях. Задачей учений было совершенствование механизмов взаимодействия компетентных органов стран-участниц по выявлению и пресечению в сети Интернет действий, несущих террористическую или экстремистскую угрозу, и их правового обеспечения [7].

А в мае 2016 г. Антитеррористическим центром государств-участников Содружества Независимых Государств организовано совместное антитеррористическое учение органов безопасности и специальных служб «Кибер-Антитеррор-2016». В ходе учения был проведен комплекс согласованных оперативно-розыскных мероприятий в отношении объектов взаимной заинтересованности, направленных на выявление и пресечение актов кибертерроризма, в том числе выполнение учебных задач по обнаружению и фильтрации DDoS-атак, совершенных условными террористами в отношении объекта энергетики; определению IP-подсети пособников условных террористов; установлению территориального местоположения, идентификации личностей преступников и документированию их противоправной деятельности; предотвращению попытки дестабилизации системы управления на критически важном объекте. Вследствие проведенных мероприятий были одновременно задержаны условные кибертеррористы на территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также изъяты орудия и средства совершения преступлений [8].

Явные и скрытые угрозы глобальной и национальной информационным сферам обосновывают необходимость создания системы международной информационной безопасности, развития многостороннего межправительственного сотрудничества на таких площадках, как ООН, БРИКС, ШОС, АТЭС, СНГ и др., а также консолидированного межведомственного взаимодействия органов правопорядка и безопасности в этой сфере. При этом организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе оперативно-розыскная профилактика их проявлений, актуальны и для киберпространства [9; 10].

Исследуя угрозы экстремизма и терроризма в информационно-телекоммуникационной среде, нельзя оставить без внимания вопросы предупреждения распространения в ней деструктивной идеологии и радикальных мировоззрений. Безусловно, самой виктимной категорией, а потому наиболее привлекательным социальным слоем для потенциальных сторонников экстремистских и террористических организаций, осуществляющих деятельность в киберпространстве, является поколение, только вступающее во взрослую жизнь, с несформированными духовными идеалами, разбалансированной системой нравственных ценностей и моральных ориентиров [11; 12]. Использование информационных технологий и телекоммуникационных ресурсов, развитие сетевых сервисов, их анонимность, дешевизна, эргономичность, удобство и простота использования на фоне плюрализма вредных и опасных псевдополитических мнений, ультранациональных идей и квазирелигиозных течений, внешних попыток насаждения абсолютных норм поведения и образа жизни под видом демократических завоеваний, отсутствия системы государственной идеологии и пропаганды обеспечивают устойчивый рост интереса подростков и молодежи к деятельности экстремистских и террористических организаций [13, с. 1294].

Указанные обстоятельства в совокупности с диссонансом в превентивной деятельности правоохранительных органов, высокой латентностью и низкой раскрываемостью данных общественно опасных деяний, общедоступностью, гиперпопулярностью, трансграничностью, минимальной затратностью и условной бесконтрольностью ресурсов, сервисов, приложений и других площадок в сети Интернет позволяют быстро и практически беспрепятственно не только распространять экстремистскую и террористическую идеологию в киберпространстве, наращивая число последователей, но и эффективно руководить подготовкой террористических актов на объектах инфраструктуры и в местах массового пребывания людей. Кроме того, как уже подчеркивалось выше, последствия таких деяний масштабнее, а дистанцированность идеологов, технологов и организаторов делает их фактически неуязвимыми для традиционного правоохранительного контроля.

Можем констатировать, что диффузия экстремистской и террористической деятельности в киберпространстве затрагивает национальные интересы и систему коллективной безопас-

ности в целом. Развивая выводы И.И. Рогачева [14, с. 7], считаем, что нормативно-правовые, организационные, специальные, тактические и другие меры противодействия экстремизму и терроризму в информационно-телекоммуникационной среде должны осуществляться в комплексе с превентивными информационно-разъяснительными, пропагандистскими, воспитательными, образовательными и реинтеграционными мерами. При этом последние должны проводиться в отношении лиц, подвергшихся влиянию деструктивной идеологии, вовлеченных в экстремистскую либо террористическую деятельность интернет-имамами, вербовщиками и т.п. Безусловно, в таких мероприятиях инициативно и самостоятельно должны участвовать общественные и религиозные объединения, актив гражданского общества, средства массовой информации, популярные блогеры, а также компании, специализирующиеся на разработке систем защиты от компьютерных вирусов, спама, хакерских атак и прочих киберугроз.

Подводя итоги, можем сказать, что большинство экстремистских и террористических организаций, ведущих свою деятельность в киберпространстве, в преступных целях использует последние достижения научно-технического прогресса, ультрасовременные информационные и телекоммуникационные технологии, применяя прошедшие успешную апробацию методы осуществления противоправной деятельности и отказываясь от малоэффективных и нерезультативных их форм. Мы согласны с С.Я. Лебедевым в том, что при реагировании на экстремистские и террористические угрозы в киберпространстве и их предупреждении важна не только техническая (технологическая) составляющая механизма противодействия, но и научно обоснованная и опробованная методика превенции киберпреступности, криминологическое обеспечение данной деятельности. Последнее связано с необходимостью изучения криминологами личностных характеристик субъектов киберугроз в этой области, механизмов их формирования, реализации и развития, создания научных и методологических основ предупреждения экстремизма и терроризма и криминологического обеспечения кибербезопасности в целом [2, с. 380]. Учитывая то, что виртуальная составляющая становится главной угрозой международной и национальной безопасности, высокоточным орудием и сверхэффективным способом осуществления экстремистской и террористической

деятельности с крупномасштабными и непрогнозируемыми последствиями, необходимо отметить, что во главе угла антитеррористической и контрэкстремистской практики должны стоять не просто симметричные контрмеры и санкции, а предупреждение причин и условий, способствующих распространению данной общественно опасной и деструктивной активности в киберпространстве.

В то же время полагаем нецелесообразным выделение «кибертерроризма» и «киберэкстремизма» в отдельные составы преступлений, юридические конструкции или предметы фундаментальных исследований. Это связано с тем, что место, время, способы, орудия, средства и обстановка совершения преступлений террористического характера и экстремистской направленности могут влиять только на квалификацию данных общественно опасных деяний, а не на генерирование новых норм права в уголовном законе. В противном

случае, очередным шагом в предупреждении актуальных проявлений рассматриваемых феноменов должна стать криминализация «суицидального», «ножевого» и «автомобильного» терроризма, «исламского» экстремизма, экстремистской деятельности в миграционной, молодежной и других средах (С.В. Борисов, А.С. Климентьев, П.Н. Кобец, В.Е. Петеляк и др.). По нашему мнению, криминологическая наука должна учитывать всю полиаспектность, алогичность и новизну указанных социальных явлений, уделяя пристальное внимание каждой из эволюционирующих форм, модусов экстремизма и терроризма в локальных и глобальных масштабах. Это необходимо для моделирования и реализации индивидуальных траекторий криминологической превенции в отношении фактических и возможных вариаций преступности, связанных с экстремизмом и терроризмом, а также для деструктивного воздействия на их детерминанты.

1. Журавленко Н.И., Коноплева А.А. Осмысление явления информационной войны // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 5(96).

2. Лебедев С.Я. Криминологическая оценка и перспективы антикриминогенной превенции террористического потенциала киберпространства // *Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2015.*

3. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55924> (дата обращения: 27.10.2017).

4. Голик О.А. Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в информационном пространстве // *Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism*. 2015. № 1.

5. Сундиев И., Смирнов А. Сетевые возможности и сетевые угрозы // *Свободная мысль*. 2013. № 5(1641).

6. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287-вс // *Сакартвелос саканонмдебломацне*. 1999. № 41(48). Ст. 209.

7. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2675217> (дата обращения: 28.10.2017).

8. URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=14475> (дата обращения: 28.10.2017).

9. Иванов С.И. Оперативно-розыскное обеспечение контртеррористических операций и операций по противодействию экстремизму // *Противодействие экстремизму и тер-*

1. Zhuravlenko N.I., Konopleva A.A. Understanding the phenomenon of information war // *Eurasian law journal*. 2016. № 5(96).

2. Lebedev S.Ya. Criminological evaluation and prospects anticrime prevention of terrorist capabilities of cyberspace // *Combating extremism and terrorism in the Crimean Federal District: theory and practice: proc. of All-Russian sci. and pract. conf. Simferopol, 2015.*

3. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55924> (date of access: 27.10.2017).

4. Golik O.A. Counteraction to the ideology of terrorism and extremism in the information space // *Counterterrorism. Challenges of the XXIst century – Counter-Terrorism*. 2015. № 1.

5. Sundiev I., Smirnov A. Internet opportunities and Internet threats // *Free think*. 2013. № 5(1641).

6. Criminal Code of Georgia d.d. July 22, 1999 № 2287-vs // *Sakartvelos sakanonmdeblomatsne*. 1999. № 41(48). Art. 209.

7. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2675217> (date of access: 28.10.2017).

8. URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=14475> (date of access: 28.10.2017).

9. Ivanov S.I. Operational-search support of counter-terrorist operations and operations of counteraction to extremism // *Countering extremism and terrorism in the Crimea Federal District: problems of theory and practice / ed. by S.A. Butkevich. Simferopol, 2015.*

10. Pestretzoff M.A. Prevention as an important tool to counter religious and political extremism in

роризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь, 2015.

10. Пестрецов М.А. Профилактика как важный инструмент противодействия религиозному и политическому экстремизму в Российской Федерации // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 3(33).

11. Чудина-Шмидт Н.В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2(59).

12. Смирнова М.И. Формирование информационной культуры курсантов образовательных организаций системы МВД России в условиях информационной войны // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2015.

13. Макашова В.Н., Чернова Е.В., Боброва И.И. Современные аспекты распространения киберэкстремистской идеологии в молодежной ИТ-среде // Фундаментальные исследования. 2014. № 12.

14. Рогачев И.И. Международные аспекты информационного противодействия терроризму и экстремизму // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2015. № 1.

the Russian Federation // Bull. of the the Krasnodar University of Russian MIA. 2016. № 3(33).

11. Chudina-Shmidt N.V. Influence of values on reducing the level of extreme behaviour // Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2015. № 9-2(59).

12. Smirnova M.I. Formation of information culture of cadets of educational organizations of Russian MIA in conditions of information war // Combating extremism and terrorism in the Crimean Federal District: theory and practice: proc. of All-Russian sci. and pract. conf. Simferopol, 2015.

13. Makashova V.N., Chernova E.V., Bobrova I.I. Modern aspects of distribution cyberactivists in the youth environment // Fundamental researches. 2014. № 12.

14. Rogachev I.I. International aspects of information counteraction to terrorism and extremism // Counter-terrorism. Challenges of the XXIst century – Counter-Terrorism. 2015. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Буткевич Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, Краснодарский университет МВД России; e-mail: sbutkevich@mvd.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

S.A. Butkevich, Candidate of Law, Assistant Professor, the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sbutkevich@mvd.ru

Проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 256 Уголовного кодекса Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статей 256 УК РФ. Исследуются признаки понятия «водные биологические ресурсы», которые закреплены в российском законодательстве и позволяют отграничить смежные составы преступлений.

Ключевые слова: предмет преступления, состав преступления, водные биологические ресурсы, Уголовный кодекс Российской Федерации.

The problem of definition the target of crime in article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation

The article is about the problem of definition the target of crime in article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is Investigated the characteristics of definition «aquatic biological resources» in Russian law and allow us to delimit of allied corpus delicts.

Key words: subject of crime, corpus delict, aquatic biological resources, Criminal Code of the Russian Federation.

Преступления, предусмотренные ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в структуре экологической преступности занимают лидирующее место. По итогам осуществления контрольно-надзорной деятельности в 2017 г. Росрыболовством в следственные органы для принятия решения о возбуждении уголовного дела было передано 3486 материалов (по состоянию на 1 ноября), за аналогичный период 2016 г. – 3670 материалов [1]. В то же время уровень латентности такого рода преступлений оценивается как крайне высокий. По некоторым экспертным оценкам, которые давались в начале 2000-х гг., количество фактических преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, почти в 30 раз больше количества зарегистрированных [2, с. 451], ежегодно общее число случаев браконьерства достигает примерно 12 млн в год [3, с. 581]. На наш взгляд, качественных изменений в рассматриваемой сфере не произошло, в связи с этим приведенные данные обоснованно экстраполировать и на сегодняшний день.

В ст. 256 УК РФ законодателем вносились корректировки в части уточнения предмета преступного посягательства согласно Федеральному закону от 6 декабря 2007 г. № 333-ФЗ

«О внесении изменений в Федеральный закон о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 333). Соответствующие изменения в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» (далее – постановление Пленума ВС № 26) были внесены только в 2017 г. согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 41.

Несмотря на то, что многие спорные вопросы, которые широко обсуждались в научных кругах, разрешены, некоторые аспекты остаются неучтенными. Возникающие сложности связаны с бланкетным характером рассматриваемой нормы.

Предметом противоправного деяния, предусмотренного ст. 256 УК РФ, являются водные биологические ресурсы (водные биоресурсы), к которым в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – ФЗ № 166) относятся

рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы.

Специалистами теории уголовного права предлагаются различные понятия предмета преступления. А.В. Наумов рассматривает в качестве него материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступник, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект [4, с. 310]. П.Г. Пономарев предлагает говорить не только о предметах материального мира, но и о интеллектуальных ценностях, на которые оказывается непосредственное воздействие при совершении преступления [5, с. 88]. Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова называют предметом материального мира все, что входит в содержание материи как объективной реальности: права, интеллектуальные ценности, блага [6, с. 185].

Значение предмета преступления при квалификации нельзя недооценивать, особенно когда он выступает в качестве признака соответствующего состава преступления. В некоторых случаях свойства предмета преступления служат основанием для разграничения смежных составов. Например, если осуществлена незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, которые включены в Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 (далее – Перечень), то действия лица необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 258.1 УК РФ. В то же время, если речь идет о незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов, которые не включены в Перечень, то действия лица необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 256 УК РФ. При этом необходимо учитывать следующее обстоятельство: если незаконно добытый (выловленный) водный биологический ресурс, который также может быть особо ценным, занесен в Красную книгу Российской Федерации и (или) в Красную книгу субъекта Российской Федерации и (или) охраняем международными договорами Российской Федерации, но не включен в Пе-

речень, то действия лица также необходимо квалифицировать по соответствующей части ст. 256 УК РФ. Это правило сформулировано в п. 10.2 постановления Пленума ВС № 26. Отметим, что перечень особо ценных видов водных биологических ресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, установлен в соответствии с приказом Росрыболовства от 16 марта 2009 г. № 191 «Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства». Вопрос о том, соответствует ли правилам конструирования состава преступления ограничение предмета преступного посягательства, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, вышеуказанным Перечнем, остается открытым. Формулировка в названии Перечня «для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» наводит на мысль, что не только для каждой отрасли права, но и для разных составов экологических преступлений могут создаваться отдельные перечни особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

С учетом этого формируется и судебная практика судов общей юрисдикции. Например, действия лица, которое путем извлечения из акватории р. Печора рыболовной сети осуществил незаконный вылов (добычу) 1 экземпляра рыбы породы стерлядь, которая в соответствии с Перечнем особо ценных и ценных видов водных биологических ресурсов, отнесенных к объектам рыболовства, утвержденным Приказом Росрыболовства от 16 марта 2009 г. № 191, отнесена в установленном порядке к специальной категории – ценным видам рыб, а также занесена в Красную книгу Российской Федерации как находящаяся под угрозой исчезновения, квалифицированы по пп. «а, в» ч. 1 ст. 256 УК РФ как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, с причинением крупного ущерба на миграционных путях к местам нереста [7].

Ст. 256 УК РФ претерпела ни одну редакцию в части уточнения предмета преступного посягательства. Неизменным остался предмет преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 256 УК РФ: котики, морские бобры или иные морские млекопитающие в открытом море или в запретных зонах.

В специальной литературе морские млекопитающие определяются как сборная группа водных и полуводных млекопитающих, чья жизнь полностью или существенную часть времени проходит в морской среде. К этой категории относят следующие группы: китообразные, сирены, ластоногие (тюлени и моржи), а также единичных представителей семейств куньих (калан и морская выдра) и медвежьих (белый медведь) [8, с. 558]. До утверждения Перечня оставался спорным вопрос, является ли белый медведь предметом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 256 УК РФ. В некоторых комментариях встречалась точка зрения, что белые медведи, относимые авторами к водоплавающим пушным зверям, по смыслу ст. 256 УК РФ предметом соответствующего преступления не являются, а их незаконная добыча квалифицируется как незаконная охота [9, с. 87; 10, с. 11]. В то же время применение п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ – незаконная охота в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена – также вызывало определенные споры. В соответствии со ст. 3 Соглашения о сохранении белых медведей (Осло, 15 ноября 1973 г.) при соблюдении установленных условий разрешается добыча белых медведей. Таким образом, применение ст. 258 УК РФ, в которой речь идет о полном запрете охоты, представляется необоснованным. Включение в Перечень белого медведя (*ursus maritimus*) разрешило возможные спорные моменты: незаконная добыча белого медведя квалифицируется по ст. 258.1 УК РФ.

В первоначальной редакции ст. 256 УК РФ называлась «Незаконная добыча водных животных и растений», в соответствии ч. 1 этой статьи предмет преступного посягательства составляли рыба, морской зверь, иные водные животные и промысловые морские растения. В отношении последних (промысловых морских растений) в научной литературе существовала обоснованная критика [11, с. 8]. В соответствии с изменениями, внесенными ФЗ № 333, название ст. 256 УК РФ и формулировка ч. 1 в отношении предмета преступления изменены. Таким образом, в действующей редакции ст. 256 УК РФ предметом преступного посягательства выступают водные биологические ресурсы.

В ст. 1 ФЗ № 166 дается определение понятию «водные биологические ресурсы», в качестве которых рассматриваются рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения,

находящиеся в состоянии естественной свободы. Таким образом, биологические ресурсы растительного и животного мира могут быть отнесены к водным биологическим ресурсам при соблюдении следующих критериев: они обитают в водной среде, такого рода живые организмы находятся в состоянии естественной свободы.

В специальной литературе водные животные определяются как животные, вся жизнь которых проходит в воде (гидробионты) [12], а водные растения – как растения, необходимым условием жизни которых является пребывание в пресной, соленой или солоноватой воде (гидатофиты и гидрофиты) [13].

Основываясь на данных естественнонаучных определениях, можно сделать однозначный вывод, что водоплавающие птицы (к которым относятся представители отрядов гусеобразных, гагарообразных, поганкообразных, пеликанообразных, пингвинообразных, некоторые журавлеобразные и ржанкообразные), а также водоплавающие пушные звери (речные выдры, речные бобры, ондатры, нутрии и т.д.) не рассматриваются в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ. Их незаконная добыча при наличии условий, предусмотренных ст. 258 УК РФ, может быть квалифицирована как незаконная охота.

Признак нахождения биологического ресурса в состоянии естественной свободы важен для разграничения рассматриваемого противоправного деяния со схожими составами преступлений. Однако соответствующая дефиниция и критерии его определения отсутствуют в законодательстве. В то же время, как уже отмечалось, указанный термин употребляется в некоторых нормативных правовых актах. Обращение к специальному законодательству для разрешения возникшего вопроса, учитывая бланкетный характер исследуемой нормы, выявляет целый комплекс проблем.

В п. 1 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 166 и содержится важное пояснение, что регулирование отношений в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов осуществляется исходя из единого представления о водных биоресурсах: как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы; как природном ресурсе, используемом человеком для потребления в качестве основы осуществления хозяйственной и иной деятельности;

как об объекте права собственности и иных прав на водные биоресурсы. Используемые термины отсылают нас к положениям Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ № 7).

В ФЗ № 7 природный объект определяется как естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства. На наш взгляд, отдельно говорить о водных биоресурсах как о природных объектах не совсем корректно и с точки зрения указанных законодательных положений, и с точки зрения естествознания. Правильнее называть в качестве таковых водные объекты природного происхождения, а водные биоресурсы рассматривать в качестве их важнейших элементов.

В ФЗ № 7 природные ресурсы определяются как компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. Таким образом, понимание водных биоресурсов в таком качестве представляется вполне обоснованным.

Принадлежность собственнику права владения, пользования и распоряжения водными биоресурсами является как опосредованной, так и непосредственной. В первом случае речь идет о праве собственности на водные объекты, в которых обитают водные биоресурсы. По общему правилу, изложенному в ч. 1 ст. 8 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ, водные объекты находятся в собственности Российской Федерации. Исключение составляют пруды и обводненные карьеры, расположенные в границах земельных участков, принадлежащих на праве собственности субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, физическому лицу, юридическому лицу. В этой же статье устанавливается неотъемлемая связь и правило единства судьбы земельного участка и расположенного на нем пруда и обводненного карьера. В соответствии со ст. 261 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ право собственности на земельный участок распространяется и на находящиеся в границах этого

участка водные объекты, при этом собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законодательством и не нарушает права других лиц. В соответствии со ст. 9 ВК РФ физические лица и юридические лица приобретают право пользования поверхностными водными объектами.

Непосредственное право собственности на водные биоресурсы выражается в положении, установленном в ст. 10 ФЗ № 166. Следуя логике вышеназванных статей, касающихся определения права собственности на водные объекты, законодатель в ст. 10 ФЗ № 166 установил, что водные биоресурсы находятся в собственности Российской Федерации, за исключением случаев, когда водные биоресурсы обитают в прудах, обводненных карьерах, которые могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной и частной собственности.

Суды при рассмотрении уголовных дел по ст. 256 УК РФ в приговорах указывают на то, что противоправное деяние, выражающееся в ведении добычи водных биологических ресурсов без разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, является посягательством на водные ресурсы Российской Федерации, отнесенные исключительно к федеральной собственности [14]. Представителями потерпевшей стороны выступают государственные инспекторы агентства по рыболовству.

Вопрос о праве собственности на объекты животного мира, под которыми понимаются организмы животного происхождения (дикие животные), в цивилистике является дискуссионным. По мнению некоторых авторов, дикие животные в состоянии естественной свободы не могут быть признаны вещами и из сферы гражданско-правового регулирования исключаются, провозглашение их в качестве таковых представляет собой один из приемов юридической техники – юридическую фикцию [15, с. 130].

Особое правило действует в отношении добытых (выловленных) биоресурсов, в соответствии с которым юридические лица и граждане, которые осуществляют рыболовство в установленном законодательством порядке, приобретают право собственности на добытые (вылов-

ленные) водные биоресурсы в соответствии с гражданским законодательством. В п. 18 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» указывалось, что действия лиц, виновных в незаконном вылове рыбы, добыче водных животных, выращиваемых различными предприятиями и организациями в специально устроенных или приспособленных водоемах, либо завладение рыбой, водными животными, отловленными этими организациями, или находящимися в питомниках, в вольерах дикими животными, птицей, подлежат квалификации как хищение чужого имущества.

Эта позиция суда высшей инстанции подвергалась обоснованной критике. По мнению некоторых авторов, незаконную добычу во-

дных животных и растений, выращенных и (или) находящихся в искусственно созданной (приспособленной) среде обитания и предназначенных для восполнения природных ресурсов, улучшения экологической обстановки, научных экологических исследований, следует квалифицировать по ст. 256 УК РФ, так как совершение соответствующего преступления причиняет вред экологическим общественным отношениям, создает потенциальную угрозу окружающей среде [16, с. 21; 17, с. 413]. Эта точка зрения представляется вполне обоснованной. К сожалению, подобного рода разъяснения ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», ни в постановлении Пленума № 26 не нашли своего отражения.

1. Охрана водных биоресурсов и среды их обитания. URL: <http://www.fish.gov.ru>

2. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.

3. Криминология: учеб. / под ред. А.И. Долговой. М., 2001.

4. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций: в 3 т. / А.В. Наумов. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2007. Т. 1.

5. Уголовное право. Общая часть: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008.

6. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005.

7. Приговор мирового судьи Судебного участка № 3 Ненецкого автономного округа от 17 мая 2016 г. Уголовное дело № 1-36/2016. Доступ из гос. автоматизир. системы «Правосудие».

8. Жизнь животных. Млекопитающие / под ред. В. Е. Соколова. 2-е изд. М., 1989. Т. 7.

9. Экологическая преступность и ответственность за экологические преступления: специализир. учеб. курс / Д.Н. Джунусова. Саратов, 2013.

10. Уголовно-правовая характеристика незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ): учеб. пособие / О.В. Радченко, Р.А. Забавко, А.Б. Купчинский, Е.В. Дзюба. Иркутск, 2013.

1. The protection of living aquatic resources and their habitats. URL: <http://www.fish.gov.ru>

2. Theoretical basis of research and analysis of latent crime / ed. by S.M. Inshakov. Moscow, 2011.

3. Criminology: textbook. / ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2001.

4. Russian criminal law. Main part: course of lectures in 3 vol. / A.V. Naumov. 4th ed. rev. and augm. Moscow, 2007. Vol. 1.

5. Criminal Law. Overview: textbook. 2nd ed., rev. and augm. / ed. by L.V. Inogamova-Khegay, A.I. Rarog, A.I. Chuchaeva. Moscow, 2008.

6. Kruglikov L.L., Spiridonov O.E. Legal structures and symbols in criminal law. St. Petersburg, 2005.

7. The verdict of the magistrate court plot № 3 of the Nenets Autonomous district on May 17, 2016 criminal case № 1-36/2016. Access from state automatized system «Justice».

8. Animal Life. Mammals / ed. by V.E. Sokolov. 2nd ed. Moscow, 1989. Vol. 7.

9. Environmental crime and responsibility for environmental crimes: specialize. proc. course / D.N. Dzhususova. Saratov, 2013.

10. Criminal-legal characteristic of illegal harvest (catch) of aquatic biological resources (art. 256 of the Criminal Code of the Russian Federation): study manual / O.V. Radchenko, R.A. Zabavko, A.B. Kupchinsky, E.V. Dzyuba. Irkutsk, 2013.

11. Lyashev Y.A. Criminal liability for illegal extraction of water biological resources:

11. Ляшева Ю.А. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов: проблемы законодательной техники и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

12. Водные животные // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1969–1978.

13. Водные растения // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1969–1978.

14. Приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 14 сент. 2015 г. Уголовное дело № 1-245/2015. Доступ из гос. автоматизир. системы «Правосудие».

15. Захаров Д.Е. К вопросу о праве собственности на живой мир // Рос. юрид. журнал. 2010. № 3.

16. Каленов С.Е. Уголовно-правовая охрана водных биологических ресурсов (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003.

legislative technique and enforcement problems: auth. abstr. ... Candidate of Law. St. Petersburg, 2006.

12. *Aquatic animals // Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol. 3rd ed. / resp. ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, 1969–1978.*

13. *Aquatic plants // The Great Soviet Encyclopedia: 30 vol. 3rd ed. / resp. ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, 1969–1978.*

14. *The judgment of the court of city of Anapa, Krasnodar region on Sept. 14, 2015 Criminal case № 1-245/2015. Access from state automatized system «Justice».*

15. *Zakharov D.E. On the question of the ownership of the living world // Rus. legal journal. 2010. № 3.*

16. *Cullen S.E. Criminal-law protection of water biological resources (materials of the Far Eastern Federal District): auth. abstr. ... Candidate of Law. Vladivostok 2003.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Случевская Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России; e-mail: ula-sl@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yu.A. Sluchevskaya, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ula-sl@mail.ru

К вопросу об особенностях производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан

В статье рассмотрены отдельные аспекты производства следственных действий, которые вторгаются в сферу личных интересов и ограничивают конституционные права граждан. Описан порядок их производства, предложены изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следователь, дознаватель, суд, судебный контроль, конституционные права граждан, ограничение прав, следственные действия.

To the question about the peculiarities of investigative actions limiting the constitutional rights of citizens

In the article some aspects of investigative actions are investigated that invade the sphere of personal interests and restrict the constitutional rights of citizens. The order of their manufacture is described, proposed changes and additions to the criminal procedure legislation.

Key words: criminal proceedings, investigator, interrogator, court, judicial control, constitutional rights, limitation of rights, investigations.

Следственные действия являются наиболее распространенным способом собирания и проверки доказательств. Они характеризуются не только процессуальной регламентацией оснований, правил их производства и фиксации в протоколах следственных действий, но и активной ролью следователя или дознавателя, обычно проводящих следственные действия самостоятельно [1, с. 47].

При этом, как правило, любое следственное действие сопряжено с ограничением конституционных прав граждан в той или иной степени, в связи с чем порядок производства каждого следственного действия в дальнейшем может стать предметом прокурорского надзора и судебного контроля. Однако, по мнению законодателя, существенное ограничение конституционных прав и свобод происходит лишь при производстве определенных следственных действий. Так, в ст. 29 УПК РФ закреплены исключительные полномочия суда на принятие решений: о производстве осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц; о производстве обыска, выемки в жилище; о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; о производстве личного обыска, за некоторыми исключениями; о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; о производстве выемки предметов и документов, содержащих

информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; о наложении ареста на корреспонденцию, разрешении на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; об осуществлении контроля и записи переговоров; о получении информации о соединениях абонентов и их абонентских устройств.

Задачей суда, дающего разрешение на производство перечисленных следственных действий, является препятствие возможному злоупотреблению со стороны уполномоченных должностных лиц и нарушению конституционных прав граждан на стадии предварительного расследования [1, с. 180–184; 3, с. 194–198].

Обращаясь к порядку производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, сопряженному с необходимостью получения судебного решения, считаем необходимым выделить следующие его элементы (этапы):

1. Принятие субъектом расследования решения о производстве следственного действия.

Основанием для принятия такого решения, по мнению законодателя, должны быть достаточные данные, указывающие на необходимость и целесообразность производства конкретного следственного действия. Отчасти согласимся с мнением Л.И. Герасимовой, которая считает, что «наличие достаточных данных полагать» обозначает мотивированность, но не обоснованность необходимости приня-

тия процессуального решения о производстве конкретного следственного действия. Иной взгляд на указанную категорию противоречил бы сущности доказательств как сведений, которые определяют возможность принятия значимых решений [4, с. 27–30]. К числу доказательств, подтверждающих необходимость производства следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан, должны быть отнесены конкретные сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела, которые обосновывают принятие соответствующего решения. В то же время они должны однозначно подтверждать вывод о необходимости его проведения и одновременно указывать, какие новые доказательства могут быть получены.

2. Вынесение следователем, дознавателем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве следственного действия, которое может повлечь ограничение конституционных прав граждан.

Действующая редакция УПК РФ не определяет в полной мере содержание данного постановления. В связи с этим мы считаем, что содержание и структуру постановления должны определять общие требования уголовно-процессуального закона к указанному виду процессуальных документов, с обязательным указанием данных о личности, процессуальном положении лиц, права которых будут затронуты, а также иных участников производства следственного действия.

3. Получение согласия руководителя следственного органа (прокурора).

Законодателем не урегулирован порядок и сроки получения согласия руководителя следственного органа или прокурора для обращения в соответствующий суд с ходатайством о проведении следственного действия. Также не указано, какие именно документы и в каком виде предоставляются для предварительной проверки обоснованности и законности принятого решения. Существующие точки зрения по данному вопросу сводятся в основном к регламентации порядка предоставления постановления и материалов уголовного дела в соответствующий суд, но не руководителю следственного органа и прокурору. Так, Д.О. Серебров, проведя анализ поступления таких ходатайств в районные суды, определил, что в суд поступает не только постановление о возбуждении ходатайства о производстве следственного действия, но и материалы, подтверждающие необходимость его производства. Указанные материалы содержат ко-

пии соответствующих материалов уголовного дела, обосновывающие необходимость производства конкретного следственного действия с точки зрения его законности и обоснованности. При этом автор определяет лишь 24-часовой срок судебного рассмотрения поступившего ходатайства и указанных материалов в суд [5, с. 63]. Мы же считаем, что требуется дополнить закон положением о том, что ходатайство о производстве следственного действия вместе с копиями материалов уголовного дела, его обосновывающими, подлежит немедленному рассмотрению со стороны руководителя следственного органа или прокурора.

4. Направление материалов в суд.

Местом рассмотрения ходатайства следователя о проведении следственного действия, по общему правилу, является суд того района, где осуществляется производство расследования по уголовному делу (ч. 2 ст. 165 УПК РФ). Иными словами, руководствуясь правилами территориальной подсудности, следователю надлежит обратиться в районный суд по месту производства предварительного расследования, а при необходимости производства следственного действия на территории другого района закон допускает возможность обращения в суд по месту планируемого производства следственного действия. Обращение в суд другого района целесообразно в тех случаях, когда необходимо быстрое принятие решения о производстве следственного действия.

5. Судебное заседание.

Судья, рассматривающий ходатайство следователя, дознавателя о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан, должен изучить поступившие в суд ходатайство и прилагаемые материалы с точки зрения законности принятого решения, относимости, достоверности и достаточности доказательств, положенных в основу его принятия, а также обоснованности изложенной лицом, осуществляющим расследование, позиции. В частности, необходимо проверить следующие обстоятельства: не нарушены ли процессуальные сроки предварительного расследования; принято ли уголовное дело к производству тем лицом, которое обратилось в суд с ходатайством; в случае производства предварительного следствия следственной группой проверяется факт обращения руководителя следственной группы с ходатайством о получении разрешения на проведение соответствующего следственного действия [6, с. 445].

В судебном заседании о рассмотрении ходатайства вправе участвовать прокурор и лицо, обратившееся в суд с ходатайством (ч. 3 ст. 165 УПК РФ). С учетом специфики производства следственного действия в условиях конфиденциальности данных предварительного расследования законодатель вполне правомерно не требует извещения и обязательного участия в судебном заседании иных заинтересованных лиц, поскольку данное участие может привести к заведомому негативному результату производства следственных действий. Такими следственными действиями являются обыск, контроль и запись переговоров, наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка и т.п. [5, с. 65]

6. Вынесение судебного решения.

Рассмотрев заявленное следователем ходатайство о производстве следственного действия, судья принимает решение о разрешении производства следственного действия либо об отказе в удовлетворении ходатайства с указанием мотивов отказа и выносит об этом соответствующее постановление (ч. 4 ст. 165 УПК РФ).

В ст. 165 УПК РФ, в отличие от формы реализации судебного контроля при решении вопроса о заключении под стражу, не закреплена возможность апелляционного (кассационного) обжалования указанного решения судьи стороной обвинения, в связи с чем данное решение следует считать окончательным. Повторное обращение в суд с ходатайством о производстве того же следственного действия возможно при появлении новых обстоятельств, свидетельствующих о необходимости такового.

7. Производство следственного действия.

После принятия судом решения в форме соответствующего постановления о разрешении производства следственного действия следователь, дознаватель приступают к его проведению.

Особого внимания заслуживает производство следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств.

Если производство отдельных следственных действий, указанных в законе, не терпит отлагательства, в исключительных случаях оно возможно на основании решения следователя или дознавателя, принятого без разрешения суда (в соответствии с ч. 5

ст. 165 УПК РФ). Поскольку в уголовно-процессуальном законе не определено понятие исключительного случая, следует отметить, что в научной литературе предлагается определять его таким понятием, как «исключительная ситуация». «Исключительная ситуация – процессуальная ситуация, допускающая в целях обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства отступление от общего порядка производства процессуальных, в том числе и следственных, действий в случаях и при условиях, для того предусмотренных нормами УПК РФ» [7, с. 206]. В данной ситуации после производства следственного действия следователь в установленный законом срок уведомляет судью и прокурора о его производстве. К уведомлению должны прилагаться копии постановления о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательств, и протокол. Проверив названные документы, судья выносит постановление о законности или незаконности его производства. В отличие от общего порядка, при рассмотрении сообщения следователя, дознавателя о производстве следственного действия без полученного судебного решения в судебном заседании могут принимать участие те лица, конституционные права которых произведенным следственным действием были ограничены, а также их представители и защитники [8, с. 32].

Иные следственные действия, указанные в ст. 29 УПК РФ, но не указанные в ст. 165 УПК РФ, могут быть проведены только на основании судебного решения.

При этом, конечно, в правоприменительной практике производства по уголовным делам может возникнуть необходимость безотлагательного производства следственных действий, не указанных в ст. 165 УПК РФ, например, контроля и записи телефонных и иных переговоров, так как получение судебного решения требует времени, по истечении которого целесообразность производства следственного действия может и исчезнуть. В связи с этим представляется необходимым закрепить в уголовно-процессуальном законе возможность проведения всех следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, при этом более детально регламентировав категорию «достаточности оснований» для их производства.

1. Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии): науч.-практ. пособие. М., 2003.

2. Антонов И.А. Уголовное судопроизводство: развитие нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности и совершенствование нравственного содержания уголовно-процессуального закона // Общество и право. 2015. № 4(54).

3. Антонов И.А., Антонова Л.Г. Развитие уголовно-процессуального института охраны прав и свобод личности в ходе судебной реформы в Российской Федерации // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2013. № 4(130).

4. Герасимова Л.И. Реализация принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий // Адвокат. № 1. 2005.

5. Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности. Н. Новгород, 2005.

6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

7. Баев М.О., Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014.

8. Сопнева Е.В. О неотложных следственных действиях в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3.

1. Soloviev A.B. Proving for the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (the pre-trial stage): sci. and pract. manual. Moscow, 2003.

2. Antonov I.A. Criminal proceedings: the development of moral principles of criminal procedure activity and improvement of the moral content of the criminal procedure law // Society and law. 2015. № 4(54).

3. Antonov I.A., Antonova L.G. Development of criminal procedure institute of protection of individual rights and freedoms in the course of judicial reform in the Russian Federation // Bull. of Adyghe State University. 2013. № 4(130).

4. Gerasimova L.I. The implementation of the principle of inviolability of the home at the investigative actions // Lawyer. № 1. 2005.

5. Serebrov D.O. Judicial review of the legality and validity of investigative actions limiting constitutional rights and freedoms of the individual. Nizhny Novgorod, 2005.

6. Smirnov A.V., Kalinowsky K.B. Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation: the itemized. 3rd ed., rev. and augm. Moscow, 2007.

7. Baev M.O., Baev O.Ya. Abuse of rights in pre-trial proceedings in criminal cases. Moscow, 2014.

8. Sopneva E.V. On urgent investigative actions in the criminal process // Criminal proceedings. 2008. № 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Берзинь Ольга Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета; e-mail: olaberzin@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHOR

O.A. Berzin, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Human Rights, Law Enforcement Activity, Criminal Law and Process of the Pskov State University; e-mail: olaberzin@gmail.com

Практика применения норм о сроках при производстве дознания по уголовным делам

В статье исследуются проблемы, возникающие в ходе установления срока дознания. Автор обращает внимание на некорректность отдельных формулировок действующего уголовно-процессуального законодательства и предлагает внести изменения в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные сроки, дознание, установление срока, возобновление производства, продление срока, прокурор.

Practice of application of norms about the timing of the production of inquiry in criminal matters

The article examines the problems arising in the course of establishing the period of inquiry. The author draws attention to the incorrectness of the individual formulations of the current criminal procedural legislation and proposes amendments to the criminal procedure law.

Key words: criminal procedure deadlines, inquiry, establishing a time limit, renewal of proceedings, extension of time, the Prosecutor.

Уголовно-процессуальные сроки неразрывно связаны с временем, однако, в отличие от времени, они могут продлеваться, приостанавливаться и восстанавливаться.

Применительно к производству дознания ст. 223 УПК РФ специально устанавливает срок окончания производства по делу и порядок его продления.

Однако существуют законодательные формулировки, при изучении которых возникает ряд вопросов. Так, в ч. 3 ст. 223 УПК РФ предусматривается, что срок дознания не должен превышать 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, но при необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток. Данная формулировка нам видится некорректной, поскольку не понятно: 30 суток – это общий срок дознания или дополнительный.

При этом в ч. 2 ст. 162 УПК РФ определено, что срок предварительного расследования по уголовному делу может быть продлен до 3 месяцев.

В данном случае мы наблюдаем отсутствие единого подхода к правовой регламентации сходных правовых явлений.

Ориентируясь на правила юридической техники и исходя из необходимости обеспечения единообразного правоприменения, можно заключить, что в ч. 3 ст. 224 УПК РФ необходимо внести изменения, определив, что дознание проводится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела, а при наличии достаточных оснований, исходя из материалов уголовного дела, этот срок может быть продлен прокурором до 60 суток.

Наше умозаключение подтверждено правоприменительной практикой. Так, дознаватели сегодня при вынесении постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о продлении срока дознания указывают, что ходатайствуют о продлении срока производства по уголовному делу именно до 60 суток.

Порядок определения срока производства по уголовному делу при возобновлении приостановленного ранее дознания как прокурором, так и начальником подразделения дознания был закреплен лишь в 2014 г. (спустя тринадцать лет после принятия УПК РФ) Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в статью 223 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», до этого момента в уголовно-процессуальном законе не был прямо указан субъект установления срока, а также сам срок, в период которого допустимо производство дознания после его возобновления [1].

В настоящее время только прокурор осуществляет определение срока производства дознания по уголовному делу при его возобновлении после того, как исчезли установленные уголовно-процессуальным законом основания приостановления. При этом в законе прямо не закреплено, какого уровня должен быть прокурор, принимающий указанное решение (например, в ч. 6 ст. 162 УПК РФ определено, что срок следствия устанавливает руководитель того следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело). Основываясь на положениях УПК РФ и имеющихся в науке мнениях по рассматриваемому вопросу, можно заключить, что субъектом определения срока

дознания по уголовному делу выступает прокурор районного звена [2, с. 46–49]. При этом определенный законом срок дополнительного дознания составляет не более десяти суток. При необходимости дальнейшего продления срока дознания это происходит на общих основаниях (ч. 3.2 ст. 223 УПК РФ).

Изучение правоприменительной практики производства по уголовным делам показывает, что именно указанный выше путь является наиболее приемлемым. При этом в большинстве случаев дознавателю достаточно установленного уголовно-процессуальным законом срока для окончания производства по уголовному делу.

Особый интерес представляет возможность продления срока дознания до 6 и 12 месяцев. Возможность продления срока дознания законодатель напрямую связал с проведением трудоемких экспертиз, производство которых занимает много времени, и направлением международных поручений, т.е. учел замечания, высказанные многими учеными ранее, о потребности дополнительного продления срока дознания ввиду возникновения обстоятельств, препятствующих закончить расследование уголовного дела в установленные законом сроки [3]. При этом, правоприменительная практика производства предварительного расследования в форме дознания показывает, что, если продление срока до 12 месяцев имеет императивное основание, связанное с исполнением запроса о правовой помощи, то продление срока до 6 месяцев, несмотря на то, что оно связано законом с производством судебной экспертизы, подлежит расширительному толкованию. Из подобного толкования следует, что срок дознания по уголовному делу может быть продлен до 6 месяцев и в таких случаях, как:

потребность выполнения следственных и розыскных действий в другом регионе;

необходимость привлечения переводчика по делам о преступлениях лиц, не владеющих языком судопроизводства, и потребность письменного перевода процессуальных документов;

потребность в соединении уголовных дел, когда подозреваемым совершено нескольких преступлений.

Подобный подход является положительным моментом и отвечает требованиям правоприменительной практики.

Отдельно необходимо рассмотреть проблему, встающую перед дознавателем, когда возникает необходимость возобновить дознание по уголовному делу (ранее приостановленному), по которому истекли максимально допустимые сроки расследования. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 223 УПК РФ в исключительных

случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи в порядке ст. 453 УПК РФ, срок дознания может быть продлен до 12 месяцев. И это является окончательным сроком дознания.

Если при возобновлении ранее приостановленного дознания общий срок дознания будет выходить за рамки установленных законом предельных сроков расследования, то это вступит в противоречие с действующим уголовно-процессуальным законодательством. Данное умозаключение поддерживается рядом ученых, по мнению которых, в подобном случае уголовное дело необходимо передать через прокурора в следственный орган для дальнейшего производства расследования в форме предварительного следствия [4, с. 65–70].

Приведем пример правоприменительной практики, свидетельствующий о допусках нарушениях уголовно-процессуального закона в части продления сроков дознания. Заявитель обратился в суд с жалобой на постановление заместителя прокурора Удмуртской Республики об отмене постановления о приостановлении дознания по уголовному делу. В своей жалобе он просил признать указанное постановление противоречащим закону, а также необоснованным. Соответственно, заявитель просил суд обязать прокурора устранить нарушения закона. В жалобе заявитель пояснял, что заместитель прокурора, принимая решение об определении срока дополнительного дознания, фактически продлил срок дознания по уголовному делу свыше 6 месяцев, что противоречит требованиям ч. 5 ст. 223 УПК РФ, согласно которой срок дознания свыше 6 месяцев может быть продлен только прокурором субъекта Российской Федерации и лишь в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, направленного в порядке, предусмотренном ст. 453 УПК РФ. Суд первой инстанции принесенную по делу жалобу удовлетворил. Вышестоящий суд признал постановление суда первой инстанции законным, обоснованным и мотивированным, им было отмечено, что срок дознания ограничен уголовно-процессуальным законодательством (ч. 3–5 ст. 223 УПК РФ), а его продление связано с наличием определенных установленных уголовно-процессуальным законом обстоятельств. При этом, исходя из материалов уголовного дела, заместитель прокурора, принимая решение об установлении срока дополнительного дознания в один месяц, фактически продлил общий срок дознания по делу свыше 6 месяцев, несмотря на то, что отсутствовали установленные уголовно-

процессуальным законом основания, ведь запрос о правовой помощи в порядке ст. 453 УПК РФ по рассматриваемому уголовному делу не направлялся. При наличии имеющихся фактических данных по уголовному делу продление срока дознания свыше 6 месяцев явилось незаконным решением прокурора, а значит нарушение законодательства должно быть устранено [5]. В описанной ситуации прокурору следовало передать уголовное дело от дознавателя в следственный

орган для производства предварительного следствия.

В заключение требуется отметить, что уголовно-процессуальные нормы о сроках при производстве дознания и предварительного следствия отличаются. Стандартом являются нормы о сроках, предусмотренные для предварительного следствия, как наиболее проработанные и апробированные длительной правоприменительной практикой производства по уголовным делам.

1. О внесении изменений в статью 223 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 520-ФЗ // Рос. газ. 2015. 12 янв.

2. Ларин Е.Г., Павлов А.В. Установление прокурором срока предварительного расследования при отмене незаконного или необоснованного постановления о приостановлении дознания // Законность. 2015. № 10.

3. Алексеев И.М. Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса российской федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2013.

4. Алексеев И.М. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2012. № 3.

5. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Удмуртской Республики от 22 марта 2012 г. по делу № 22-708. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-udmurtskoj-respubliki-udmurtskaya-respublikas/act-106515333> (дата обращения 11.10.2017).

1. On amendments to article 223 of the Criminal procedure code of the Russian Federation: feder. Law d.d. Dec. 31, 2014 № 520-FL // Rus. newsp. 2015. Jan. 12.

2. Larin E.G., Pavlov A.V. Establishment of the Prosecutor of the term of the preliminary investigation if you cancel illegal or unfounded decisions on the suspension of the inquiry // Legality. 2015. № 10.

3. Alekseev I.M. Legal regulation of terms in pre-trial stages of criminal process of the Russian Federation: auth. abstr. ... Candidate of Law. St. Petersburg, 2013.

4. Alekseev M.I. Actual problems of legal regulation of the abbreviated form of inquiry // Bull. of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 2013. № 4(60).

5. Cassation definition of judicial Board on criminal cases of the Supreme court of the Udmurt Republic d.d. March 22, 2012 in case № 22-708. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-udmurtskoj-respubliki-udmurtskaya-respublikas/act-106515333> (date of access: 11.10.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Владимир Леонидович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета; e-mail: popov1947@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.L. Popov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Human Rights, Law Enforcement Activity, Criminal Law and Process of the Pskov State University; e-mail: popov1947@inbox.ru

Науменко Оксана Александровна

Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица

В статье рассмотрены особенности проверки сообщения по факту незаконного образования юридического лица, возбуждения уголовного дела. Выделено использование процессуальных и непроцессуальных средств для проверки сообщения, даны рекомендации по производству первоначальных следственных действий.

Ключевые слова: юридическое лицо, регистрация, расследование, проверка, допрос, экспертиза.

Peculiarities of excitation of criminal case upon illegal formation of a legal entity

The article describes the features of inspection posts for illegal legal entity, institution of criminal proceedings. It highlighted the use of the procedural means of interference and to check messages, recommendations are given for the production of the original investigation.

Key words: legal entity, registration, investigation, verification, interrogation, examination.

Борьба с теневым бизнесом, начавшаяся в 90-е гг. XX в., ведется и в настоящее время. Налоговые органы жестко проверяют достоверность сведений, подаваемых при регистрации (создании, образовании) юридических лиц, однако число привлеченных к уголовной ответственности лиц за незаконное создание юридического лица крайне мало. Означает ли это, что в нашей стране прекратил существование теневой бизнес, исчезли фирмы-однодневки? На наш взгляд, одной из причин того, что они продолжают функционировать, является сложность возбуждения уголовного дела и проблемы расследования преступлений, связанные с незаконным образованием юридического лица.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ УК РФ в УК РФ введена ст. 173.1. «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица», которая претерпела изменения уже в 2015 г. (Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ) [1]. Согласно ст. 173.1 УК РФ уголовной ответственности подлежат действия лица, выразившиеся в подаче заявления о создании или реорганизации юридического лица, подготовке документов и передаче их в территориальные налоговые органы для принятия решения о создании юридического лица или его реорганизации и внесении соответствующих записей в единый государственный реестр юридических лиц, но осуществленные с использованием подставных лиц.

На этапе проверки достоверности сообщения о таком преступлении, а также на первоначальном этапе расследования возникают сложности. Исследование показало, что они связаны с особенностями уголовно-правовой нормы, так как лицо, которое регистрирует фирму (создаваемую, в том числе, в целях обналаживания денежных средств) на подставное лицо, осведомленное о характере его действий, не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 173.1 УК РФ. В свою очередь, подставное лицо, на имя которого регистрируется юридическое лицо, также нельзя будет привлечь к ответственности как пособника в незаконном образовании (создании, реорганизации) юридического лица, поскольку состав преступления формальный и пособник действует только с прямым умыслом, т.е. он осведомлен о характере совершаемых действий, что не соответствует примечанию к ст. 173.1 УК РФ. Также с объективной стороны не образует состава преступления замена руководителя юридического лица на подставное лицо даже путем введения последнего в заблуждение, если таковые действия совершены не при создании или реорганизации юридического лица (например, известная схема переоформления юридических лиц на номинальных руководителей в целях уклонения от уплаты долгов в процессе хозяйственной деятельности без реорганизации не образует данного состава преступления).

Подставные лица, выступающие в качестве руководителя созданного юридического лица, могут заявлять о том, что не знали о существовании организации, что потеряли свои документы (паспорт, например), или могут сообщить, что были обмануты другим лицом, которое воспользовалось их документами для регистрации юридического лица.

В любом из этих случаев реальных инициаторов создания незаконных фирм выявить чрезвычайно сложно.

Примером создания юридического лица через подставное лицо является описанный ниже случай. Летом 2016 г. у П.Д.Н. возник план образовать (создать) юридическое лицо с использованием подставного лица, которое было бы подконтрольно ему и действовало по его указанию, не преследуя цели управления юридическим лицом. Реализуя свой преступный умысел, в августе того же года П.Д.Н. предложил А.И.Л. за вознаграждение в размере 20 тыс. руб. ежемесячно выступить в качестве учредителя и руководителя юридического лица. При этом П. скрыл от А. свой план, введя А. в заблуждение. Под влиянием обмана А. согласился с предложением П., оформив соответствующие документы, необходимые для регистрации юридического лица. На основании оформленных А. документов образованное юридическое лицо заведомо не обладало признаками, предусмотренными ст. 48–50 ГК РФ, а именно не имело в собственности, хозяйственном ведении и оперативном управлении обособленного имущества, не осуществляло деятельность с целью извлечения прибыли. В отношении П. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 173.1 УК РФ.

Преступления, предусмотренные ст. 173.1 УК РФ могут быть выявлены как в ходе проверки сообщения о преступлении, так и при расследовании уголовных дел об иных преступлениях экономической направленности.

Для решения вопроса о начале уголовного преследования необходимы надлежащие повод и основание.

Как следует из положений закона, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Так, для возбуждения уголовного дела о незаконном образовании (создании, реорганизации) юридического лица следует установить признаки введения в заблуждение лица, являющегося учредителем (участником) юридического лица или органом управления юридического лица, в период

его образования (создания, реорганизации) (ст. 173.1 УК РФ).

При возбуждении и расследовании уголовных дел, связанных с регистрацией и использованием фиктивных фирм, необходимо получить подтверждение их фиктивности. Из анализа практической деятельности видно, что для определения фиктивности того или иного юридического лица бывает достаточно изучения трех основных направлений:

осведомленность руководителя организации о ее регистрации и деятельности;

сдача организацией налоговой отчетности;

объективные факторы существования и деятельности юридического лица.

Проведение проверки сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ, может осуществляться с использованием следующих средств:

1. Истребование и изучение документов, наведение справок о деятельности, обладающей признаками фиктивных юридических лиц, как юридического лица, так и связанных с ним организаций. Такие проверочные действия включают изъятие и проверку учредительных и регистрационных документов, документов бухгалтерского учета и отчетности, документов оперативного и управленческого учета, договоров, соглашений, актов и иных первичных документов, банковских документов (выписки по счетам, расчетные документы, юридические, кредитные и иные дела и т.п.).

2. Получение объяснений от лиц, в том числе, руководителей, учредителей и работников организации, ее контрагентов, должностных лиц контролирующих органов (налоговые, таможенные и иные органы), иных лиц, причастных к финансовой операции либо сделкам с денежными средствами или иным имуществом.

При проверке достоверности сообщений о преступлении, предусмотренном ст. 173.1 УК РФ, необходимо понимать, что у недобросовестных конкурентов, бывших партнеров, а также всех лиц, участвующих в гражданском обороте, появился инструмент воздействия на работу юридического лица. Воздействие может быть выражено в форме шантажа, предъявления заявления о возбуждении уголовного дела. Такие действия недоброжелателей могут привести к потере личного времени учредителей, руководителей организации, а также к прямым финансовым убыткам предприятия. В связи с этим могут иметь место случаи дачи лицами, являющимися учредителями (участниками) или органами управления юридического лица,

ложных показаний в личных и иных целях о том, что образование юридического лица было осуществлено путем введения их в заблуждение, поэтому необходимо проверять указанные сведения с помощью выяснения обстоятельств знакомства участников указанных отношений, способа введения в заблуждение, а при отказе от подписей в заявлениях о регистрации создания или реорганизации юридического лица и иных регистрационных документах необходимо проведение исследования почерка и подписей в указанных документах.

В некоторых случаях имеется необходимость опросить нотариусов, производивших нотариальное удостоверение документов или свидетельствование верности подписей лиц, зарегистрированных в качестве учредителей (участников) или органа управления юридическим лицом, а также при совершении нотариальных сделок с имуществом.

Ниже представлен пример обмана. Обвиняемый П. пообещал А., что будет обучать его предпринимательству, что создаваемая юридическая организация будет осуществлять финансовую деятельность. После регистрации юридической организации на А. обвиняемый П. забрал у него все документы, фактически не обучал его, не брал ни на какие встречи, связанные с деятельностью организации, не осуществлял встреч с контрагентами, не давал поручений и лишил доступа к расчетным счетам организации. Фактически деятельность образованного юридического лица не велась, а служила для транзита денежных средств.

3. Проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий с целью:

выявления лиц, располагающих информацией о совершенном преступлении и являющихся его очевидцами, которые в дальнейшем могут дать свидетельские показания (например, лиц, причастных к регистрации и/или фактическому использованию в преступных целях юридического лица);

обнаружения и изъятия предметов (печатей, штампов, бланков) и документов, которые в дальнейшем можно использовать в качестве доказательств (в том числе вещественных);

фиксации конкретных преступных действий, разрабатываемых с использованием материалов, полученных в процессе ОРМ.

4. В некоторых случаях имеется необходимость использования в ходе предварительной проверки материалов решений арбитражного суда и имеющихся в суде документов (например, по делам о криминальных банкротствах,

налоговых преступлениях, неправомерном возмещении НДС и т.п.), а также назначения и проведения проверок финансово-хозяйственной деятельности (ревизий, документальных проверок) организации, причастной к деятельности проверяемого юридического лица. Проведение ревизии финансово-хозяйственной деятельности или документальной проверки самого проверяемого юридического лица, как правило, невозможно из-за отсутствия документов бухгалтерского учета.

При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ, следователю нужно определить, имеются ли в материалах проверки данного преступления сведения о том, что лицо имело умысел на создание или реорганизацию юридического лица путем введения в заблуждение учредителей (участников) юридического лица или органа управления данного юридического лица.

Сложности на этапе возбуждения уголовного дела и в ходе самого расследования возникают в связи тем, что преступники создают не одну фирму-однодневку, а несколько, и за короткий промежуток времени, чтобы как можно быстрее использовать созданное юридическое лицо в качестве транзита денежных средств. Так, в ходе изучения приговора, вынесенного судьей Р.Е. Батуевым судебного участка № 4 Ленинского района г. Ижевска Удмуртской Республики от 9 марта 2016 г., было установлено, что обвиняемый С.В. Осипов за три дня (23–25 ноября 2015 г.) создал через подставных лиц три юридических лица: ООО «Кировмебель», ООО «Печать», ООО «СЭМПЛ».

При наличии повода и оснований следователь возбуждает уголовное дело в порядке, предусмотренном УПК РФ и ведомственными нормативными актами. Следует иметь в виду, что, исходя из положений ст. 173.1 УК РФ, уголовное дело может быть возбуждено только в отношении конкретного лица (лиц), которое ввело в заблуждение учредителя (участника) или органы управления образованного юридического лица, даже если в момент принятия решения личность такого лица не установлена.

В ходе предварительного расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 173.1 УК РФ, необходимо запланировать и провести следующие процессуальные действия.

1. Допрос:

подставных и иных лиц, зарегистрированных в территориальном органе ФНС (уполномоченном органе) в качестве учредителей

(участников) юридического лица либо органа управления юридического лица, с применением тактических приемов [2, с. 224–229] (в случае необходимости нужно получить от данных лиц экспериментальные и свободные образцы почерка и подписей);

подозреваемого (заподозренного) по обстоятельствам незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица;

участников преступных и иных финансовых операций либо сделок с имуществом (например, представителей контрагентов, партнеров и т.п.);

нотариуса, производившего нотариальное удостоверение документов подставного лица, а в необходимых случаях – получение от него образцов почерка и подписей, а также оттисков печати;

должностного лица в территориальном органе ФНС (регистрационном органе) и кредитной организации, принимавших участие в регистрации юридического лица, открытии и обслуживании банковского счета соответственно.

2. Очную ставку между подозреваемым (заподозренным) и свидетелем (подставное лицо, владелец утраченного документа и т.п.). Указанное следственное действие имеет немаловажное значение и его проведение помогает не только изобличать виновных в совершенном преступлении, но и определять роль каждого в нем, верно квалифицируя их действия.

При изучении уголовных дел, возбужденных по ст. 173.1 УК РФ, были изучены протоколы очных ставок между подставными лицами и обвиняемыми, в ходе данных следственных действий следователем были установлены и подтверждены не только факты незаконного образования юридического лица, но и обмана подставных лиц, причины, которые способствовали совершению преступной деятельности.

3. Обыск по месту жительства подозреваемого (заподозренного) и по юридическому и фактическому адресу юридического лица.

4. Выемки:

документов, относящихся к финансовым операциям либо сделкам с имуществом у контрагента и т.п.;

у нотариуса реестра для регистрации нотариальных действий и удостоверенного документа, если экземпляр его остался в деле нотариуса (вместо выемки реестра для регистрации нотариальных действий допускается его осмотр по месту нахождения);

в территориальном органе ФНС (регистрарующем органе) регистрационного дела юридического лица (регистрационный орган обеспечивает учет и хранение всех представленных в соответствии с законодательством документов в порядке, установленном уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти);

в кредитной организации юридического и кредитного дел, выписок, расчетных документов и т.п., относящихся к деятельности проверяемого юридического лица.

5. Наложение ареста на имущество, являющееся предметом финансовых операций или сделок.

6. Следственный осмотр документов. При осмотре документов, изъятых в территориальном органе ФНС (уполномоченном органе), следователь должен обратить внимание на следующие обстоятельства: заявления, уведомления и сообщения, а также приложения к ним заполняются от руки печатными буквами чернилами или шариковой ручкой синего или черного цвета либо машинописным текстом. В случае, если какой-либо раздел или пункт раздела заявления не заполняется, в соответствующих графах проставляется прочерк. Каждый документ, содержащий более одного листа, должен быть прошит и пронумерован. Количество листов подтверждается подписью заявителя или нотариуса на обороте последнего листа на месте прошивки. Целями осмотра банковских документов является определение маршрута движения денежных средств, прошедших по счетам юридического лица, розыск и изъятие денежных средств, имеющих преступное происхождение, и т.п. Нередко при изучении документов имеется необходимость привлечь специалистов, в том числе для производства экспертиз.

7. Экспертизы, наиболее важными из которых при расследовании подобной категории дел можно признать почерковедческую и технико-криминалистическую. Почерковедческая экспертиза назначается с целью идентификации подписей на регистрационных документах фиктивных организаций и фиктивных договорах и приложениях к ним (счетах фактуры, товарно-транспортных накладных, актах приема-передачи и т.п.). Зачастую обвиняемые по факту реорганизации юридического лица совершают подделку документов для осуществления своего преступного замысла таких документов, как решение единственного участника ООО, протокол общего собрания о присоединении ООО,

заявление по форме Р12003, т.е. тех документов, которые необходимо предоставить для государственной регистрации.

Проведение указанной экспертизы позволяет установить факт фиктивности организаций. Техничко-криминалистическая экспертиза назначается в случае изъятия при производстве обысков печатей фиктивных организаций на предмет идентификации их оттисков с оттисками на регистрационных и бухгалтерских документах.

В заключение хотим отметить, что расследование уголовных дел по ст. 173.1 УК РФ требует от следователя тщательной подготовки,

т.к. доказать умысел на создание или реорганизацию юридического лица путем введения в заблуждение учредителей (участников) юридического лица или органа управления данного юридического лица, основываясь только на показаниях свидетелей, довольно сложно. Свидетели в судах часто отказываются от данных ранее показаний, несмотря на предупреждение об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. В связи с этим обстоятельством следователь должен представить и иные доказательства, подтверждающие факт незаконного образования юридического лица.

1. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».*

2. *Данильян Э.С. Особенности проведения допросов и опросов в целях проверки розыскных версий // Общество и право. 2015. № 1.*

1. *Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 7, 2011 № 420-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».*

2. *Danilyan E.S. Features of the interrogations and interviews in order to verify the version of investigation // Society and law. 2015. № 1.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Науменко Оксана Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: kseny1010@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

O.A. Naumenko, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kseny1010@mail.ru

Понятие подозрения как института уголовно-процессуального права России

В статье анализируются позиции ведущих ученых-процессуалистов в вопросе определения понятия «подозрение». Подозрение рассматривается как предположение о причастности лица к совершению преступления и как институт уголовно-процессуального права. Автором делается вывод о соответствии подозрения критериям, предъявляемым к правовым институтам.

Ключевые слова: уголовный процесс, правовой институт, норма права, подозрение, подозреваемый.

The concept of suspicion as an institution of criminal procedure law of Russia

The article analyzes the positions of leading scientists-processors in the definition of «suspicion». Suspicion is regarded as an assumption of a person's involvement in the Commission of a crime and as an institution of criminal procedure law. The author makes a conclusion about the compliance of the suspicion criteria applied to legal institutions.

Key words: criminal process, legal institution, rule of law, suspicion, suspect.

В настоящее время в уголовно-процессуальной науке господствующей является точка зрения, в соответствии с которой подозрением следует считать предположение возможности совершения незаконного поступка (преступления). Такое предположение не является обвинением, а значит, обладает иной информационной характеристикой с позиции аргументированности, достаточности.

В связи с этим, закладывая основу перспективного юридического понимания подозрения, укажем, что статус подозрения имеет характер предположения причастности лица к преступлению.

В уголовном судопроизводстве отсутствует должное внимание к понятийному аппарату института подозрения. На наш взгляд, процессуальное значение подозрения явно занижено, что не оправдано его назначением, действительным содержанием, востребованностью на практике [1, с. 14]. Обратимся к воззрениям ученых, которые занимаются исследованием проблем определения подозрения в уголовном процессе.

Б.А. Мирзаев отмечает, что термин «подозрение» применяется в основном в теории уголовно-процессуального права, но не в правовых (юридических) формулировках, используемых законодателем. Ученый предлагает в теории уголовно-процессуального права продумать вопрос о понятии (содержании)

термина «подозрение». Он предлагает определить его так: подозрение – это основанное на доказательствах и положениях пп. 1–4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ утверждение следователя (дознателя) о совершении конкретным лицом расследуемого преступления [2, с. 16].

Практика применения понятия «подозрение» отражает его суть и отдельные признаки. И.В. Овсянников пишет, что первоначально необходимо сформулировать подозрение в отношении определенного лица, затем определить процессуальный статус подозреваемого, после чего возможно при наличии законных оснований применить к подозреваемому меры пресечения [3, с. 42–45].

Спорным является момент появления подозрения, например, В.Н. Махов полагает, что основания для подозрения лица в совершении преступления и его задержания могут быть получены только в ходе допроса заподозренного [4, с. 46–48]. Однако с подобной позицией трудно согласиться: основания подозревать то или иное лицо в совершении преступления могут быть самыми разными, более того в ходе допроса у заподозренного появляется реальная возможность изложить свою картину произошедшего.

В.В. Кальницкий отмечает, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого можно и нужно рассматривать как уведомление о возникшем подозрении [5, с. 23–30].

Б.Я. Гаврилов предлагает заменить институт предъявления обвинения на процессуальные нормы о привлечении лица в качестве подозреваемого [6, с. 20–23]. Но указанная позиция необоснованно отодвигает момент, когда у лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства, появляется право знать, в чем оно подозревается.

Возвращаясь к определению понятия «подозрение», заметим, что в теории уголовного процесса используются различные словосочетания: «институт подозрения» [7, с. 23–26], «институт подозреваемого» [8, с. 80–82], «подозрение» [9, с. 54].

Полагаем, что в рамках уголовно-процессуального права уместно говорить именно об институте подозрения. Подозрению в уголовном процессе свойственны основные уголовно-процессуальные понятия в их своеобразии, показывающие специфику рассматриваемого института и подтверждающие право на его существование [1, с. 75].

Прежде всего, в УПК РФ уже закреплены нормы, которые регламентируют отношения, возникающие при реализации способов легализации подозрения в уголовном деле, т.е. при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (раздел 7 УПК РФ), при задержании лица по подозрению в совершении преступления (гл. 12 УПК РФ), при применении или избрании меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), при уведомлении лица о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ).

Совокупность норм, регламентирующих подозрение, и составляет институт подозрения, поскольку первым признаком уголовно-процессуального института является наличие автономной группы норм, содержащей правила реализации подозрения в уголовном процессе, однако ее недостаточно для полноценного правового регулирования, что вызывает потребность в восполнении правовых пробелов [10, с. 125].

Существование рассматриваемого института предполагает уголовно-процессуальные отношения, реализуемые субъектами и участниками подозрения в определенном порядке при наличии установленных законом оснований. Например, задержание лица по подозрению в совершении преступления в соответствии со ст. 91 УПК РФ влечет возникновение определенного рода отношений, на-

правленных на выполнение установленных законом правил. Так, дознаватель, следователь обязан уведомить об этом кого-либо из близких родственников подозреваемого, а при их отсутствии других родственников или предоставить возможность такого уведомления самому подозреваемому (ч. 1 ст. 96 УПК РФ). Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица также влечет определенные действия: составление постановления, направление копии прокурору (ст. 146 УПК РФ). Применение меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого в уголовном процессе сопряжено с реализацией соответствующих правил: обращение в компетентный орган, его рассмотрение и разрешение (ст. 108 УПК РФ). При оформлении уведомления о подозрении дознаватель должен направить его копию подозреваемому (ст. 223.1 УПК РФ).

В свете изложенного наблюдается автономность и специфичность отношений, которые приводят к существованию отдельного института – института подозрения. Таким образом, второй признак уголовно-процессуального института – это наличие адресных уголовно-процессуальных отношений, нацеленных на качественную реализацию подозрения.

Институт подозрения реализуется в определенной уголовно-процессуальной форме, что свидетельствует о наличии третьего признака. Уголовно-процессуальная форма подозрения заключается в формировании подозрения, его отражении в уголовном деле путем соблюдения порядка вовлечения лица в уголовный процесс в качестве подозреваемого при осуществлении действий, установленных законом, и оформляемых при этом документов. Обращение к решению Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П показывает возможность и необходимость реализации подозрения в своей специфической уголовно-процессуальной форме. По мнению Суда, подозрение подлежит установлению только в надлежащем, обязательном для суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и иных участников уголовного судопроизводства процессуальном порядке. На данный момент отсутствует унифицированная форма реализации подозрения, которая рассредоточена в различных процессуальных порядках применения способов, посредством которых второстепенно легализуется подозрение.

Уголовно-процессуальные функции подозрения как четвертый признак рассматриваемого института выполняют участники уголовного судопроизводства, которые расследуют дело и иным образом принимают в нем участие. На наш взгляд, правильнее было бы говорить о субъектах и участниках института подозрения. Ведь из всего многообразия лиц (следователь, потерпевший, свидетель), которые так или иначе могут участвовать в реализации подозрения в уголовном процессе только некоторые из них (например, следователь, дознаватель) могут придать этому институту официальный характер. Иные лица оказывают содействие в формировании подозрения в уголовном процессе [8, с. 80]. К таким лицам относятся, например, свидетель, сообщаящий информацию, позволяющую подозревать лицо в совершении преступления, подозреваемый, информирующий следователя о соучастнике преступления.

Институту подозрения свойственна и своя система гарантий как пятый признак уголовно-процессуального института. Уголовно-

процессуальные гарантии института подозрения представляют собой совокупность способов, приемов и методов, посредством которых обеспечивается законность и обоснованность подозрения в уголовном процессе. Среди них возможность обращения к защитнику (ст. 16 УПК РФ) и обжалования решений суда, прокурора, следователя, дознавателя в части подозрения (п. 10 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), право давать показания по поводу подозрения (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), право на реабилитацию (глава 18 УПК РФ).

Таким образом, подозрение как правовой институт – это совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих общественные отношения, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений, между субъектами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование, и иными лицами, закрепляющих гарантии законности и обоснованности подозрения и направленных на установление истины по уголовному делу.

1. Антонов И.А. Уголовно-процессуальная реформа: отступления от концептуальных положений и крушение надежд // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2014. № 4(26).

2. Мирзаев Б.А. Назначение уголовного судопроизводства: проблемы законодательной регламентации // *Рос. следователь*. 2010. № 14.

3. Овсянников И.В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путем применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // *Закон и право*. 2004. № 3.

4. Махов В. Свидетель – не подозреваемый // *Законность*. 2001. № 1.

5. Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // *Уголовное судопроизводство*. 2007. № 3.

6. Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // *Уголовный процесс*. 2005. № 1.

7. Давлетов А., Войт В. Институт подозрения нуждается в совершенствовании // *Законность*. 1996. № 7.

1. Antonov I.A. Criminal procedure reform: deviations from the conceptual provisions and frustration // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2014. № 4(26).

2. Mirzaev B.A. Appointment of criminal proceedings: problems of legislative regulation // *Ros. investigator*. 2010. № 14.

3. Ovsyannikov I.V. Is it possible to give a person the procedural status of a suspect by the application of a preventive measure before being charged? // *Law and regulation*. 2004. № 3.

4. Makhov V. Witness – not a suspect // *Legality*. № 1. 2001.

5. Kalnitsky V.V. Indictment: modern characteristic and reforming conditions // *Criminal proceedings*. 2007. № 3.

6. Gavrilov B.Ya. Improvement of pre-trial proceedings in the light of the implementation of the main provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // *Criminal procedure*. № 1. 2005.

7. Davletov A., Voight V. Institute of suspicion needs to be improved // *Legality*. 1996. № 7.

8. Lozovsky D.N., Fidelsky S.V. Topical issues, arising at the repeal of the investigator's decision to initiate a criminal case by the head

8. Лозовский Д.Н., Фидельский С.В. Дискуссионные вопросы, возникающие в ходе отмены постановления о возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2014. № 4.

9. Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974.

10. Демин Д.В., Алексеев И.М. К вопросу об институционализации подозрения // Общество и право. 2016. № 3.

11. Обзор практики Конституционного Суда РФ за третий-четвертый квартал 2013 года // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

of the investigative authority // Bull. of Krasnodar University of Russian MIA. 2014. № 4.

9. Kluykov E.M. The measure of procedural coercion. Kazan, 1974.

10. Demin D.V., Alekseev I.M. On the issue of institutionalization of suspicion // Society and law. 2016. № 3.

11. Review of the Constitutional Court of the Russian Federation for the third or fourth quarter of 2013 // Access from legal reference system «ConsultantPlus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Демин Дмитрий Владимирович, адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России; e-mail: Kaspar555@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

D.V. Demin, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Kaspar555@mail.ru

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г. : в 2 т. / редкол.: К. В. Вишневецкий, И. А. Паршина, И. В. Танага, П. В. Максимов, А. З. Хун. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – Т. I. – 316 с.

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 15 сентября 2017 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

К вопросу о производстве освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего при расследовании преступлений, посягающих на половую неприкосновенность личности

В статье дается представление о современном состоянии преступности в сфере посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Формируется умозаключение по поводу места освидетельствования в системе первоначальных следственных действий при расследовании преступных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Излагаются некоторые рекомендации относительно производства освидетельствования потерпевшего по данной категории преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, расследование преступлений, половая неприкосновенность, несовершеннолетние, освидетельствование, тактика следственного действия, первоначальные следственные действия.

The question of the production examination of the minor victim during the investigation of crimes against sexual inviolability of the person

The article provides an insight into the current state of crime in the sphere of an encroachment on sexual inviolability of minors. The conclusion as to the place of examination in the system of initial investigatory actions at investigation of criminal sexual assault of a minor is formed. Tactical sets out recommendations for production examination of the victim in this category of crimes.

Key words: forensic science, investigation of crimes, sexual immunity of minors, examination, tactics of investigatory actions, initial investigations.

Исчерпывающий перечень составов преступлений, направленных против половой неприкосновенности и половой свободы личности, устанавливается гл. 18 УК РФ [1]. Между тем некоторые сомнения по поводу отнесения преступных деяний к данной категории вносит примечание к ст. 73 УК РФ, согласно которому «для целей настоящей статьи, а также ст. 79, 80, 82 и 97 настоящего Кодекса к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные ст. 131–135, 240, 241, 242.1 и 242.2 настоящего Кодекса, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста». Учитывая структуру составов преступлений, предусмотренных ст. 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ, следует отметить, что половая неприкосновенность личности здесь выступает только в качестве дополнительного объекта преступного посягательства. Мотивы же в данных составах преступлений носят преимущественно корыстную направленность. Да и сам спо-

соб их реализации не имеет ничего общего с насильственными и ненасильственными посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетнего. Таким образом, говоря о преступлениях, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, следует принимать во внимание те составы, которые охватываются диспозициями ст. 131–135 УК РФ.

Обращаясь к официальным статистическим данным, считаем необходимым отметить, что в Российской Федерации в 2010 г. несовершеннолетними потерпевшими от преступлений стали 100227 человек, в 2011 г. – 93241 человек, в 2012 г. – 89183 человека, в 2013 г. – 89053 человека, в 2014 г. – 95431 человек, в 2015 г. – 102695 человек, в 2016 г. – 78698 человек [2]. По данным экспертов, 7% преступлений против несовершеннолетних составляют изнасилования, насильственные действия сексуального характера, понуждения к действиям сексуального характера, совершение полового акта с лицом, не достигшим 16-ти, 14-ти, 12-ти летнего возраста [3].

Только на территории Краснодарского края в 2011 г. было зарегистрировано 679 подобных преступлений (ст.131-135 УК РФ), в 2012 г. – 605 преступлений, в 2013 г. – 549 преступлений, в 2014 г. – 517 преступлений, в 2015 г. – 657 преступлений, в 2016 г. – 673 преступления, а за первое полугодие 2017 г. зарегистрировано 299 преступлений данной категории [4].

Основные сложности, с которыми приходится сталкиваться в ходе расследования данной категории преступлений, преимущественно приходится на первоначальный этап расследования и связаны с необходимостью верной квалификации содеянного, изобличением виновного лица, а также тактически грамотным производством следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего. Перечисленные задачи могут быть разрешены путем разработки особенностей производства первоначальных следственных действий по уголовным делам, связанным с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Именно первоначальный этап расследования закладывает основу доказательственной базы, позволяет определить основные версии, касающиеся механизма совершенного преступления, а также личности виновного.

Среди первоначальных следственных действий можно выделить такие, как осмотр места происшествия, освидетельствование, допрос потерпевшего и свидетелей, назначение судебных экспертиз. В ходе изучения уголовных дел, расследованных по фактам совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, выявлено, что освидетельствование несовершеннолетнего потерпевшего производится в 95% случаев на первоначальном этапе расследования, при этом 74% опрошенных следователей отметили данное следственное действие в числе наиболее результативных (всего было проанкетировано 733 следователя Следственного комитета Российской Федерации на территории 34 субъектов России).

Освидетельствование несовершеннолетнего потерпевшего можно назвать одним из наиболее сложных следственных действий, вызывающих множество дискуссионных вопросов. В рамках данной научной статьи мы не ставим перед собой цель осветить тактические рекомендации по производству данного вида освидетельствования, а обращаем внимание на наиболее существенные тактические моменты и дискуссионные вопросы, требующие обсуждения.

В соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование потерпевшего [5]. Ряд практических сотрудников понимает положения данной нормы таким образом, что освидетельствование проводится только, если необходимости в производстве экспертизы нет. В противном случае освидетельствование не проводится, а назначается соответствующая судебная экспертиза. Мы в корне не согласны с такой позицией, так как производство освидетельствования вне зависимости от необходимости последующего экспертного исследования позволяет уже на ранних стадиях расследования зафиксировать ту следовую картину, которая может быть положена в основу принятия решения о необходимости возбуждения уголовного дела, установления виновного лица, организации его розыска. Более того, специфика следовой картины такова, что излишняя задержка может стать причиной уничтожения следов преступления, после чего установить значимые обстоятельства преступления станет весьма затруднительно.

Некоторые сомнения, на первый взгляд, вносят и сами возможности освидетельствования, прописанные в норме ст. 179 УПК РФ: выявление состояния опьянения, обнаружение телесных повреждений. По мнению А.В. Кудрявцева, включение в данное следственное действие указанных возможностей значительно размывает границы между следственным и медицинским освидетельствованием [6, с. 247–248]. Как мы полагаем, оценивая пределы следственного освидетельствования, целесообразно придерживаться точек зрения, высказанных С.М. Куценко [7, с. 211–215] и Р.Л. Ахмедшиным [8, с. 154–161]. Они утверждают, что житейского опыта следователя вполне достаточно для того, чтобы предположить с высокой степенью вероятности наличие состояния опьянения у освидетельствуемого, а также описать имеющиеся внешне видимые повреждения на теле человека. При этом следователь не в силах делать обоснованные выводы о тяжести телесных повреждений и степени опьянения, что уже входит в непосредственную компетенцию соответствующего эксперта.

Таким образом, при расследовании преступлений, посягающих на половую неприкос-

новенность несовершеннолетних, освидетельствование выступает первоначальным процессуальным действием, позволяющим без промедления получить значимую для принятия решения о возбуждении уголовного дела и последующей необходимости назначения судебно-медицинской экспертизы информацию [9, с. 109–110]. Считаем необходимым производство данного следственного действия во всех случаях, когда, по мнению следователя, на теле жертвы могут иметься следы преступления, а прошедшее с момента преступления времени явно не свидетельствует об их утрате.

Так как специфика рассматриваемой нами категории преступлений в подавляющем большинстве случаев подразумевает необходимость в освидетельствовании всего тела потерпевшего, сопровождаемого его оголением, то возникает необходимость в привлечении врача, что предусмотрено ч. 3 и 4 ст. 179 УПК РФ. Вопрос о принятии участия в данном следственном действии представителя несовершеннолетнего потерпевшего должен решаться с учетом интересов самого несовершеннолетнего [10, с. 157–160].

Законодателем не определено, в какой области медицинских знаний должен специализироваться привлекаемый специалист. Мы читаем, что надлежит разрабатывать рекомендации с учетом личности подвергаемого освидетельствованию субъекта. Так как мы акцентируем внимание на производстве освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего, то и врач должен быть подобран из числа сотрудников детского медицинского учреждения. Так если освидетельствованию подлежит лицо женского пола, то предпочтение стоит отдавать детскому врачу-гинекологу. Если же от преступления пострадало лицо мужского пола, то к освидетельствованию рекомендуется привлечь детского врача-хирурга, который зачастую выступает также специалистом в области детской урологии и проктологии. Такой подход к выбору специалистов обусловлен тем, что именно детские врачи, помимо основных специальных медицинских знаний, также имеют знания в области педиатрии и детской психологии, что, по нашему мнению, весьма важно при обследовании несовершеннолетних, подвергшихся посягательству на их половую неприкосновенность. Подобный специалист в состоянии свести к минимуму все возможные дополнительные негативные переживания осматриваемого, связанные с отысканием на его теле следов преступления.

В случае, если несовершеннолетний потерпевший разного пола с лицом, задействованным в расследовании преступления, в частности производящим рассматриваемое следственное действие, необходимо помнить, что освидетельствование будет проводиться врачом. Это не значит, что следователь должен полностью возложить всю ответственность за качество производства следственного действия на привлекаемого специалиста. В данной ситуации перед началом освидетельствования следователю рекомендуется оговорить с привлекаемым специалистом (врачом) те действия по осмотру тела потерпевшего, которые надлежит произвести. В частности, исходя из механизма преступления, заострить внимание на местах возможной локализации следов преступления, способах их фиксации и изъятия. Возможно предусмотреть порядок производства освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего таким образом, чтобы следователь и врач, привлеченный к освидетельствованию, имели возможность осуществлять голосовой контакт в ходе производства следственного действия (например, следственное действие будет производиться в кабинете, где смотровая отделена от основной части кабинета плотной ширмой). Такой подход позволит в процессе освидетельствования разрешать возникающие у врача спорные моменты, не приостанавливая его ход.

Кроме того, так как среди основных следов преступления, выявляемых на теле освидетельствуемого, особое место занимают следы биологического происхождения, следователю рекомендуется заблаговременно предусмотреть, каким образом они будут изыматься. Здесь возможно получение заблаговременной консультации в отделе биологических исследований экспертно-криминалистического центра.

Таким образом, нами были отмечены основные рекомендации, касающиеся тактики производства освидетельствования несовершеннолетнего потерпевшего, подвергшегося посягательству, направленному на его половую неприкосновенность. Не настаивая на истинности изложенного, будучи открытыми к научному диалогу, мы полагаем, что учет обозначенных в данной статье аспектов освидетельствования позволит повысить эффективность расследования половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, а также уменьшить количество случаев нарушения законности при расследовании.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Сведения о количестве несовершеннолетних потерпевших. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (дата обращения: 19.09.2017).
3. Статистика насилия в отношении детей в России. URL: <http://annatubten.livejournal.com/154544.html> (дата обращения 19.09.2016).
4. Статистическая информация ГИАЦ МВД России по преступлениям против половой неприкосновенности за 2011 – первое полугодие 2017 года, совершенных на территории Краснодарского края.
5. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.
6. Кудрявцева А.В. Освидетельствование по УПК Российской Федерации // Международные юридические чтения. Омск, 2004.
7. Куценко С.М. Задержание лица в состоянии опьянения: процессуальный и криминалистический аспект // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность: теории и практика: материалы V Верос. науч.-практ. конф., 19 мая 2017 г. / редкол.: С.В. Пахомов, А.В. Гусев, А.С. Данильян, В.И. Еремченко. Краснодар, 2017.
8. Ахмедшин Л.А. О тактике освидетельствования // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 405.
9. Скорчено П.Т. Расследование изнасилований. М., 2004.
10. Мисник И.В., Завгорьян С.Г. Участие законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе // Общество и право. 2017. № 2.
1. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. Data on number of juvenile victims. Unified interdepartmental information-statistical system. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36198> (date of access: 19.09.2017).
3. Statistics of violence against children in Russia. URL: <http://annatubten.livejournal.com/154544.html> (date of access 19.09.2016).
4. Statistical information the SIAC Ministry of internal Affairs of Russia for crimes against sexual inviolability for 2011 – the first half of 2017 committed on the territory of Krasnodar region.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation d.d. Dec. 18, 2001 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4921.
6. Kudryavtseva A.V. Examination under the criminal procedure code of the Russian Federation // International legal readings. Omsk, 2004.
7. Kutsenko S.M. Detention of a person intoxicated: procedural and criminalistic aspect // Criminalistics and judicial-expert activity: theory and practice: materials of the V All-Russian sci.-pract. conf., May 19, 2017) / ed. board: S.V. Pakhomov, A.V. Gusev, S.A. Danilyan, V.I. Eremchenko. Krasnodar, 2017.
8. Akhmedshin L.A. About the tactics of the survey // Bull. of the Tomsk State University. 2016. № 405.
9. Skorchenko P.T. Investigation of rape. Moscow, 2004.
10. Misnik I.V., Zahorian S.G. The participation of legal representatives of juveniles in criminal proceedings // Society and law. 2017. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломакина Алла Алексеевна, адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: lomakina.alla@inbox.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Lomakina, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lomakina.alla@inbox.ru

К вопросу о моральной и материальной мотивации лиц, содействующих оперативно-розыскным органам

На основании анализа литературных источников и практического опыта работы с конфиденцентами в статье показано преимущество моральной мотивации содействия оперативно-розыскным органам над материальной заинтересованностью в таком сотрудничестве.

Ключевые слова: оперативно-розыскные органы, конфиденцента, материальная мотивация, моральная мотивация, содействие, преступник, деятельное раскаяние.

To the question of the ideal and material motivation of persons assisting operational investigative authorities

On the basis of the analysis of references and practical experience of work with confidants in article advantage of moral motivation of assistance to operational investigative bodies over material interest in such cooperation is shown.

Key words: operational search bodies, confidant, material motivation, moral motivation, assistance, criminal, active repentance.

Что является более сильной мотивацией для лиц, содействующих оперативно-розыскным органам, – моральный или материальный стимул?

Когда речь идет о противодействии организованной преступности, раскрытии преступлений, которые совершают участники организованных групп и преступных сообществ, предупреждении экстремистской и террористической деятельности, документировании коррупционных преступлений, залогом успеха работы является своевременно полученная достоверная информация, позволяющая правоохранительным органам решать поставленные перед ними задачи. В названных случаях необходимой информацией обладают в основном те лица, которые вовлечены в подготовку или непосредственное совершение преступлений. Информация является закрытой по отношению ко всем остальным лицам, т.е. ее носителями являются сами преступники. Поэтому очень важно уметь правильно оценить психологические особенности преступника, образ его мышления, систему жизненных, нравственных и моральных ценностей.

Для профессиональных преступников основным источником дохода являются материальные средства, получаемые ими от совершения преступлений корыстной направленности. Доходы организованных форм профессиональной преступности весьма велики. К сожалению, это приводит к тому, что члены

преступных групп зачастую в материальном плане обеспечены намного лучше, чем сотрудники органов внутренних дел. Возможно ли в такой ситуации заинтересовать лицо, обладающее необходимыми для оперативного подразделения сведениями, в содействии на основе материальной выгоды? Каким должен быть размер материального поощрения? Насколько добросовестным будет содействие и насколько это будет справедливо в социальном плане по отношению к сотрудникам оперативных подразделений, которые, возможно, испытывают материальные трудности? Ответы на поставленные вопросы кажутся нам вполне очевидными: в настоящее время в сложившейся в стране экономической ситуации материальная мотивация содействия конфиденцентов из числа членов организованной преступности едва ли может быть действенной и результативной.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 17 предусматривает возможность привлечения к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий отдельных лиц с их согласия и с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [1]. Добровольное согласие на оказание содействия является реализацией принципа оперативно-розыскной деятельности – соблюдения прав и свобод человека и гражданина. При этом ключевым элементом эффективной работы цепочки «опера-

тивный сотрудник – конфидент – информация» является процесс формирования мотивации содействующего лица. Именно от мотивационной направленности конфидента будет зависеть надежность и плодотворность такого взаимодействия.

Анализ примеров сотрудничества конфидентов с оперативно-розыскными органами разных стран показывает, что в отличие от менталитета западных народов, славянский менталитет характеризуется поиском правды, справедливости, преобладанием общественных ценностей над личными. Характерным примером является арест известного американского террориста Уна Бомбера. «Долгие годы он был неуловим, пока за него не назначили награду в 300 тысяч долларов. В первый же день после объявления награды его заложил собственный брат и стал народным героем. Когда его спросили, почему он не донес на брата раньше, герой честно ответил, что сделать это задаром ему просто не позволяла совесть» [2, с. 390]. Еще одним примером является принятие в 2011 г. в США закона о реформировании финансовой системы и защите потребителей, или, так называемого, «Закона Додда–Франка», который не только регулировал разные аспекты финансовой деятельности, но и создавал в финансовой системе широкую сеть информаторов, которые могли получить от 10 до 30 % от суммы штрафа за выявленное нарушения. По данным Комиссии по ценным бумагам и биржам, в среднем в день поступало по семь жалоб, а осведомителями в основном выступали сотрудники компании, которые были участниками преступной деятельности, или просто наблюдателями [2, с. 393–395]. Примером же безвозмездного содействия структурам является задержание командира Украинской повстанческой армии Василия Кука. Согласившийся на сотрудничество с КГБ боевик УПА Карпо обезоружил и связал своего командира, а когда Кук предложил ему за свою свободу принадлежащее организации украинских националистов золото, Карпо ответил отказом, пояснив, что он пошел на сотрудничество не ради денег, а из чувства долга [3, с. 299]. В другой ситуации агент Федоренко в результате проведенной воспитательной работы и откровенных бесед с оперативными сотрудниками кардинально изменил свои взгляды на ранее проводившуюся им антисоветскую работу [4, с. 284–285]. И таких примеров много.

Как видим, в менталитете славянских народов, в их традициях конфиденциальное содействие правоохранительным органам за вознаграждение имеет негативную оценку. А в

западной культуре сотрудничество на основе материальной выгоды является вполне нормальным. По-видимому, тут играют роль более глубокие корни, нежели опыт работы с конфидентами на возмездной или безвозмездной основе.

Для лучшего понимания мотивационной направленности конфидента необходимо более детально рассмотреть психологические особенности формирования ее идейной составляющей. Прежде всего отметим, что не все категории лиц склонны к сотрудничеству с оперативно-розыскными органами на нематериальной основе. К таковым можно отнести тех, кто имеет определенные моральные ценности и позиции, например, такие, как чувство долга, справедливости, прощения и др. Только такой человек, в том числе и преступник, способен ставить определенные цели и следовать им, быть преданным идеям, имеющим важность для него самого и окружающих. Ярким антипримером является идейный терроризм, который чаще всего развивается в условиях идеологического вакуума, социально-политической и экономической нестабильности [5].

Работа с каждым конфидентом – это индивидуальный, неповторимый и требующий специфического подхода случай. Для одного ключевым звеном в желании содействовать правоохранительным органам будет полное и беспрекословное доверие оперативным сотрудникам, для другого – шанс сгладить свою вину, для третьего – в силу личностных особенностей возможность получить очередную дозу адреналина (например, повышенная склонность к риску), для четвертого – единственным поводом для сотрудничества может оказаться наличие компрометирующей информации и т.д.

Изучение мотивации конфидента предполагает исследование его первичных целей, желаний и потребностей. С точки зрения психологии, человек, в том числе и преступник, чувствует себя комфортно, если не нарушена одна из базовых потребностей – потребность в безопасности (защищенности, стабильности, защите, зависимости, отсутствии страха, тревоги и хаоса, потребности в структуре, порядке, законе и ограничениях, силе покровителя и т.д.). [6, с. 60]. Согласно ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства. Это достаточно весомый аргумент, который морально успокаивает человека и определенным образом удовлетворяет естественную потребность

в безопасности. П.И. Иванов и С.И. Владимиров предлагают внести изменения на законодательном уровне с целью урегулирования процедуры оказания действенной помощи категориям «не вполне защищенных» граждан, содействующих оперативным подразделениям органов внутренних дел [7, с. 40–41].

В ситуациях, когда мотивация содействия основана на идейных побуждениях конфиденанта, между оперативным работником и содействующим лицом возникают такие личные отношения, в результате которых сотрудник органов внутренних дел является в определенной мере «покровителем», гарантом безопасности конфиденанта. И основное преимущество таких отношений в том, что это доверие основано на личных взаимоотношениях. Наличие доверия, расположения, понимания важности и значимости сотрудничества в рамках борьбы с преступностью как на индивидуальном, так и групповом уровнях, убежденность в принадлежности к группе таких же единомышленников, чья деятельность носит социально-положительную направленность, способствует получению более правдивой и надежной информации от конфиденанта в процессе сотрудничества. Только когда в глазах самого конфиденанта референтной будет представляться именно группа сотрудников правоохранительных органов, а мир преступности выступит в образе «общего врага», идейные побуждения к содействию с правоохранительными органами будут укрепляться и приносить ожидаемые результаты работы.

Начальник Охранного отделения С.В. Зубатов, обучая своих коллег работе с конфиденантами, говорил: «Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать...» [8, с. 66]. Как мы видим, отношение к работе конфиденантов, работающих за деньги и ради личной выгоды, у С.В. Зубатова было весьма негативное, как и у В.Д. Игнатова, который человека, доносящего на ближнего с целью решить какие-то свои личные проблемы, называл «стукачом» [2, с. 413].

Содействие на идейной основе играет очень важную роль в морально-нравственном перевоспитании человека: преступнику дается

возможность обеспечить свою стабильность, защиту, уменьшить чувство страха и тревоги перед неизвестным будущим, раскаяться, искупить вину и в результате получить прощение. Речь в данном случае идет о деятельном раскаянии. Признавая вину и помогая правоохранительным органам, преступник сможет рассчитывать на то, что Закон может либо смягчить наказание (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), либо освободить от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ). Но это только внешняя сторона деятельного раскаяния. Ведь преступнику также дается возможность внутреннего очищения как в собственных глазах, так и в глазах окружающих. Это очень важно с позиции сохранения психического здоровья виновного, его дальнейшего исправления и становления на социально-одобряемом пути.

Итак, мы считаем, что мотивация содействия на моральной основе является более результативной и действенной, хотя и более трудно достижимой, нежели материальная заинтересованность в таком сотрудничестве. Преимущество такого сотрудничества подтверждается литературными источниками (В.Д. Игнатов, Н.П. Лыков), опытом работы как действующих практических сотрудников, так и советских спецслужб, а также сформированным за десятки и сотни лет менталитетом. Об этом свидетельствуют следующие особенности моральной мотивации:

- высокая степень доверия к оперативному сотруднику со стороны конфиденанта;

- более долгосрочное сотрудничество с конфиденантом;

- высокая степень правдивости, надежности и достоверности полученной от конфиденанта информации;

- возможность искренне раскаяться в содеянном;

- снижение рецидивности преступности;

- повышение уровня морального (нравственного) и правового сознания граждан;

- экономия бюджетных средств.

Несмотря на уже существующие разработки по данной теме, круг перспективных направлений дальнейших научных поисков все же широк. К ним можем отнести: углубление представлений о возрастных и гендерных особенностях работы с конфиденантами; разработка специальных методов формирования идейной мотивации, создание обучающих программ для оперативных сотрудников с целью формирования необходимых навыков в работе с идейными конфиденантами.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон РФ от 12 авг. 2012 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Игнатов В.Д. Доносчики в истории России и СССР. М., 2014.

3. Игнатов В.Д. Агентура НКВД – МГБ против ОУН-УПА. М., 2015.

4. Лыков Н.П. Охота на Бандеру. Как боролись с «майданом» в СССР. М., 2014.

5. Буткевич С.А. Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы / Общество и право. 2016. № 4 (58).

6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб., 2008.

7. Иванов П.И., Владимиров С.И. Актуальные проблемы содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел / Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1(23).

8. Беспалова Н. Сергей Васильевич Зубатов литературный герой и исторический прототип // Наука и техника. 2012. № 8.

1. About operational search activity: fed. law of the Russian Federation d.d. Aug. 12, 2012 № 144-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Ignatov V.D. Informers in the history of Russia and the USSR. Moscow, 2014.

3. Ignatov V.D. An agency of People's Commissariat for Internal Affairs – MGB against OUN-UPA. Moscow, 2015.

4. Lykov N.P. Hunting on Bander. As fought against «Maidan» in the USSR. Moscow, 2014.

5. Butkevich S.A. Ideology of terrorism and extremism: obvious and hidden threats // Society and law. 2016. № 4(58).

6. Maslou A. Motivation and personality. 3rd ed. St. Petersburg, 2008.

7. Ivanov P.I., Vladimirov S.I. Current problems of assistance of citizens to operational divisions law-enforcement bodies / Works of Departments of MIA Academy of Russia. 2013. № 1(23).

8. Bespalova N. Sergey Vasilyevich Zubatov literary hero and historical prototype // Science and technology. 2012. № 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Святослав Игоревич, кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, e-mail: sviatoslavigor@gmail.com;

Никитина Людмила Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, e-mail: flm2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

S.I. Ivanov, Candidate of Law, Head of the Chair of Operational-investigative and Special Equipment of the Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sviatoslavigor@gmail.com;

L.N. Nikitina, Candidate of Psychology, Assistant Professor of the Chair of Humanities and Social and Economic Disciplines of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: flm2014@yandex.ru

Проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий в целях раскрытия организации незаконной миграции

В статье рассмотрены особенности оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в целях противодействия организации незаконной миграции. Представлен перечень наиболее распространенных оперативно-розыскных мероприятий, проводимых для раскрытия организации незаконной миграции. Рассмотрены правовые условия оперативно-розыскных мероприятий и особенности их проведения.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, незаконная миграция, организация незаконной миграции, раскрытие организации незаконной миграции, оперативно-розыскные мероприятия.

Conduct certain investigative activities in order to expand the organization of illegal migration

In the article the peculiarities of investigative activities conducted for the purpose of counteraction of illegal migration. Presents a list of the most common operational-search actions carried out with the aim of disclosing the organization of illegal migration. The legal conditions and features of their conduct are examined.

Key words: detection of crime, illegal migration, illegal immigration, disclosure of the organization of illegal migration, operational-search activities.

Проблемы раскрытия такого преступления, как организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), активно исследуются учеными. В работах В.Е. Малышева [1], А.В. Богданова [2, с. 140–144], Е.Н. Хазова [3, с. 198–199; 4, с. 142–145], И.И. Ильинского, С.В. Иванцова [5, с. 110–114] рассмотрены возможности проведения различных оперативно-розыскных (далее – ОРМ) и иных мероприятий в целях раскрытия преступлений, связанных с нарушением миграционного законодательства.

Особенности проведения ОРМ в целях раскрытия организации незаконной миграции в настоящее время в научной литературе освещены недостаточно.

Под раскрытием преступлений традиционно понимается «деятельность оперативных сотрудников, направленная на получение с помощью специальных сил и средств фактических данных, позволяющих обнаружить события противоправных действий, лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также иные связанные с ними обстоятельства» [6, с. 41].

Специфика раскрытия организации незаконной миграции заключается в том, что установление лиц, ее совершающих, не представляет особой сложности. Основной проблемой раскрытия указанного преступления является получение объективных данных, позволяющих

впоследствии сформировать совокупность доказательств, достаточных для привлечения установленных преступников к уголовной ответственности.

В рамках настоящей статьи нет возможности рассмотреть весь комплекс ОРМ, применяемых при раскрытии организации незаконной миграции. Однако мы можем отметить особенности отдельных ОРМ, а также иных действий при реализации оперативной информации, проведение которых имеет наиболее важное значение для последующего формирования совокупности доказательств, достаточной для привлечения организаторов незаконной миграции к уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением, подлежат доказыванию.

Таким образом, при проведении ОРМ в отношении лиц, причастных к организации незаконной миграции, чтобы обеспечить привлечение последних к уголовной ответственности, необходимо задокументировать совокупность конкретных действий по незаконному изготовлению и выдаче документов, предоставляющих

право нахождения на территории Российской Федерации, или иных действий преступников по организации незаконной миграции, время и место их совершения, а также установить всех соучастников преступной деятельности. Кроме того, нужно получить объективные данные, которые впоследствии могут быть использованы в доказывании, о наличии у установленных соучастников преступной деятельности умысла на совершение организации незаконной миграции, а также установить всех лиц, воспользовавшихся услугами преступников.

Проведение ОРМ, направленных на раскрытие организации незаконной миграции, целесообразно осуществлять в рамках дел оперативного учета, заведенных в соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственными правовыми актами, поскольку рассматриваемый вид преступлений характеризуется сложностью его документирования и необходимостью проведения значительного количества ОРМ в целях решения разных оперативно-тактических задач.

На основе анализа типовых способов совершения преступления и мнений опрошенных сотрудников оперативных подразделений мы определили и сформировали перечень ОРМ, проведение которых имеет наибольшее значение для раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ.

Сначала необходимо провести наблюдение в отношении уже установленных лиц, причастных к совершению организации незаконной миграции и используемых ими помещений. К числу указанных лиц могут относиться лица, осуществляющие рекламу, принимающие заказы от потребителей преступных услуг, в том числе, работающие в офисе, а также иные лица, в отношении которых имеется информация об их причастности к рассматриваемой преступной деятельности.

В результате проведения указанного ОРМ может быть получена информация о роли объектов наблюдения в механизме совершения преступления, об иных соучастниках преступления, информация о местах нахождения ранее неизвестных оперативному подразделению офисных и жилых помещениях, транспортных средствах, используемых преступниками, коррумпированных связях последних, фактах оказания преступных услуг и иная информация.

Необходимо помнить, что «согласно действующему законодательству и подзаконным нормативным актам наблюдение, осуществляемое в общественных местах (на улицах, в скверах, магазинах, метро и т.д.), относится к внешнему (наружному) наблюдению, и предполагается, что оно не ограничивает конститу-

ционные права граждан. Однако наблюдение, связанное с проникновением в жилище гражданина, ограничивает его право на неприкосновенность жилища (например, наблюдение, осуществляемое внутри помещения с использованием различных скрытых средств аудио-, фото-, видеофиксации и передачи информации) и, следовательно, относится к группе ОРМ, которые требуют судебного разрешения» [6, с. 153].

После установления ранее неизвестных оперативному подразделению лиц, причастных к совершению организации незаконной миграции, последние ставятся на оперативный учет в порядке, определяемом ведомственными правовыми актами.

При наличии информации о средствах связи, используемых лицами, причастными к совершению организации незаконной миграции, в отношении последних целесообразно проведение прослушивания телефонных переговоров (далее – ПТП) и снятие информации с технических каналов связи (далее – СИТКС).

В результате проведения указанных мероприятий возможно получить информацию о роли объектов ОРМ в механизме совершения преступления, об иных соучастниках преступной деятельности, а также задокументировать наличие умысла на организацию незаконной миграции и конкретные факты оказания преступных услуг.

Необходимо отметить, что с учетом условий проведения ОРМ, закрепленных в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», проведение СИТКС и ПТП возможно только при признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому обязательно производство предварительного следствия.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ в форме предварительного следствия расследуются только преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, что делает невозможным проведение ПТП и СИТКС в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ (организации незаконной миграции, совершаемой без квалифицирующих признаков).

Следует отметить, что в целях получения информации о средствах связи, используемых преступниками, могут быть проведены специальные технические и оперативно-поисковые мероприятия, а также оперативные комбинации.

При выявлении фактов распространения рекламной информации о преступных услугах необходимо документировать указанные факты, отражая их как результат того или иного ОРМ, в ходе проведения которого была получена указанная информация.

Так, получение рекламной информации от распространителей на улицах или иных лиц, можно оформить как результат их опроса.

Информацию, обнаруженную в объявлениях с рекламой преступных услуг в общественных местах или в сети Интернет, возможно оформить как результат обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности или транспортных средств.

Целесообразно прилагать фотографии мест размещения таких объявлений или скриншоты с изображением рекламной информации на Интернет-ресурсах к документам, отражающим ход и результаты ОРМ.

В случае обнаружения в результате проведения наблюдения или иных ОРМ офиса, в котором осуществляется прием потребителей преступных услуг, необходимо провести легендированный опрос его сотрудников, в ходе которого получить информацию о том, какие конкретно услуги они оказывают, каковы сроки их исполнения и стоимость.

Опрос целесообразно проводить по телефону, представившись возможным потребителем преступных услуг. Это обусловлено, в частности, тем, что в ходе личного контакта, объекты ОРМ просят показать уже имеющиеся у потребителя преступных услуг документы (паспорта, миграционные карты и т.д.).

Проведение опроса в целях более полного документирования преступной деятельности целесообразно сопровождать аудиозаписью, а в случае личного контакта – видеозаписью.

Для получения более полной информации об организаторах незаконной миграции, если есть такая возможность, уместно провести оперативное внедрение.

В соответствии с ч. 7 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Лицо, совершающее это ОРМ, может внедриться непосредственно в преступную группу. В таком случае оно будет играть в ней роль работника, имеющего вспомогательные функции (распространитель рекламы, водитель, бухгалтер, сотрудник, осуществляющий прием потребителей преступных услуг, технический специалист и т.д.). Важно, чтобы эта роль не была активной, поскольку содействие преступникам может повлечь за собой уголовную ответственность.

Кроме того, при проведении ОРМ внедряемое лицо может установить близкие личные

отношения с одним из участников преступной группы, в этом случае оно также не должно принимать никакого участия в преступной деятельности.

Проведение оперативного внедрения позволяет получить информацию о способах совершения организации незаконной миграции, установить соучастников преступной деятельности и их роли, используемые ими средства связи и транспорт, офисные и жилые помещения, получить информацию о конкретных фактах совершения преступных действий.

В целях документирования преступной деятельности целесообразно проведение проверочных закупок преступных услуг. Целесообразность проведения указанных ОРМ обусловлена тем, что их результаты могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела по ст. 322.1 УК РФ.

Судебная практика показывает, что проведение нескольких проверочных закупок у одного и того же лица (группы лиц) иногда вызывает сомнения в их законности как у стороны защиты, так и у стороны обвинения.

Позиция Верховного Суда РФ по этому вопросу такова: «Судам следует учитывать, что проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия, также очередной проверочной закупки у одного и того же лица, должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Целями повторного ОРМ, также и проверочной закупки, могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности и установление всех ее соучастников, выявление преступных связей... Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведенного ОРМ не были достигнуты цели мероприятия...» [7].

Мы согласны с мнением А.Е. Четина, который утверждает: «Приведенные правовые позиции Верховного Суда не следует рассматривать как полный запрет на проведение повторных проверочных закупок. Из них следует вывод, что решение на повторную проверочную закупку в отношении одного и того же лица должно быть обосновано необходимостью решения новых задач ОРД, которые не были решены в процессе первоначальных действий» [8, с. 185].

Проведение нескольких проверочных закупок в целях раскрытия организации незаконной миграции обычно не оспаривается сторонами уголовного процесса, потому что в результате одной закупки невозможно приобрести весь

комплекс преступных услуг (постановку фиктивных отметок подразделений пограничного контроля в паспортах и миграционных картах мигрантов о пересечении границы Российской Федерации в определенное время; изготовление поддельного разрешения на работу; изготовление поддельной медицинской справки об отсутствии ВИЧ и некоторых других опасных инфекционных заболеваний и др.).

Проведение проверочной закупки преступных услуг у организаторов незаконной миграции не должно вызывать сомнений в ее законности и обоснованности, в том числе и потому, что результаты указанного ОРМ могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела по ст. 322.1 УК РФ, а также могут использоваться в доказывании по уголовным делам, возбужденным по фактам организации незаконной миграции.

Планируя проведение проверочной закупки преступных услуг у организаторов незаконной миграции, необходимо учитывать позицию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), выраженную в постановлении по делу «Волков и Адамский против России» [9]: «Оба заявителя, дававшие объявления об услугах по ремонту компьютеров, стали объектами проверочных закупок, в ходе которых они по просьбе оперативных сотрудников установили на их компьютеры контрафактное программное обеспечение, что послужило основанием для их привлечения к уголовной ответственности за нарушение авторских прав. В своих жалобах заявители утверждали, что стали жертвами незаконных провокаций, в ходе которых полицейские подстрекали их к совершению преступлений, а потому было нарушено их право на справедливое судебное разбирательство». Мотивируя свой отказ в удовлетворении жалобы, ЕСПЧ указал, что заявители открыто сообщали о своих услугах по ремонту компьютеров и искали клиентов для оказания таких услуг, а когда полиция получила информацию о распространении ими контрафактного программного обеспечения, у нее появилась обязанность проверить эти сведения. Заявители не утверждали, что сотрудники полиции просили их установить именно нелегальные программы и пытались принудить их к совершению незаконных действий. Они принесли нелегальные программы по собственной инициативе, что подтверждалось исследованными в судах записями разговоров и свидетельствовало о существовавшем преступном умысле на совершение преступления без активного вмешательства со стороны полиции [8, с. 179].

С учетом изложенного можно утверждать, что перед проведением проверочной закупки преступных услуг у организаторов незаконной

миграции оперативное подразделение должно располагать объективной информацией о том, что конкретные лица оказывают указанные услуги.

Мы полагаем, что особое значение имеет документирование информации, содержащейся в рекламе преступных услуг, и проведение легендированных опросов объектов ОРМ, поскольку проведение указанных мероприятий позволяет получить основания для проведения проверочной закупки с их отражением в постановлении о ее проведении.

Если результаты ОРД содержат достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, сотрудники оперативного подразделения могут представить результаты ОРД в виде рапорта об обнаружении признаков преступления, к которому будут прилагаться документы, предусмотренные п. 8–14 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [10], документы, отражающие ход и результаты проведенных ОРМ, полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы фотосъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами.

В ходе оперативного сопровождения предварительного расследования уголовного дела сотрудники оперативного подразделения на первоначальном этапе продолжают такие ОРМ, как наблюдение и прослушивание телефонных переговоров, осуществляют задержания и опросы подозреваемых в организации незаконной миграции, при этом основаниями для проведения ОРМ являются наличие возбужденного уголовного дела и поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

Кроме того, в ходе оперативного сопровождения предварительного расследования уголовного дела сотрудники оперативного подразделения исполняют письменные поручения следователя или дознавателя о производстве отдельных следственных действий (обысков в офисных и жилых помещениях, используемых преступниками, допросов свидетелей, в том числе потребителей преступных услуг, выемок у последних полученных от организаторов незаконной миграции документов), об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий.

Осуществление ОРД и оперативного сопровождения первоначального этапа предварительного расследования уголовного дела в отношении организаторов незаконной миграции имеет такие особенности:

одновременное проведение обысков в офисных и жилых помещениях, используемых преступниками, изъятие в ходе их проведения готовых документов для потребителей преступных услуг, носителей цифровой информации (ноутбуков, съемных дисков и т.д.), средств мобильной связи и иных возможных носителей следов преступной деятельности;

участие в проведении мероприятий значительного количества сотрудников оперативных подразделений, целесообразность наличия у них специальной техники по принудительному вскрытию помещений;

целесообразность привлечения для задержания преступников сотрудников специальных подразделений;

целесообразность участия при проведении обысков специалистов по обнаружению и копированию компьютерной информации;

одновременное задержание всех лиц, подозреваемых в совершении преступления;

целесообразность заключения под стражу организаторов незаконной миграции.

Представленные особенности осуществления ОРД необходимо учитывать в ходе работы по раскрытию организации незаконной миграции, поскольку проведение указанных выше ОРМ имеет важнейшее значение для формирования совокупности доказательств, достаточной для привлечения организаторов незаконной миграции к уголовной ответственности.

1. Малышев В.Е. *Взаимодействие оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при раскрытии организации незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* Владимир, 2008.

2. Богданов А.В., Турбина О.В., Хазов Е.Н. *Оперативно-розыскная деятельность по противодействию организованной преступности в сфере миграции на территории России // Вестн. Моск. ун-та МВД России.* 2015. № 2.

3. Богданов А.В., Хазов Е.Н. *Оперативно-розыскная деятельность по противодействию незаконной миграции как виду организованной преступности // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., М., 2015.*

4. Богданов А.В., Хазов Е.Н. *Роль, место и значение оперативно-розыскной деятельности по противодействию организованной преступности в сфере незаконной миграции на территории России // Вестн. Моск. ун-та МВД России.* 2014. № 5.

5. Богданов А.В., Ильинский И.И., Иванцов С.В., Хазов Е.Н. *Роль оперативных подразделений криминальной полиции по предупреждению и раскрытию преступлений в сфере незаконной миграции на территории современной России // Междунар. журнал конституц. и гос. права.* 2016. № 2.

6. *Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. / под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Голяндина.* Краснодар, 2016.

7. *Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с неза-*

1. Malyshev V.E. *Interaction of the operational divisions of the bodies that carry out operational-search activity when disclosing the organization of illegal migration: auth. abstr. ... Candidate of Law.* Vladimir, 2008.

2. Bogdanov A.V., Turbina O.V., Khazov E.N. *Operative-investigative activity to counteract organized crime in the sphere of migration in the territory of Russia // Bull. of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.* 2015. № 2.

3. Bogdanov A.V., Khazov E.N. *Operational-investigative activities to counter illegal migration as a kind of organized crime // Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies: abstr. of Intern. sci.-pract. conf., Moscow, 2015.*

4. Bogdanov A.V., Khazov E.N. *The role, place and significance of the operational-search activity to counteract organized crime in the sphere of illegal migration in the territory of Russia // Bull. of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.* 2014. № 5.

5. Bogdanov AV, Ilinsky I.I., Ivantsov S.V., Khazov E.N. *The role of criminal police operational units for preventing and solving crimes in the sphere of illegal migration in the territory of modern Russia // International journal of constitutions and state rights.* 2016. № 2.

6. *Fundamentals of the operational and investigative activities of the internal affairs bodies: textbook / ed. by Z.L. Shkhagapsoev and N.P. Golyandin.* Krasnodar, 2016.

7. *Review of judicial practice in criminal cases on crimes related to illegal traffic in narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances:*

конным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 года. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. СПб., 2016.

9. Постановление Европейского суда по правам человека от 26 марта 2015 г. Дело «Волков и Адамский против России». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сент. 2013 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

appr. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 27, 2012. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. Chechetin A.E. Ensuring the rights of the individual when conducting operational search activities. St. Petersburg, 2016.

9. Decree of the European Court of Human Rights d.d. March 26, 2015. Case «Volkov and Adamsky against Russia». Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. On approval of the Instruction on the procedure for presenting the results of operational search activity to the inquiry body, investigator or to the court: order № 776 of the Ministry of the Interior of Russia, № 703 of the Russian Ministry of Defense, № 509 of the Russian Federal Service Security, Federal Service Security of Russia № 507, Federal Customs Service of Russia № 1820, Foreign Intelligence Service of Russia № 42, Federal Penitentiary Service of Russia № 535, Federal Drug Control Service of Russia № 398, Investigative committee of Russia № 68 d.d. Sept. 27, 2013. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафронов Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД Краснодарского университета МВД России; e-mail: Cafik_787@mail.ru;

Сливний Алексей Артурович, начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области; e-mail: lexa19851@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.A. Safronov, Candidate of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Operational-investigative Activity in Internal Affairs of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Cafik_787@mail.ru

A.A. Slivni, Head of the department of Economic Safety and Counteraction of Corruption AMIA of Russia in the Vsevolzhsk District of the Leningrad region; e-mail: lexa19851@yandex.ru

Реализация государством информационной функции в условиях открытого глобального общества XXI века

В статье рассматривается проблема и значение информационной функции государства. Отмечается, что реализация данной функции детерминирует множество социальных противоречий, приводит к различным эффектам, нередко – слабо прогнозируемым.

Ключевые слова: государство, функции государства, информационная функция, постиндустриальное общество, информатизация, компьютеризация, информационная безопасность.

The implementation of the government information function in conditions of open global society of the XXI century

In article the problem and value of information function of the state is considered. It is noted that implementation of this function determines a set of social contradictions, results in different effects, it is frequent – poorly predicted.

Key words: state, state functions, information function, post-industrial society, informatization, computerization, information security.

В XXI в. государство функционирует в сложной и во многом противоречивой реальности. Происходящие социальные изменения сказываются и на институциональных структурах государства. Институт государства, как и любой другой политический институт, непрерывно эволюционирует и видоизменяется в ходе исторического процесса развития цивилизации. Происходящие в настоящее время трансформации института государства обусловлены постиндустриальным транзитом – переходом на постиндустриальный путь развития, который предопределили политические, социальные, экономические и технологические феномены XX в. [1, с. 3].

С одной стороны, информационная технологизированная миросистема позиционируется как беспрецедентная, ранее не известная в мировой истории, глобальная площадка для бизнеса и культурного обмена. Благодаря Интернету мир оказывается связан информационно-коммуникационными потоками нового поколения, во многом нивелирующими пространственно-временные границы, способствующими генезису виртуальной реальности. С другой стороны, современное общество не представляет собой какую-то идеальную или более совершенную социальную систему, которая бы учла ошибки предыдущего этапа исторического развития, прежде всего, XX в. с его античеловеческими политическими режимами, кровопролитными мировыми войнами, гонкой уничтожающего все живое на планете

термоядерного оружия, «холодной войной», противостоянием военно-политических блоков, агрессивной пропагандой и информационно-психологическими войнами. Инерция многих геополитических процессов XX в. в настоящее время сохраняется, что подтверждается, например, продвижением НАТО на Восток или наращиванием ядерного потенциала КНДР. Следует отметить, что в начале XXI в. формируется парадоксальная геополитическая картина, где на внешнем уровне существует вполне конструктивная, гуманистически ориентированная система, предназначенная для бизнеса и культуры, а имплицитно выражена агрессия, военно-политическая напряженность, экономические войны между странами. Именно поэтому о снижении роли государства в современном мире речь идти не может. Эту мысль отстаивал К. Поппер, который, характеризуя постиндустриальный этап в развитии социума, отмечал, что в современном обществе влияние государства отнюдь не снижается, для этого нет никакой серьезной, научно обоснованной базы. Кроме того, ни одно из современных обществ не может оставаться закрытым в классическом смысле этого слова. Новые времена приводят к переопределению общественного договора между гражданами и государством, теперь люди имеют полное право критиковать государственную власть, не соглашаться с ней, в ряде случаев – не подчиняться ее воле. При этом политическая элита, которой реально принадлежит власть в стране, весьма

ограничена в своем влиянии на граждан [2]. Государство, таким образом, лишь переориентирует свой функциональный механизм под модернизировавшуюся социальную реальность.

Исследователи обращают внимание на то, что функции государства – это «комплексная динамическая система направлений деятельности и содержания деятельности государства, определяемая совокупностью институционально нормированных интересов государства, общества и индивида на определенном этапе исторического развития» [3, с. 10–14]. С точки зрения ученых, функции государства представляют собой «основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным значением» [4, с. 6–9]. Государство реализует свой функциональный репертуар как во внутренней, так и во внешней политике. Необходимо отметить, что сфера информации, информационных технологий затрагивает внешнюю и внутреннюю политику, так как, с одной стороны, информационные технологии охватывают весь глобальный мир, с другой стороны, их влияние осуществляется на жителей конкретного государства, их сознание, поведение.

Сложная современная геополитическая ситуация не оставляет возможностей невмешательства со стороны государства в информационную среду, ставшую ключевой в постиндустриальном обществе XXI в. Наличие явных признаков напряженности между странами, факты утраты ООН, особенно Советом Безопасности, функций общемирового регулятора способствует возникновению ситуации, когда активные боевые действия заменяются информационными войнами, а действие традиционного боевого оружия – виртуальным, информационным.

Опасность информационных войн заключается в их предельном скрытом, изолированном, вероломном характере. Государство, подвергшееся информационным атакам, не находится в состоянии войны с агрессором; более того, могут вполне успешно имитироваться партнерские и даже дружеские отношения, преследующие очевидную цель заставить информационного противника забыть об осторожности.

Именно поэтому государство в XXI в. не может быть полностью открытым в информационно-коммуникационном смысле, так как существующие угрозы и вызовы могут привести к критическим, невозможным разрушениям информационной инфраструктуры государства и опасному, деструктивному воздействию на сознание граждан подвергшегося атаке государства.

Стоит отметить, что одной из основных функций государства в XXI в. должна быть

именно защита информации, информационной инфраструктуры, а также сознания аудитории от массово-коммуникативного воздействия. Исследователями в данном контексте обычно используется термин «информационная безопасность». По мнению А.А. Жуйкова, информационная безопасность – «сложное системное, многоуровневое явление современного социума, комплексная социально-управленческая категория, состояние которого детерминировано в результате воздействия внешних и внутренних факторов существования социально-информационной среды. Информационная безопасность представляет собой стабильное, равновесное существование информационно-коммуникационной подсистемы общества, выражающееся в отсутствии дезорганизационно-дисфункциональных индикаторов (маркеров) в ее функционировании» [5, с. 24].

В современных условиях существования государства обеспечение информационной безопасности рассматривается именно как регулирование и контроль над глобальной компьютерной сетью Интернет. Как отмечает Д.Л. Стровский, «Интернет, как система распространения самой различной информации, сегодня функционирует без должного правового обоснования. В настоящее время затруднительно назвать страну, где бы глобальная сеть стала предметом самостоятельного и детального правового регулирования. Более того, нигде в мире не существует оргструктуры, являющейся единоличным собственником национальной или территориальной сети» [6, с. 89–97]. Вместе с тем С.В. Тиханова указывает, что «распространение Интернета нередко рассматривают как угрозу национальному суверенитету. Выступая агентом глобализации, Интернет способствует эрозии суверенитета государств, поддерживая паутину транснациональных интеракций. Однако космополитическая реальность информационного общества оказалась утопией, государства сохранили свое национальное своеобразие в разработке конкретных технологических решений электронных инноваций в сфере отношений государства и общества, создании систем разнообразных сервисов, обеспечивающих оперативную и прозрачную поставку услуг государством населению» [7, с. 80–85].

Несмотря на противоречивые оценки исследователей роли Интернета в информационной безопасности современного государства, следует согласиться с тем, что массовая информация, вне зависимости от носителя, формы, канала своего распространения оказывает существенное воздействие на основные сферы деятельности государства. Данный эффект возникает вследствие возрастающего значе-

ния информационного фактора в экономической и социальной сферах.

По мнению Ж.А. Павленко, «информация пронизывает все стадии деятельности государственных органов, которые в демократическом обществе нацелены на удовлетворение интересов общества в целом, в современных условиях можно говорить об информационной функции государства и, следовательно, о значении информационной деятельности ее органов. На информации основана деятельность законодательной власти» [8, с. 219–230].

В связи с этим исследователь указывает на актуализацию информационной функции государства, которая «реализуется в следующих направлениях: 1) создание информации – государство непосредственно создает нормативные акты, информация для которых берется, разумеется, извне; 2) сопровождение информации, которая имеет государственное значение; 3) открытость органов государственной власти для граждан; 4) сбор, обработка, охрана и защита информации, необходимой для реализации функций государства; 5) создание специализированных структур в сфере информации и регулирование их деятельности – средств массовой информации (телевидение, радио, печатная продукция), архивов, библиотек, учреждений культуры, образования (массовая информация и распространение знаний); 6) информационный обмен между органами государственной власти (внутри госаппарата); 7) использование информации во внутренних интересах государства (для выполнения всех других государственных функций); 8) сохранение информации на разных стадиях информационного процесса; 9) переработка информации и создание новой (например, решения исполнительной власти, судебных органов)» [8, с. 219–230].

Необходимо подчеркнуть, что институт государства в настоящее время находится в противоречивом положении. С одной стороны, информационная сфера выступает драйвером развития экономики, социальных отношений, вследствие чего нежелательно ее серьезно ограничивать, так как бизнес, инвесторы могут прекратить сотрудничество с таким государством; кроме того, серьезно пострадает имидж государственной власти, которая будет выглядеть как антидемократическое, архаическое. С другой стороны, информационная сфера несет в себе ряд явных и скрытых угроз, игнорирование которых может привести к рискам в сфере информационной безопасности, особенно если учитывать наличие множества агрессивных коммуникативных акторов в мировом пространстве, в том числе и связанных с недружественными институциональными структурами иностранных государств.

В этих условиях каждое национальное государство выбирает собственную стратегию реализации информационной функции в зависимости от стратегических целей своего существования, а также актуальных угроз и вызовов как внешней, так и внутренней среды. Так, в России в 2016 г. была принята новая версия «Доктрины информационной безопасности» [9], которая усилила и конкретизировала понимание этой проблемы государством в современных условиях. Однако данный стратегический документ предполагает последующее уточнение и конкретизацию в ряде нормативных правовых актов, которое необходимо сделать в ближайшее время. В противном случае мы будем наблюдать лишь краткосрочные позитивные эффекты. Кроме того, стоит принимать во внимание и то, что ситуация в информационном пространстве развивается достаточно стремительно; одновременно с этим растет число инновационных девиаций, а также противоправных деяний, которые попадают в сферу правового вакуума.

Подводя итоги, целесообразно заметить, что реализация государством информационной функции в условиях открытого глобального общества XXI в. сопряжена с рядом проблемных аспектов. Прежде всего, сейчас достаточно сложно определить общую стратегию реализации информационной функции, так как в современном мире существуют страны, практикующие тотальные запреты в отношении Интернета и других современных массово-коммуникативных систем, в то же время как другие страны характеризуются прямо противоположной стратегией. Также следует отметить, что до настоящего времени не произошло осознания того, является ли Интернет основной угрозой информационной безопасности, либо существуют иные актуальные угрозы, непосредственно не связанные с Интернетом. И, наконец, остается открытым вопрос о том, насколько государство в реализации своей информационной функции будет ориентироваться на мнения граждан, на условия существования открытого общества, глобальной мирросистемы. В современных весьма непростых условиях государство, как представляется, должно избегать крайностей, так как и излишняя информационная открытость, и репрессивная, жесткая политика при реализации государством информационной функции могут иметь негативные последствия в краткосрочной и в средне- и долгосрочной перспективе, особенно если учитывать высокие темпы социальной динамики постиндустриального общества, коренные трансформации экономической, социальной, духовной и, как следствие, политической сфер.

1. Нисневич Ю.А. *Государство XXI в.: тенденции и проблемы развития*. М., 2012.
 2. Поппер К. *Открытое общество и его враги*. М., 1992.
 3. Добрынин Е.Ю. *К вопросу о понимании функции государства* // *Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право*. 2007. Вып. 9. № 4.
 4. Куковский А.А. *Некоторые вопросы определения понятия «функции государства»* // *Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право*. 2009. № 19.
 5. Жуйков А.А. *Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. соц. наук*. Краснодар, 2016.
 6. Стровский Д.Л. *Правовое регулирование Интернета: к рассмотрению проблемы* // *Изв. Урал. федер. ун-та*. 2014. №3.
 7. Тиханова С.В. *Публичная сфера информационного общества: развитие электронного государства* // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология*. 2017. № 1.
 8. Павленко Ж.А. *Понятие информационной функции государства* // *Проблемы законности*. 2011. № 117.
 9. *Доктрина информационной безопасности*. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 26.02.2017).
1. Nisnevich Yu.A. *State XXI century: trends and problems of development*. Moscow, 2012.
 2. Popper K. *Open society and its enemies*. Moscow, 1992.
 3. Dobrynin E.Yu. *On the question of understanding the functions of the state* // *Bull. of South Ural State. University. Ser.: Law*. 2007. Vol. 9. № 4.
 4. Kykovsky A.A. *Some questions of the definition of «public functions»* // *Bull. of South Ural State University. Ser.: Law*. 2009. № 19.
 5. Zhuikov A.A. *Information security in the conditions of the genesis of the virtual space of a transformed Russian society: diss. ... Candidate of Sociology*. Krasnodar, 2016.
 6. Strovsky D.L. *Legal regulation of the Internet: to address the problem* // *Bull. of Urals Federal University*. 2014. № 3.
 7. Tihanova S.V. *The public sphere of the information society: development of e-government* // *Bull. of Saratov University. New episode. Ser.: Sociology. Political science*. 2017. № 1.
 8. Pavlenko Zh.A. *The concept of the information function of the state* // *Issues of legality*. 2011. № 117.
 9. *Information security doctrine*. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (date of access: 26.02.2017).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Плотников Владимир Валериевич
Кубякин Евгений Олегович
Стригуненко Иван Константинович
Белашова Яна Юрьевна

Онлайн-игры в социокоммуникативной среде сети Интернет

В статье рассматриваются основные аспекты современной тенденции развития игровых коммуникативных площадок. Проводится анализ причин увлечения онлайн-играми и последствий данной тенденции для общества.

Ключевые слова: компьютерные игры, общество, коммуникация, геймеры, коммуникативное пространство.

Online games in socially communicative environment of the Internet

In article the main aspects of a current trend of development of game communicative platforms are considered. The analysis of the reasons of hobby for online games and consequences of this tendency for society is carried out.

Key words: computer games, society, communication, gamers, communicative space.

Технические достижения чрезвычайно изменили характер коммуникации в социальной среде. Если в течение длительного времени основными формами общения являлись непосредственная вербальная коммуникация и общение при помощи писем, то с развитием технологий возникли новые формы коммуникативного взаимодействия: начиная от телефонной связи, история которой насчитывает больше столетия, и вплоть до текстовой коммуникации, реализуемой на уровне современных интернет-ресурсов и многочисленных мессенджеров. Возникновение новых типов коммуникативного пространства определило изменение характера общения.

Примером может стать сопоставление таких форм коммуникативного взаимодействия, как общение посредством писем и общение с помощью текстовых сообщений. Большое расстояние, которое в течение длительного временного промежутка покрывают почтовые службы, длительное время определяло монологичность бумажных писем, в которые старались вместить как можно больше смысла, доступного для передачи на момент написания. Развитие технологий по передаче информации определило сокращение сроков передачи сообщений, что, как следствие, послужило причиной изменения их объемов.

Эта тенденция особенно отчетливо прослеживается в наши дни, когда информация распространяется практически мгновенно, это определяет возникновение (и широкую популярность) служб, ориентированных на публикацию коротких сообщений (разнообразные чаты, Twitter). Следует отметить, что изменение формы коммуникативного взаимодействия

повлияло не только на характер и способ передачи информации, но и на такой важный социальный аспект, как позиционирование себя в рамках существующего коммуникативного пространства [1, с. 286–292]. В то время как письма и телефонные звонки характеризуются адресным характером, возникшая в настоящее время тенденция размещения публичных сообщений определила появление нового, достаточно устойчивого (с учетом того, что информация, размещаемая на интернет-ресурсах, сохраняется и длительное время доступна для просмотра) способа социального позиционирования. При этом связанное с развитием цифровых технологий расширение поля коммуникации обусловило снижение уровня ответственности, связанной с осуществлением коммуникативного процесса.

Многие сравнивают общение в сети Интернет с разговором случайных попутчиков: отсутствие устойчивого взаимодействия определяет меру свободы в раскрытии фактов, взглядов, ценностных установок, демонстрация которых в рамках среды личной социальной включенности может расцениваться как нежелательная. Анонимность становится одним из основных факторов социального раскрепощения [1, с. 286–292]. В связи с этим можно сказать, что удовлетворение целого ряда значимых социальных потребностей в рамках интернет-коммуникации реализуется значительно легче, нежели в той среде, в которую члены общества включены непосредственно [2, с. 58–62].

На фоне этих процессов нарастает значение еще одной тенденции, связанной с организацией досуга в текущей ситуации обширной компьютеризации населения. В настоящее время

компьютерные игры становятся одной из широко распространенных форм проведения досуга, это обусловлено наличием в них баланса между активной деятельностью и восприятием контента, что в результате способствует вовлечению в игровой процесс и поддержанию интереса к нему. Игра выступает не просто в качестве способа потратить время – она представляет собой, наряду со спортом, активный способ приложения личных сил и возможностей, и здесь можно судить о реализации одной из глубоких потребностей человека, связанной со стремлением к преодолению затруднений и повышению личной значимости посредством соотнесения с выполненной задачей. В отличие от реальной жизни, в которой тяжесть тех или иных обстоятельств представляет собой исторически сложившийся фактор, на уровне игры сложность задач, которые ставятся, во многом определяется исходя из возможностей игрока (с целью сохранения интереса к продукту). По этой причине игровая деятельность представляет собой мощный метод самоутверждения.

Востребованность игр определяет одну из проблем современности, связанную с возникновением и развитием игровой зависимости у отдельных людей, что в отдельных случаях актуализирует проблему «ухода от реальности». Сущность данного процесса состоит в том, что многим людям комфортнее реализовывать собственный потенциал в игровой сфере, которая изначально создана с целью сохранения интереса и активного вовлечения в деятельность. И если наиболее успешные игроки рассматривают данную сферу как разновидность спорта (киберспорт), то для большинства компьютерные игры представляют доминантной формой реализации досуга, не сопряженной с систематическим развитием личных качеств. Наибольшую опасность в данном случае представляет смещение сферы приоритетов и критериев самооценки с прагматически оцениваемых социальных показателей в сторону достижений на игровом поприще.

Одним из следствий достаточно широкого распространения данной тенденции становится то, что возникают целые сообщества, в рамках которых востребованным является понимание компьютерных игр, знание их особенностей, а также высокие показатели прохождения того или иного игрового продукта. В определенном смысле игровые достижения в отдельных прослойках молодежной среды представляют собой не менее важный аспект престижа, чем внешний вид или владение высокотехнологичными гаджетами. Это представляет собой одновременно и тему для общения, и способ измерения социальной значимости. Игровые сообщества формируют специфическую культуру общения, основанную как на эле-

ментах игр, так и на общем характере ценностей, свойственных данной среде [3; 4, с. 18–20].

Следует отметить, что подобное значение имеют не только компьютерные игры, но также и другие популярные формы досуговой деятельности, такие как настольные игры и комиксы, приверженность к которым формирует целые сообщества. Однако если на уровне настольных игр речь идет об одиночных матчах между малыми группами людей, а чтение комиксов не предполагает активного участия читателя в контенте, то прохождение компьютерных игр является одновременно и воспринимаемым продуктом, и полем деятельности, и формой самооценки через преодоление трудности и представляет собой одно из наиболее востребованных и обсуждаемых занятий.

На стыке интернет-коммуникации и одиночных компьютерных игр сформировался специфический феномен, связанный с возникновением и развитием многопользовательских игр, существование которых определило новый виток в изменении коммуникативного пространства общества, а также в характере социального развития отдельных его представителей. Рассматривая исторический аспект данного процесса, следует отметить, что исходной точкой развития игрового поля коммуникации стали многопользовательские режимы одиночных игр, в которых была реализована возможность активного игрового и коммуникативного взаимодействия участников игры. Следующим шагом стало формирование многопользовательских онлайн-игр, на уровне которых возникло специфическое коммуникативное пространство, основанное на чатовом общении. Эти игры сочетают в себе основные характеристики интернет-коммуникации и игровой деятельности: анонимность, низкий уровень ответственности за слова и поступки, возможность конкуренции и оценки достижений каждого участника игрового процесса, упрощенные механизмы развития. Фактически речь идет о виртуальной реальности, имеющей собственные законы развития и взаимодействия с включенными в нее игроками.

Рассмотрение компьютерных игр как поля коммуникации имеет несколько теоретических измерений. С одной стороны, представляет интерес специфика реализации общения в игровой среде, в которой набор социальных ограничений определяется исходными правилами, прописанными на уровне программного кода и пользовательского соглашения. С другой стороны, немаловажное значение приобретает вопрос причин активного увлечения онлайн-играми. И, наконец, чрезвычайно высокий интерес представляет вопрос о том, какие последствия имеет активная тенденция вовлечения членов общества в игровой процесс. Рассмотрим дан-

ные вопросы по порядку, начиная с факторов вовлечения в виртуальные сферы проведения досуга.

На общем уровне можно выделить несколько основных причин, побуждающих людей играть в многопользовательские онлайн-игры: недостаток коммуникации в устоявшейся среде взаимодействия;

интерес к контенту онлайн-игр (красочные пейзажи, сражения, сюжетные линии и т.д.);

необходимость стабильного, гарантированного отдыха, приносящего определенную психологическую разрядку (что, в частности, является одной из причин высокой востребованности сериалов как альтернативной формы досуга);

стремление к уходу от реальных проблем через погружение в вымышленный мир;

облегченный характер виртуального развития и получение удовлетворения, связанного с частичным отождествлением игрока и его игрового аватара;

падение социальных ограничений, связанное с анонимностью игровой активности, и, как следствие момент дозволенности форм социальной активности, которые человек по каким-либо причинам не может себе позволить в реальной жизни (вызывающее поведение, насилие, высокий уровень конфликтности и т.д.) [5; 6].

Следует отметить ряд важных моментов, касающихся специфики развития процессов взаимодействия в игровой среде. В настоящее время онлайн-игры представляют собой одну из наиболее удобных площадок для коммуникации и, в частности, для расширения круга знакомств, поскольку они содержат не только средства поиска, связи и общения, но и многочисленные доступные формы совместной деятельности, что существенным образом облегчает установление межличностного контакта. Если в обычной жизни каждый человек характеризуется наличием специфического набора ценностных установок, интересов, занятий (т.е. факторов, существенно затрудняющих процесс установления контакта), то в рамках игровой реальности имеет место общение между носителями общей сферы интересов.

Фактически пользователи онлайн-игр представляют собой своеобразный клуб, участники которого имеют общий набор ценностных установок, актуальных проблем и задач. Это существенным образом упрощает общение, что дает возможность людям, испытывающим проблемы с коммуникацией, нивелировать их значение и вступить в активный процесс общения. На деле упрощенный характер социального взаимодействия является тем основанием, которое определяет одновременно и привлекательность, и обманчивость онлайн-игр. Форми-

руемые сообщества и организации создаются по типу реальных организаций, однако система отношений в них существенно упрощена. В рамках игрового пространства человек может сделать карьеру, и это повысит его самооценку, однако между набором требований, предъявляемых в реальной жизни, и требованиями, которым нужно отвечать в игре, пролегал пропась. Люди приобретают возможность быть успешными посредством малой затраты интеллектуальных и волевых ресурсов, в чем заключается привлекательность игры. Опасность в данном случае состоит в том, что реализуемый процесс может дойти до уровня замещения игровой реальностью обычной жизни человека, переносом основных интересов, ценностных установок, устремлений в область игрового процесса.

Говоря о последствиях развития коммуникативного пространства онлайн-игр, можно сделать вывод о том, что данное явление характеризуется крайней степенью неоднозначности. Многие эксперты обеспокоены реализацией личностной деформации, связанной с феноменом социализации в игре. Так, например, в число наиболее дискуссионных вопросов входит проблема насилия, представляющего собой один из основных компонентов игровой активности. С одной стороны, можно судить о том, что онлайн-игры дают возможность выплеска социальной напряженности, ее перенаправления в виртуальную среду. С другой стороны, существующие случаи всплесков насилия, связанные с переносом игровой этики на реальный мир, свидетельствуют об опасности, которую несет в себе данная сфера. Другим немаловажным вопросом является замещение мотивации к развитию личности стремлением к развитию игрового персонажа. Достижение успеха в игре предполагает колоссальные временные затраты, и здесь речь идет о перенаправлении социальной энергии в русло, не характеризующееся высоким уровнем конструктивности [6]. Вместе с тем уже сейчас достаточно распространенным становится прецедент возникновения браков как результата установления личного контакта между пользователями игровых ресурсов, и это вызывает необходимость оценки социальных функций, реализуемых в данной сфере.

Нельзя однозначно судить о том, конструктивно или деструктивно для общества наличие коммуникативного пространства онлайн-игр. Важно понимать, что характер данного поля коммуникации задает, в первую очередь, форму взаимодействия, в то время как его содержание определяется исходными характеристиками участников коммуникативного процесса. И в этом смысле абстрактное рассмотрение, например, случаев насилия на почве онлайн-игр

не включает другие предпосылки, а это ведет к одностороннему анализу ситуации. Невозможно отрицать тот факт, что в современном мире данная сфера приобретает все большее влияние на общее протекание общесоциальных

процессов, что определяет востребованность исследовательской работы, направленной на анализ, оценку и разработку практических рекомендаций относительно коммуникативного пространства компьютерных игр.

1. Чернобровкина И.Г. Особенности самопрезентации в интернет-коммуникации // Царскосельские чтения. 2012. № 26.

2. Туркин Д.В. Социальная коммуникация в Сети Интернет // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2008. № 33.

3. Степанцева О.А. «Социальный портрет» геймера // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 24.

4. Денисова А.И. Компьютерные игры как феномен современной культуры // Аналитика культурологии. 2010. № 18.

5. Антоненко А.А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2014.

6. Рыбалтович Д.Г. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции: дис. ... канд. психолог. наук. СПб., 2012.

1. Chernobrovkina I.G. Features of the self-presentation in Internet communication // Tsarskoyeselo readings. 2012. № 26.

2. Turkin D.V. Social communication on the Internet // Bull. of the Chelyabinsk State University. 2008. № 33.

3. Stepantseva O.A. «Social portrait» of the gamer // Bull. of Rostov State Pedagogical University of A.I. Herzen. 2007. № 24.

4. Denisova A.I. Computer games as phenomenon of modern culture // Analytics of cultural science. 2010. № 18.

5. Antonenko A.A. Internet dependence of teenagers on computer games and online communication: clinic-psychological features and prevention: diss. ... Candidate of Psychology. Moscow, 2014.

6. Rybaltovich D.G. Psychological features of users of online games with various degree of a game addiction: diss. ... Candidate of Psychology. St. Petersburg, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотников Владимир Валериевич, доктор социологических наук, доцент, преподаватель кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: sociometriya@mail.ru;

Кубякин Евгений Олегович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России; e-mail: tspopz@yandex.ru;

Стригуненко Иван Константинович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: inkognito13@inbox.ru;

Белашова Яна Юрьевна, специалист по учебно-методической работе кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: gepard-995@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

V.V. Plotnikov, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sociometriya@mail.ru;

E.O. Kubyakin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tspopz@yandex.ru;

I.K. Strigunenko, Candidate of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inkognito13@inbox.ru;

Ya.Yu. Belashova, Specialist in Educational and Methodical Work of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: gepard-995@bk.ru

Потенциал социологии в регулировании политических процессов современного трансформирующегося общества

В статье рассмотрены актуальные для социологии вопросы методологии обеспечения процессов формирования власти для трансформирующегося общества. Выявлены концептуальные несоответствия в современных трактовках понятий «социология власти» и «структура власти». Представлены авторские выводы по направлению поиска ответа на оформленные в исследовании проблемные для современной социологии задачи.

Ключевые слова: социология, социальная структура, институт власти, социальная трансформация, социальный факт, власть, общество.

The potential of sociology in the regulation of political processes of modern transformed society

The article deals with the issues of methodology of relevant for sociology while ensuring the formation of power for the transformed society. Conceptual inconsistencies in modern interpretations of the concepts «sociology of power» and «power structure» have been revealed. The author's conclusions on the direction of finding the answer to the problems problematic for modern sociology, formulated in the study, are presented.

Key words: sociology, social structure, power institution, social transformation, social fact, power, society.

Традиции научного определения, обоснования и актуального анализа социальных институтов заложены в трудах Дж. Вико, О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Т. Веблена. Уже на ранних этапах тематических исследований институциональная кодификация социальных отношений рассматривалась указанными классиками обществознания как источник системы санкций для поддержания стабильности норм и правил в пределах конкретного государства и общества.

В соответствии с формулировкой нашей темы комплекс институтов и структур власти образует многосторонний, исторически сложный общественный феномен, прямо обращенный к поиску ответа на вопросы о правах, ответственности и свободах человека и гражданина.

Мы полагаем, что в контексте обоснования вопросов социологического обеспечения при формировании институтов власти актуален тезис М.К. Горшкова: «Современная социальная динамика и усложнение общественной жизни предъявляют повышенные требования к социологическому знанию комплексного, многоаспектного характера и, прежде всего, в аспектах, касающихся всестороннего анализа и объяснения состояния и тенденций развития как отдельных сфер жизни общества, так и социальных изменений в целом» [1, с. 26].

Известные из истории науки и распространенные в современном обществознании определения социального института связаны с пониманием этого комплексного феномена и его интерпретациями. В трактовках П. Бергера и Т. Лукмана институционализация определяет динамику социального конструирования реальности. Для И.В. Четвериковой и С.Г. Кирдиной это основной инструмент социологического познания. В установках С.Б. Кожевникова рассматривается методология институционального знания; для М.Ю. Барбашина институты обращены к модулю социальной идентичности.

В настоящее время институты государственной власти трактуются как специфические социальные образования, преднамеренно делегируемые к осуществлению власти и управлению обществом. По наиболее распространенным и согласованным признакам в составе таких институтов рассматриваются институт президентской власти, парламент, правительство. К нему относятся система судопроизводства (общие и специальные суды), конституционно определяемые органы регионального, местного управления и самоуправления. Общим и определяющим признаком для институтов государственной власти становится системность, различение полномочий на фоне конституционно обусловленной самостоятельности по сферам деятельности. Соответствен-

но, в целом, власть является определяющим элементом (признаком) государства. Коммуникация власти и общества реализуется посредством установления и признания юридических законов, правовых норм, принимаемых уполномоченными государственными органами.

В свою очередь структуры власти понимаются как определенные функционально обусловленные компоненты, без которых власть не может полноценно реализоваться. По наиболее общим установкам к предметному составу властных структур относятся субъекты, форматы, источники, ресурсы, условия и научно обоснованные прогнозы. В частности, социологическое прогнозирование актуально при выявлении статистики, обращенной к реализации власти и властных полномочий, для оценки общей и частной динамики возможности получения, реализации, передачи властных полномочий.

Современные исследователи чаще всего обращаются к категориальному и сущностному сопоставлению таких предельно общих понятий, как социальный институт, социальная реальность, социальное взаимодействие идентичность и т.д. Однако научное социологическое обеспечение процессов формирования институтов власти обращено к более конкретному материалу. Такой материал формируется предметным набором социальных фактов, из которых развиваются структуры общества. В нашей статье это структуры власти.

Таким образом, обращаясь к комплексному сопоставлению институтов и структур государственной власти, следует подчеркнуть содержательную сторону доминирующего лейтмотива социальных трансформаций посредством выбора оптимальных стратегий и практик, детерминирующих причинно-следственные связи в масштабах исследования данного вопроса.

Однако современные отечественные исследователи испытывают очевидные затруднения как при определении понятий «социальный институт» и «социальная структура», так и при обосновании логики и масштабов их дифференциации. Границы содержательного, понятийного разделения институтов и структур предельно ситуативные, так как определяются субъективными установками авторов, представителей различных научных коллективов и школ. Так, известно мнение о том, что «...социальные институты – это особый вид реальных, практически осуществляемых социальных взаимодействий. При таком подходе институты представляют собой комплексы, обеспечивающие потребности общества. Система институтов является «каркасом», в котором

коренятся социальные формы, очерчивающие области реально существующих альтернатив для поведения авторов. Процесс восхождения “от абстрактного к конкретному” при нашем анализе повседневно осязаемых явлений социальной жизни как конечных объектов познания выявляет “узловые” точки: 1) социальная реальность; 2) социальное взаимодействие; 3) социальные институты» [2, с. 63]. Следует признать, что представленная в выделенном тезисе аргументация обозначена достаточно авторитетно, однако такой, как и подобные этому, подходы предполагают ограничения, создающие проблемы и неясности в социологическом исследовании процессов формирования институтов власти. Прежде всего это обусловлено уже указанными несоответствиями в формальной дефиниции институтов и структур власти, их функций, масштабов, понятийного и фактического содержания. В научных теориях и управленческих подходах достаточно широко признается необходимость осуществления позитивно направленных трансформационных реформаций для отечественного социума. Разрабатываются и принимаются масштабные целевые государственные программы развития всех сфер социальной коммуникации. Однако соответствующие программы и концепции развития объективно утрачивают рациональность уже на этапе определения и распределения исполнительских усилий, так как ответственность институтов и структур власти остается завуалированной в конкретном предмете исполнительских усилий. Структуры и институты власти в масштабах своей функциональной самореализации объективно оказываются в условиях неопределенности своего правового, управленческого, исполнительского статуса. В практике государственного и регионального управления институты и структуры власти ситуативно утрачивают свою функциональную конкретику, ответственность исполнителей «размывается» по формам и методам, одинаково диагностируемым как для институтов, так и для структур власти и управления. Перенос ответственности, непонимание конкретной ситуации и многократное переложение одинаковых обязанностей в схемах реализации функций институтов и структур власти существенно затрудняет научное прогнозирование и ограничивает возможности реформирования государственного управления.

На этом фоне перспективное значение приобретает детальная социологическая экспертиза при обосновании статусных и ролевых полномочий институтов и структур власти реформируемого общества. Прежде всего она

позволит аргументировать и детализировать многолетние усилия отечественного законодателя, обращенные к актуальной, но на практике труднореализуемой идее о разработке целостной правовой базы для организации и деятельности органов юстиции и судебной системы.

Также конкретизация мероприятий социологического обеспечения в вопросах формирования институтов и структур власти будет способствовать как защите и упрочению основ конституционного строя, так и разработке направлений и форм для осуществления реформы местного самоуправления. Поэтому возрастает роль информационного обеспечения в преодолении негативных предпосылок для юридических, организационных, методических несовпадений, способных кризисно влиять на реальные или перспективные условия и возможности эффективного функционирования системы власти. Непреходящую актуальность сохраняет учет мнения субъектов РФ об условиях процедурных гарантий при совокупной реализации права законодательной инициативы для принятия решений федеральным органом, что предполагает разумную, эффективную практику управленческой коммуникации по всем уровням и вертикалям организации принятия решений взаимодействующими субъектами. «Вся социальная деятельность состоит из социальных практик во времени и пространстве, организованных авторами “опытным” и “знающим” образом. Такое человеческое знание или осведомленность, с которыми люди проводят соответствующие социальные практики, всегда являются условием действий, но в то же время и их результатом (продуктом)», – пишет И. Шубрт [3, с. 19].

По нашему мнению, в социологии социальной структуры, социальных институтов и процессов органы государственной власти и управления следует рассматривать в комплексе не только институтов, но и структур законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, реализуемых в разных государствах посредством различного формата, целевого оформления и названия. Самостоятельную конституционно выверенную роль в институтах и структурах власти занимают органы охраны общественного порядка и государственной безопасности, вооруженные силы государства. Однако в современных условиях институты и структуры власти объективно стремятся «размывать» свою классическую функциональную предопределенность. Статусная иерархия в применении актов управления и мер принуждения существенно корректируется реалиями новых параметров внешней и внутренней по-

литики государства, как и условиями взаимодействия его организационных компонентов. Смешение институциональных и структурных подходов объективно создает трудности и основу для разночтений в теории социологии. А при реализации функций власти это ведет к развитию неконституционных, не правовых и потенциально конфликтных ситуаций как последствий несвоевременной корректировки методов согласования курса реформ с обществом. Достаточно дискуссионным остается вопрос о пределах и мере ответственности государства при оформлении и реализации официальных управленческих решений, правовых норм. В известной практике институциональная ответственность государства переходит на структуры государственной власти и должностных лиц. Но такая субсидиарная ответственность во многих ситуациях и процедурах может не соответствовать современному пониманию конституционно-правовой ответственности в перспективах механизма законодательства для трансформируемого общества.

Преодолению выделенных проблем будет способствовать частично рассмотренное выше сочетание социологического теоретического анализа, практики и опыта управления, а также полноценное информационное обеспечение для статистики при выявлении степени достоверности актуальных для данной темы социальных фактов. Информационное обеспечение научного и практического подходов при установлении верифицируемых признаков социальных институтов и социальных структур власти предполагает следующее:

- сбор, анализ, систематизацию и хранение актуальной для конкретной темы информации;
- обоснование и создание условий для оптимального использования социологической информации и фактов статистики;

- развитие известных и новых методов проверки достоверности полученной информации для координации представлений об институциональных и структурных признаках власти в трансформируемом обществе.

«Специфика современного общества делает необходимым поиск новых источников данных, в которых происходящие изменения отражались бы оперативно. Один из таких источников – динамично обновляемые базы данных предприятий и учреждений. Для них характерно специфичное содержание, соответствующее собственным потребностям, большое количество переменных, их постоянное пополнение. Использование подобных источников данных для анализа социальной реальности требу-

ет новых методов их обработки», – пишут А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина, О.В. Махныткина [4, с. 40].

Новые тенденции и провоцирующие их ситуации требуют принятия срочных, неординарных и предсказуемо эффективных мер, способствующих оформлению новой теории и практики деятельности власти в структуре социальных институтов трансформируемого

общества. Основы такой теории в настоящее время только формируются. Соответственно, для преодоления методологического и понятийного смятения в новом прочтении вопросов социологического обеспечения процессов формирования институтов и структур власти необходимо обратиться к выяснению перспектив их взаимодействия и развития в новых, ранее неизвестных форматах.

1. Горшков М.К. *Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1) // Социологические исследования. 2016. № 12.*

2. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Сорокин П.С. *Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области // Социологические исследования. 2016. № 12.*

3. Шуберт И. Коулман, Коллинз, Гидденс о теории действия как основе общесоциологической теории // *Социологические исследования. 2017. № 2.*

4. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. *Data minig в социологии: опыт и перспективы проведения исследования // Социологические исследования. 2016. № 3.*

1. Gorshkov M.K. *Russian society in crisis development: contextual approach (art. 1) // Sociological research. 2016. № 12.*

2. Efendiev A.G., Balabanova E.S., Sorokin P.S. *Social Institutions: Experience in Analyzing Socialchanges in villages in the Belgorod region // Sociological researches. 2016. № 12.*

3. Schubert I. *Coleman, Collins, Giddens on the theory of action as the basis of a general sociological theory // Sociological researches. 2017. № 2.*

4. Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnitkina O.V. *Data minig in sociology: experience and perspectives of the research // Sociological researches. 2016. № 3.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Палий Виталий Михайлович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Краснодарского университета МВД России; e-mail: sociometriya@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.M. Paly, Candidate of Law, Assistant Professor, Senior Researcher of the Scientific Research Department of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sociometriya@mail.ru

К вопросу об усилении дисциплинарной ответственности за нарушение правил несения службы в суточном наряде по охране собственных объектов курсантами и слушателями образовательных организаций МВД России

Анализируются вопросы применения наказания в виде назначения внеочередного наряда (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны подразделения) курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, совершившим дисциплинарный проступок. Определяются предпосылки и основания рассматривать нарушения дисциплины в суточном наряде по охране собственных объектов как грубые.

Ключевые слова: дисциплинарное взыскание, суточный наряд, курсант, слушатель, грубое нарушение служебной дисциплины.

To a question of strengthening of disciplinary responsibility for abuse of regulations of service in daily details on protection of own objects by cadets and students of the educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia

Questions of application of punishment in the form of purpose of the extraordinary job specification (except for appointment in the job specification on ensuring protection of division) to the cadets and students of the educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia who made minor offense are analyzed. Prerequisites and the bases to consider misconduct in daily details on protection of own objects as rough are determined.

Key words: disciplinary action, daily outfit, cadet, listener, gross violation of office discipline.

Сотрудник ОВД, обучающийся в образовательной организации МВД России, выступает субъектом юридической ответственности, наряду с прочим, неотвратимость наказания за нарушение установленных норм, правил и критериев осуществления служебной деятельности, а также предотвращение противоправного поведения на государственной службе в дальнейшем. При этом важное значение имеет факт, что ответственность является элементом системы государственного управления и представляет собой не столько меру взыскания, сколько средство обеспечения выполнения должностных обязанностей, механизм повышения эффективности управления, устранения нарушений служебного порядка и дисциплины [1, с. 56].

Основания и порядок привлечения служащих ОВД к ответственности регулируются Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

ской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон «О службе в ОВД»), нормы которого конкретизируются Указом Президента РФ от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» [3].

Согласно ст. 50 Федерального закона «О службе в ОВД» в случае нарушения служебной дисциплины на сотрудников ОВД могут налагаться следующие виды взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, снижение в специальном звании на одну ступень, лишение нагрудного знака, увольнение из ОВД. В образовательных организациях МВД России, наряду с перечисленными, могут налагаться взыскания в виде назначения вне очереди в наряд (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны подразделения), лишения очередного увольнения из расположения образовательной организации и отчисления из образовательной организации.

На основании изложенного можно сделать вывод, что действующее законодательство, помимо общего арсенала мер дисциплинарного принуждения к лицам, замещающим должности курсантов (слушателей), предусматривает применение и специальных мер дисциплинарной ответственности. Таким образом законодатель, по нашему мнению, обоснованно расширил выбор мер дисциплинарного взыскания с учетом особого административно-правового статуса обучающихся, которые одновременно являются субъектами образовательных и государственно-служебных отношений.

В то же время существующий механизм реализации системы мер дисциплинарного воздействия на курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России, длительное время не подвергался оптимизации. Более того, отсутствуют четкие границы дифференцированного подхода к определению меры наказания виновному лицу в зависимости от тяжести совершенного дисциплинарного проступка, правового положения делинквента и наступивших вредных последствий. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе применения наказания в виде назначения вне очереди в наряд (за исключением назначения в наряд по обеспечению охраны подразделения) к курсантам и слушателям, совершившим конкретный дисциплинарный проступок (исходя из его социальной вредности).

Данный вид дисциплинарного взыскания обычно применяется за отдельное нарушение, свидетельствующее о неспособности или нежелании курсанта (слушателя) выполнять какие-либо служебные обязанности, возложенные на него в суточном наряде. Так, за 2017 г. к курсантам и слушателям Рязанского филиала Московского университета МВД России данная мера взыскания применялась более 80 раз. Несмотря на это законодательно не установлены критерии определения проступков, за которые курсант (слушатель) может быть подвергнут указанному дисциплинарному взысканию.

По нашему мнению, дисциплинарное взыскание в виде внеочередного наряда целесообразно применять только за нарушение служебной дисциплины в суточном наряде как санкцию, альтернативную замечанию. Повторное нарушение служебной дисциплины в суточном наряде дает основание начальнику образовательной организации МВД России применять другие по характеру и правовым последствиям дисциплинарные взыскания, например выговор и строгий выговор. Повторным нарушением служебной дисциплины следует

считать проступок, совершенный сотрудником ОВД, за который он в течение года уже подвергался дисциплинарному взысканию. В то же время роль отдельных лиц суточного наряда в рассматриваемой сфере неодинакова. Значительная часть их прав и обязанностей (например, в таких нарядах, как дневальный по курсу) не связана с непосредственной реализацией компетенции полиции, т.е. реализацией властных полномочий.

В связи с изложенным следует различать обязанности лиц суточного наряда по их предназначению и объему выполняемых ими задач, в том числе связанных с реализацией властных полномочий. Например, наряд по охране и обороне собственных объектов образовательной организации МВД России, основанный на установленной законом компетенции полиции, предусматривает несение службы с огнестрельным оружием (специальными средствами) с целью обеспечения наиболее эффективной реализации представленных сотрудникам полиции властных полномочий, что, в свою очередь, налагает на них особую ответственность за четкое и неукоснительное соблюдение требований режима законности. Это обуславливает необходимость введения конкретных мер по обеспечению соблюдения законности посредством усиления ответственности за нарушение установленных требований, правил несения службы в суточном наряде по обороне собственных объектов, а также позволяет относить рассматриваемые нарушения служебной дисциплины к категории грубых [4, с. 123].

Несмотря на то, что в дисциплинарных нормах используется понятие «грубое нарушение служебной дисциплины», его сущность не разъясняется. В связи с этим законодатель пошел путем приведения исчерпывающего перечня возможных грубых нарушений [5, с. 80–87]. В основу отнесения нарушений служебной дисциплины к грубым положен критерий степени общественной опасности. Дисциплинарные проступки, не перечисленные в ст. 49 Федерального закона «О прохождении службы в ОВД», по умолчанию считаются обычными и не влекут столь серьезных последствий, как грубое нарушение служебной дисциплины.

На наш взгляд, данное разграничение дисциплинарных взысканий является обоснованным. Общество рассматривает сотрудников ОВД как представителей государства, осуществляющих от его имени правоохранительные функции и наделенных особыми полно-

мочиям, следовательно, они должны нести повышенную ответственность, в том числе дисциплинарную.

На данную особенность неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, отмечая, что служба в ОВД является особым видом государственной службы, она направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников ОВД, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, которые определены задачами, принципами организации и функционирования ОВД, а также специфическим характером деятельности указанных лиц [6].

Можно сделать вывод о том, что разделение дисциплинарных взысканий на обычные и грубые призвано обеспечить интересы данного вида правоохранительной службы, гарантировать ее прохождение лишь теми лицами, которые надлежащим образом исполняют обязанности, возложенные на них в соответствии с законодательством, и имеют высокие морально-нравственные качества [7].

Представляется, что в этих условиях следует учитывать особенности службы суточного наряда по охране собственных объектов, а также значимость этой службы для обеспечения безопасности. Так, при определенных обстоятельствах полномочия лиц, назначенных в суточный наряд, выходят за пределы образовательной организации МВД России, в которой они проходят службу, а их законные требования в пределах установленного круга государственно-властных полномочий обязательны для всего личного состава, а также третьих лиц.

Отсутствие повышенных требований к курсантам (слушателям), обеспечивающим охрану собственных объектов, является серьезным препятствием в реализации принципа справедливости привлечения сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности. Однако следует отметить, что нормативные правовые акты, регулирующие дисциплинарную ответственность некоторых других государственных служащих, например прил. 7 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил РФ (к ст. 10, 80, 81) «Перечень грубых дисциплинарных проступков. Порядок исполнения дисциплинарного

ареста», содержат нормы, определяющие нарушение правил несения караульной (внутренней) службы как грубое нарушение служебной дисциплины [8].

В связи с этим Ю.М. Буравлев, рассматривая вопросы ответственности государственных служащих, обращал внимание на значимость дифференциации ответственности в государственных органах, исполняющих правоохранительную функцию государства. Данный вопрос является недостаточно разработанным в определенной части действующего законодательства [9, с. 26].

Заимствование военного законодательства, регламентирующего вопросы нарушения правил несения службы по охране собственных объектов и отнесения их к категории грубых, позволит повысить уровень требований к служебной дисциплине лиц, обучающихся в образовательных организациях МВД России. Вместе с тем, применение понятия грубых нарушений дисциплины в отношении лиц, нарушивших правила несения службы по обеспечению охраны собственных объектов, направлено и на укрепление принципа справедливости – базового принципа, характеризующего юридическую ответственность, поскольку только лишь факт привлечения к юридической ответственности за совершение правонарушения не означает, что правонарушитель понесет справедливое наказание [10, с. 56].

Следует отметить, что несмотря на существующие различия во взглядах на понятие и содержание принципа справедливости дисциплинарной ответственности [11, с. 148; 12, с. 375], можно утверждать, что он заключается в необходимости соответствия взыскания степени вины и тяжести совершенного проступка, т.е. соответствия виновного деяния наказанию [13, п. 53]. Это же правило распространяется и на сотрудников ОВД. В соответствии с п. 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации дисциплинарное взыскание должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины. При определении вида дисциплинарного взыскания принимаются во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежние поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины, его отношение к службе, знание правил ее несения и другие обстоятельства.

Еще раз подчеркнем необходимость дифференциации дисциплинарной ответственности за нарушение несения службы в суточном наряде. В связи с этим целесообразно обра-

тить внимание на смысловое содержание ч. 2 ст. 50 Федерального закона «О службе в ОВД», нормы которой позволяют прийти к выводу об особом статусе лиц, несущих службу по охране собственных объектов, который, как было отмечено, имеет свои характерные особенности, обусловленные соответствующей сферой деятельности.

Таким образом, считаем целесообразным включить нарушение служебной дисциплины при несении службы по охране образовательных организаций МВД России в перечень грубых нарушений дисциплины, влекущих обусловленные этим последствия в отношении сотрудников ОВД, обучающихся в образовательных организациях МВД России, и дополнить ч. 2 ст. 49 Федерального закона

«О службе в ОВД» следующим положением: «...Нарушение правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд образовательной организации МВД России по охране подразделения, если это деяние повлекло утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, специальных средств, взрывчатых веществ или имущества, если это не влечет за собой уголовную ответственность». Это позволит не только оптимизировать административно-правовой статус сотрудников ОВД, обучающихся в образовательных организациях МВД России, но и усилить гарантии соблюдения прав и свобод граждан при осуществлении курсантами и слушателями своих властных полномочий.

1. Спасенко В.И. Проблемы совершенствования правового статуса должностных лиц государственных органов России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7020.

3. О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 окт. 2012 г. № 1377 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

4. Виноградова В.С. Правовой статус полиции в современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

5. Батрова Т.А., Корнеева О.В. Конкуренция «отрицательных» оснований увольнения сотрудников органов внутренних дел: алгоритм решения проблемы // Журн. рос. права. 2017. № 5.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зайцева Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 г. № 1405-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусева Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части 2 статьи 82 Федераль-

1. Spasenko V.I. Problems of improvement of legal status of officials of state bodies of Russia: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 1997.

2. About service in law-enforcement bodies and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 30, 2011 № 342-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation № 49, pt. 1. Art. 7020.

3. About the disciplinary charter of law-enforcement bodies of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Oct. 14, 2012 № 1377 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 43. Art. 5808.

4. Vinogradova V.S. Legal status of the police in contemporary Russia: theoretical-instrumental and comparative analysis: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2014.

5. Baturova T.A., Korneeva O.V. Competition of «negative» reason for the dismissal of employees of internal Affairs bodies: algorithm for solving problem // Journal of Russian law. 2017. № 5.

6. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen Zaytsev Andrey Anatolyevich violation of his constitutional rights by paragraph 9 of part 3 of article 82 of the Federal law «On service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. June 24, 2014 № 1405-O. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. About refusal in acceptance to consideration of the complaint of citizen Guseva Yury Vladimirovich on infringement of its constitutional rights in paragraph 6 of part 2 of article 82 of the Federal law «On service in bodies of internal Affairs of the Russian Federation and amendments

ного закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27 окт. 2015 г. № 2386-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. № 1495 (в ред. от 27 дек. 2017) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 47, ч. 1. Ст. 5749.

9. Буравлев Ю.М. Виды юридической ответственности в системе государственной службы. М., 2008.

10. Бялт С.В. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

11. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

12. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1972. Т. 5.

13. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Рос. газ. 2004. 8 апр.

to certain legislative acts of the Russian Federation»: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Oct. 27, 2015 № 2386-O. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. On approving military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation» (together with «the Charter of internal service of Armed Forces of the Russian Federation», «Disciplinary Charter of Armed forces of the Russian Federation», «the Charter of garrison and guard services of the Armed Forces of the Russian Federation»): decree of the President of the Russian Federation d.d. Nov. 10, 2007 № 1495 (as amended on Dec. 27, 2017) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 47, pt.1. Art. 5749.

9. Buravlev Yu.M. Types of legal liability in the public service. Moscow, 2008.

10. Byalt S.V. Disciplinary responsibility of employees of bodies of Internal Affairs: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2011.

11. Samoschenko I.S., Farukshin M.H. Liability in Soviet law. Moscow, 1971.

12. Alekseev S.S. Problems of theory of law. Sverdlovsk, 1972. Vol. 5.

13. On application by courts of the Russian Federation Labor code of the Russian Federation: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. March 17, 2004 № 2 // Rus. newsp. 2004. Apr. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вашаев Максим Александрович, адъюнкт кафедры административного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; e-mail: vashaev_m@rfmumvd.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.A. Vashaev, Adjunct of the Chair of Administrative Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vashaev_m@rfmumvd.ru

Болотин Александр Эдуардович
Медников Андрей Борисович
Кочетков Денис Игоревич

Обоснование факторов, определяющих целесообразность использования средств агрегированного формирования двигательных навыков стрельбы в условиях водной среды у сотрудников специальных подразделений

В статье приведены факторы, на основе которых построен график реализации педагогического проекта по обучению стрельбе с воды на плаву и в движении сотрудников специальных подразделений силовых структур.

Ключевые слова: факторы, агрегирующие упражнения, плавание, стрельба с воды, боевые задачи, средства физической подготовки.

Justification of the factors defining expediency of use of means of the aggregated forming of movement skills of firing in the conditions of the water environment at the staff of special divisions

Factors on the basis of which the schedule of implementation of the pedagogical project on training in firing from water afloat and in the movement of staff of special divisions of law enforcement agencies is constructed are given in article.

Key words: factors aggregating exercises, swimming, firing from water, fighting problems, means of physical training.

В настоящее время обучение сотрудников специальных подразделений силовых структур технике прицельного выстрела с воды при их подготовке к форсированию водных преград вплавь проводится в определенной последовательности [1, с. 12–15]. Сначала обучаемые овладевают способами плавания брассом и кролем на груди по методике начального обучения, после чего приступают к изучению основ прикладного плавания в обмундировании с оружием, также в определенной последовательности. Сначала обучение проводится с поддерживающими средствами (индивидуальными спасательными средствами, поплавками, изготавливаемыми из предметов обмундирования и снаряжения, с подсобным плавучим материалом), а затем – без них [2, с. 112–115; 3, с. 21–26; 4, с. 68–72]. Овладение техникой прицельного выстрела из АКМ с воды начинается после полного закрепления навыков военно-прикладного плавания [1, с. 12–15]. Таким образом, к началу обучения стрельбе с воды навыки плавания оказываются достаточно стабилизированны-

ми, направленными на выполнение функции передвижения в воде, но не обеспечивающими в полной мере выполнение специфических боевых приемов различных видов тактических действий на воде [5, с. 139–142; 6, с. 76–77; 7, с. 362–364]. В процессе дальнейшего обучения подобный дисбаланс в уровне владения навыками сохраняется [5, с. 139–142; 8, с. 105–110]. Об этом свидетельствуют полученные на основе описательных уравнений кривые динамики формирования навыков.

Графики функций выявленных аппроксимирующих уравнений имеют различные формы кривых, темпы прироста показателей, количество и расположение максимумов, общую направленность тренда. Все это свидетельствует о функционировании осваиваемых навыков как автономных двигательных образований и отрицательно сказывается на целевых результатах стрельбы с воды.

Вместе с тем успешный результат в выполнении прицельного выстрела с воды определяется интегральным функционированием разнонаправленных навыков плавания и стрельбы

как их целостного двигательного объединения, направленного на решение единой двигательной задачи огневого поражения цели [5, с. 139–142; 8, с. 106–110].

В ходе опроса специалистов (в опросе принимало участие 37 респондентов) нами были выявлены факторы, определяющие целесообразность использования средств агрегированного формирования двигательных навыков при обучении стрельбе с воды на плаву в движении у сотрудников специальных подразделений силовых структур. К ним относятся: необходимость создания целостной динамической агрегации двигательных навыков прикладного плавания и прицельного выстрела с воды; наличие единой целевой направленности функционирования разнородных навыков; необоснованно завышенные педагогические затраты учебного времени на последовательное освоение нескольких навыков; недостаточное применение специальных упражнений для формирования целостной двигательной агрегации навыков. Менее значимыми факторами являются следующие: особенности техники выполнения прицельного выстрела при нахождении на плаву и в движении; недостаточный уровень овладения навыками стрельбы с воды при последовательном обучении разнонаправленным действиям.

Был построен оптимальный сетевой график реализации педагогического проекта посредством математического моделирования очередности и порядка совмещения педагогических операций по формированию разнородных навыков [9, с. 11–14; 10, с. 5–7]. Моделирование проводилось на основе предварительно полученных коэффициентов совмещения педагогических операций по их началу и окончанию [7, с. 362–364; 11, с. 32–24; 12, с. 724–729].

Коэффициенты совмещения были выявлены эмпирическим путем и характеризовали возможности по объединению отдельных операций на основе использования агрегирующих упражнений.

Структуру агрегирующих упражнений составили элементы техники плавания и стрельбы с воды, что обеспечивало одновременное освоение навыков и однонаправленную динамику их формирования. Агрегирующие упражнения осваивались сотрудниками специальных подразделений на суше в воде. Применением данных упражнений достигалось одностадийное формирование навыков и их объединение в целостную агрегацию уже на ранних стадиях освоения двигательных действий.

Применение агрегирующих упражнений позволило совместить выполнение ряда педагогических операций, что в итоге привело к снижению временной стоимости реализации педагогического проекта с 30 до 19 учебных занятий. Снижение временных рамок обучения при сохранении итоговых показателей подготовленности обучаемых явилось важным критерием эффективности предлагаемой методики обучения.

В результате проведенного эксперимента было выявлено, что в процессе использования агрегирующих упражнений наблюдается положительная динамика в изменении основных технических характеристик в плавании и результативных показателей выстрела с воды. Наиболее позитивные сдвиги произошли в увеличении процента поражения цели, снижении времени выполнения отдельного прицельного выстрела и огневой задачи в целом, среднего расхода боеприпасов на пораженную мишень, отклонения средней точки попадания от центра мишени. Выявленные изменения результативных показателей стали следствием качественных преобразований структуры двигательных действий сотрудников специальных подразделений, направленных на выполнение прицельного выстрела с воды на плаву и в движении. Среди них можно выделить стабилизацию положения изготовки и ее синхронизацию с гребковыми движениями, точность наведения оружия на цель за счет освоенных компенсаторных движений против волнового возмущения водной среды, ритмичность дыхания и его согласованность с выполнением гребковых движений и элементов техники прицельного выстрела, плавный равномерный нажим на спусковой крючок.

Технические показатели испытуемых по упражнениям в плавании за время эксперимента улучшились на 40–50% по сравнению с показателями испытуемых контрольной группы.

Главная черта техники выполнения испытуемыми экспериментальной группы прицельного выстрела с воды – устойчивая агрегация навыков стрельбы с навыками прикладного плавания, о чем свидетельствуют технические показатели в выполнении комплексного контрольного упражнения. По результатам выполнения комплексного контрольного упражнения испытуемые, занимавшиеся по экспериментальной методике, превзошли участников контрольной группы как в парциальных составляющих, так и в выполнении всего упражнения в целом.

Подобного результата занимающиеся в экспериментальной группе достигли за счет интегрированного овладения разнородными навыками прикладного плавания и стрельбы с воды как единой целостной агрегации навыков. Совмещение отдельных педагогических операций по овладению данными навыками позволило на ранних стадиях их освоения сформировать двигательные представления обучаемых о структуре выполняемых действий как о целостном двигательном акте, совмещающем в себе оба навыка.

В заключение необходимо отметить, что методика агрегированного формирования двигательных навыков стала доступной к освоению всем испытуемым при обучении их как на суше, так и в воде. Сотрудники смогли овладеть всеми упражнениями за время, отведенное на обучение построенным сетевым графиком реализации педагогического проекта. Улучшенная техника выполнения прицельного выстрела на

плаву в движении была показана испытуемыми благодаря качественному овладению техникой прикладного плавания как основы успешного выполнения профессиональных действий в водной среде.

Выявленные факторы позволили разработать технологию обучения сотрудников специальных подразделений стрельбе с воды. Обучение стрельбе с воды на основе разработанной технологии позволило сотрудникам освоить технику прицельного выстрела на плаву и в движении с полным закреплением агрегированных действий в сжатые сроки. Однако в ходе исследований было также установлено, что при последовательном обучении сотрудников специальных подразделений силовых структур навыки осваиваются и воспроизводятся испытуемыми как обособленные самостоятельные структуры, что отрицательно сказывается на достижении единого целевого результата деятельности.

1. Болотин А.Э., Цветков С.А. Факторы, определяющие высокую эффективность подготовки боевых пловцов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 11(117).

2. Болотин А.Э., Новосельцев О.В. Факторы, определяющие высокую эффективность обучения студентов плаванию брасом // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 12(106).

3. Бочковская В.Л., Назарова М.С. Факторы, определяющие необходимость использования методики для улучшения экономичности движений при обучении прикладному плаванию студентов вузов гражданской авиации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 8(126).

4. Бочковская В.Л., Назарова М.С. Психолого-педагогические условия, необходимые для повышения эффективности обучения прикладному плаванию студентов вузов гражданской авиации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 9(127).

5. Понимасов О.Е. Синхронизированное формирование динамических объединений при обучении военно-прикладному плаванию // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 1(107).

6. Понимасов О.Е. Замещение гидрогенных локомоций при обучении прикладному плаванию курсантов военных вузов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2015. № 3.

7. Bolotin A.E., Bakayev V.V. Structure and content of the educational technology of managing

1. Bolotin A.E., Tsvetkov S.A. The factors defining high performance of training of fighting swimmers // Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft. 2014. № 11(117).

2. Bolotin A.E., Novoseltsev O.V. The factors determining high performance of training of students in swimming by a breast stroke // Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft. 2013. № 12(106).

3. Bochkovskaya V.L., Nazarova M.S. The factors defining need of use of a technique for improvement of profitability of movements when training in applied swimming of students of higher education institutions of civil aviation // Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft. 2015. № 8(126).

4. Bochkovskaya V.L., Nazarova M.S. Psychology and pedagogical conditions necessary for increase in efficiency training in applied swimming of students of higher education institutions of civil aviation // Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft. 2015. № 9(127).

5. Ponimasov O.E. Synchronized forming of dynamic associations when training military applied to swimming // Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft. 2014. № 1(107).

6. Ponimasov O.E. Substitution of hydrogene lokomotion when training in applied swimming of cadets of military higher education institutions // Physical culture: education, education, training. 2015. № 3.

7. Bolotin A.E., Bakayev V.V. Structure and content of the educational technology of managing students' healthy lifestyle. Journal of Physical Education and Sport (JPES), 2015. № 15(3).

students' healthy lifestyle. *Journal of Physical Education and Sport (JPES)*, 2015. № 15(3).

8. Понимасов О.Е., Грачев К.А. Спецификация попеременно-симметричной идеально-типической комбинации техники прикладного плавания // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 3(121).

9. Болотин А.Э., Борисов А.В., Скрипачев С.А. Педагогическая модель физической подготовки курсантов вузов ПВО с применением нормирования тренировочной нагрузки // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 9(115).

10. Караван А.В., Болотин А.Э. Типологические признаки образовательной среды необходимые для эффективного физического развития студентов вузов // Теория и практика физической культуры. 2015. № 9.

11. Болотин А.Э., Селюкин Д.Б. Структура и содержание педагогической концепции физического воспитания студентов на основе ценностей здорового образа жизни // Теория и практика физической культуры. 2015. № 7.

12. Bolotin A.E., Bakayev V.V., Vazhenin S.A. Educational technology of using the system of Pilates for the prevention of spine disorders of female students. *Journal of physical education and sport (JPES)*. 2015. № 15(4). Art. 110.

8. Ponimasov O.E., Grachev K.A. Specification of an alternate and symmetric ideal and typical combination of the technology of applied swimming // *Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft*. 2015. № 3(121).

9. Bolotin A.E., Borisov A.V., Skripachev S.A. Pedagogical model of physical training of cadets of higher education institutions of air defense using regulation of a training load // *Scientific notes of the University of P.F. Lesgaft*. 2014. № 9(115).

10. Caravan A.V., Bolotin A.E. Typological signs of the educational environment necessary for effective physical development of students of higher education institutions // *Theory and practice of physical culture*. 2015. № 9.

11. Bolotin A.E., Selyukin D.B. Structure and contents of the pedagogical concept of physical training of students on the basis of values of a healthy lifestyle // *Theory and practice of physical culture*. 2015. № 7.

12. Bolotin A.E., Bakayev V.V., Vazhenin S.A. Educational technology of using the system of Pilates for the prevention of spine disorders of female students. *Journal of physical education and sport (JPES)*. 2015. № 15(4). Art. 110.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Болотин Александр Эдуардович, доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; e-mail: a_bolotin@inbox.ru;

Медников Андрей Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612584062;

Кочетков Денис Игоревич, соискатель Института физической культуры, спорта и туризма Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: pts.dep@spbstu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.E. Bolotin, Doctor of Pedagogics, Professor, Saint Petersburg Polytechnical University of Peter the Great; e-mail: a_bolotin@inbox.ru;

A.B. Mednikov, Candidate of Pedagogics, Assistant Professor, Head of the Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584062;

D.I. Kochetkov, Competitor of the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism of Polytechnical University of Peter the Great; e-mail: pts.dep@spbstu.ru

Куров Альберт Иванович

Некоторые вопросы обеспечения личной профессиональной безопасности сотрудников органов внутренних дел и пути их решения

В статье рассматриваются вопросы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов для обеспечения их личной профессиональной безопасности в условиях несения службы. Говорится о специфике методики развития физических качеств на занятиях по физической подготовке.

Ключевые слова: личная безопасность, физическая культура, психология, органы внутренних дел, профессиональная подготовка, полиция.

Some issues of providing personal safety staff department of Internal Affairs and their solutions

In the article questions of professional training of employees of law enforcement bodies for maintenance of their personal professional safety in the conditions of carrying out of service are considered. It is said about the specifics of the methodology of development of physical qualities in physical education classes.

Key words: personal safety, physical culture, psychology, department of Internal Affairs, professional training, police.

Сегодня проблема личной безопасности сотрудников правоохранительных органов приобретает особую актуальность и требует к себе пристального внимания. Ежегодно в России при решении профессиональных задач в повседневной деятельности, в дорожно-транспортных происшествиях и в других ситуациях погибает или получает ранения значительное количество сотрудников ОВД. По данным статистики, в 2016 г. в России погибли, выполняя служебный долг, 67 сотрудников ОВД и 1500 – получили ранения.

В ГУ МВД России по Краснодарскому краю 328 сотрудников навечно остались в строю кубанской полиции.

В соответствии с приказом МВД России от 26 октября 2011 г. № 1101 8 ноября объявлено Днем памяти погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел.

Анализируя случаи, повлекшие гибель или ранение сотрудников ОВД, можно выделить основные их причины:

- несвоевременно оказана медицинская помощь;
- не проведен наружный осмотр или досмотр подозреваемых;
- не использовались средства защиты;
- проявлена слабая боеготовность;
- не обратились за подкреплением;
- преследование велось в одиночку;
- потеря бдительности сотрудником ОВД;

неумение моделировать опасную ситуацию; низкий уровень навыков владения оружием; излишняя самоуверенность (переоценка своих возможностей).

В законодательстве Российской Федерации есть нормативные правовые акты, регламентирующие правоотношения между сотрудниками ОВД и обществом, к ним относятся:

гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которая содержит ряд правовых норм, регулирующих порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [1];

УК РФ, который включает перечень составов преступлений, предусматривающих ответственность за оскорбление, сопротивление сотруднику полиции и посягательство на его жизнь (ст. 295, 296, 317, 318, 319) [2];

КоАП РФ, предусматривающий привлечение к административной ответственности за злостное неповиновение сотруднику полиции (ч. 1 ст. 19.3., ч. 2 ст. 20.1) [3].

Безусловно, профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с постоянным риском, как физическим, так и психологическим, поэтому чрезвычайно важна организация специальной работы по целенаправленному уменьшению риска до реально возможного предела.

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [1].

В настоящее время профессиональная подготовка состоит из трех элементов:

первоначальная подготовка;

плановая подготовка в рамках учебного процесса по месту прохождения службы, осуществляемая в течение учебного года;

повышение квалификации в специализированных учебных центрах.

Перед образовательными организациями МВД России стоит задача по формированию действенной системы профессиональной подготовки высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов, способных осуществлять функции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности, по обеспечению общественной безопасности в условиях повседневных и экстремальных ситуаций на фоне постоянной эмоциональной, физической и интеллектуальной напряженности.

В рамках комплексного обучения сотрудники ОВД приобретают навыки по следующим направлениям:

обеспечение личной безопасности, это направление представляет собой систему правовых, защитных, тактических и психологических мер, позволяющих обеспечить сохранение жизни и здоровья сотрудников ОВД при условии поддержания высокого уровня эффективности профессиональных действий;

приобретение навыков психологической безопасности, т.е. умение управлять своими эмоциями на фоне накопленной усталости, перегрузок и стрессов, психологическая готовность применить физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, уверенность в законности своих действий и целеустремленность в их выполнении;

укоренение профессионально-нравственной безопасности, т.е. формирование принципиальной позиции сотрудника полиции при решении профессиональных задач, умение противостоять провокациям и шантажу со стороны криминальных элементов.

Однако одним из основных навыков сотрудника ОВД является умение обеспечить физическую безопасность, или применять боевые

приемы борьбы, выполнять действия с оружием, использовать специальные и подручные средства индивидуальной защиты и активной обороны, действовать тактически верно, как самостоятельно, так и в группе, при решении оперативно-служебных задач в условиях экстремальной ситуации, резко меняющейся оперативной обстановке.

Физическая подготовка как первоочередная часть служебно-боевой подготовки, представляет собой систему организованных мероприятий, направленных на общее повышение уровня физической подготовки, воспитание физических и психических качеств, привитие двигательных умений и навыков, необходимых при выполнении оперативно-служебных задач личным составом ОВД.

На занятиях по физической подготовке делается акцент на развитие основных пяти качеств: физической силы, быстроты, выносливости, ловкости и гибкости.

Методика развития физических качеств на занятиях по физической подготовке в структуре образовательных организаций МВД имеет свою специфику.

Занятия имеют прикладную направленность, способствуя формированию у слушателя конкретных навыков, определяющих успешность его профессиональной деятельности (занятия по преодолению искусственных, естественных, горизонтальных и вертикальных препятствий). На практических занятиях создаются такие условия, которые помогут слушателю почувствовать себя участником возможных событий в оперативно-служебной деятельности и потребуют молниеносного принятия решения о применении физической силы, специальных средств или оружия. Сотрудник должен быть готов к внезапному нападению, высокой скорости передвижения, быстрым изменениям обстановки, ощущению риска, самостоятельному принятию решений и действий, борьбе. Занятия по физической подготовке проходят в условиях постепенного увеличения продолжительности физических нагрузок.

Для подготовки сотрудника к несению службы отрабатываются и доводятся до автоматического выполнения такие упражнения, как: боевые стойки, удары и защита от ударов, задержание, броски, удушающие и болевые приемы, освобождение от захватов и обхватов, пресечение действий с огнестрельным оружием.

Умение действовать без страха и паники, способность рассуждать хладнокровно – эти качества должны развивать слушатели, чтобы

профессионально действовать в экстремальной ситуации [4, с. 183–187].

Во время обучения боевым приемам борьбы слушателя вводят в боевое психологическое состояние, близкое к состоянию, в котором сотрудник может оказаться в реальной экстремальной ситуации во время несения службы. При этом моделируются ситуации с появлением случайных лиц, добавлением количества нападающих, различными видами оружия, уменьшаются временные рамки на выполнение упражнений или вводятся дополняющие их элементы.

Таким образом, личная профессиональная безопасность сотрудников ОВД напрямую зависит от степени их подготовленности

к оперативно-служебной деятельности, в том числе и к выполнению служебных обязанностей в экстремальных ситуациях. Необходимо отметить, что процесс овладения сотрудниками тактикой и методами обеспечения безопасности по всем вышеперечисленным направлениям, а также процесс формирования и совершенствования профессионально значимых качеств личного состава правоохранительных органов должен быть непрерывным. Постоянное совершенствование навыков на занятиях по профессиональной служебной подготовке по месту службы поможет избежать возможных трагических последствий в процессе оперативно-служебной деятельности.

1. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Шохин В.Е., Физические и профессиональные перегрузки в процессе освоения программ профессиональной подготовки // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2017. № 1(35).

1. On the police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. Code on administrative offenses of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. Shohin V.E. Physical and emotional overworks in the development of training programs // Bull. of the Krasnodar University of Russian MIA. 2017. № 1(35).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Куров Альберт Иванович, старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России; e-mail: kurov-albert@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.I. Kurov, Senior Lecturer of the Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kurov-albert@mail.ru

Проблемы профессиональной подготовки преподавателей физической подготовки образовательных организаций МВД России

В статье рассматриваются вопросы профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел в лице профессорско-преподавательского состава по физической подготовке. Исследуются пути решения проблемы организации их обучения на различных этапах профессиональной подготовки.

Ключевые слова: педагогические кадры, образовательные организации, высшее профессиональное образование, система подготовки, профессиональная компетентность, процесс обучения, преподаватель по физической подготовке, качество педагогической деятельности.

Problems of professional training of teachers of physical training of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia

In the article questions of professional competence of employees of law-enforcement bodies in the person of the teaching staff on physical training are considered. The ways of solving the problem of organizing their training at various stages of vocational training are explored.

Key words: teaching staff, educational institutions, higher professional education, system of training, professional competence, learning process, teacher on physical training, quality of pedagogical activities.

Ни одно из важных изменений в системе высшего профессионального образования сотрудников ОВД неосуществимо до тех пор, пока не повысится качество педагогической деятельности. Лишь квалифицированный педагог, обладающий общностным гуманистическим мировоззрением, в полной мере использующий свои профессиональные данные в выполняемой учебно-педагогической деятельности, способен разрешать задачи по подготовке сотрудников полиции, готовых обеспечивать правопорядок [1; 2].

Одним из главных условий, определяющих успешность учебно-воспитательного процесса курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, является высокий уровень профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава [3, с. 39–41]. Наравне с профессиональными знаниями, умениями и навыками эти специалисты обязаны обладать эрудицией, высокой степенью юридической грамотности, быть коммуникабельным [4; 5].

Функционирующая система подготовки педагогических кадров подвергается серьезным изменениям и, по мнению В.А. Огульчанского и В.С. Зашихина, не дает возможность будущим специалистам в процессе обучения обрести педагогическое мастерство, соответствующее требованиям профессиональной деятельности [6; 7], не готовит их к разрешению всех проб-

лем и задач, возникающих в педагогической деятельности. Таким образом, молодые педагоги, начинающие работать в образовательных организациях МВД России, довольно часто встречаются с трудностями профессионального характера [7; 8, с. 31–36]. Исследования процесса формирования педагогического мастерства специалистов по физической культуре говорят о том, что необходимый его уровень обретается в течение 7–8 лет непрерывной профессиональной деятельности [9; 10].

Процесс профессиональной подготовки преподавателей является объектом многих научных изысканий. Подготовка педагогических кадров в них изучается не только как процесс и итог деятельности преподавателя, но и как важнейшее условие плодотворной реализации собственного потенциала, системной взаимосвязи личностных качеств и педагогического опыта, формирующихся с учетом специфики будущей профессиональной деятельности. Преподаватели образовательных организаций МВД России должны обладать дополнительными профессиональными знаниями [5; 11, с. 28–31].

На сегодняшний день в системе МВД России нет ни одной образовательной организации, выпускающей специалистов по физической подготовке для ОВД. Это приводит к тому, что на работу с сотрудниками полиции в качестве преподавателей (инструкторов) приглашаются

бывшие спортсмены, не имеющие специального образования [5; 12]. В связи с этим актуален вопрос о необходимости создания факультетов для подготовки таких специалистов в образовательных организациях по физической культуре и спорту, а для действующих специалистов в этой области – организации курсов повышения квалификации при кафедрах физической подготовки головных образовательных организаций системы МВД России [7; 13, с. 104–135].

Один из результативных способов повышения педагогической компетенции преподавателей по физической подготовке – это стажировка в практических органах с целью ознакомления с опытом применения физической силы, специальных средств и дальнейшее использование этого опыта в образовательном процессе курсантов (слушателей) вузов МВД России [14].

В настоящее время в Краснодарском университете МВД России повышение профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки и спорта совершается в следующих основных формах.

Повышение квалификации и профессиональная переподготовка сотрудников в образовательных организациях высшего профессионального, дополнительного профессионального образования системы МВД России, а также в специализированных организациях МВД России по профессиональной переподготовке и повышению квалификации сотрудников.

Участие в научно-практических мероприятиях международного, всероссийского, регионального, вузовского и кафедрального уровня (по профилю кафедры не менее трех мероприятий в год).

Участие в учебно-методических сборах профессорско-преподавательского состава образовательной организации (два раза в год).

Участие в занятиях по служебно-боевой и физической подготовке с постоянным личным составом образовательной организации (согласно расписанию: четыре практических занятия в месяц по физической подготовке, два практических занятия в месяц по огневой подготовке; четыре теоретических занятия по профессионально-правовой подготовке; одно теоретическое занятие в месяц по морально-психологической подготовке).

Подготовка, самоподготовка и сдача постоянным личным составом образовательной организации зачетов по служебно-боевой и физической подготовке (два раза в год по всем основным видам служебно-боевой подготовки).

Участие в заседаниях кафедры физической подготовки и спорта (два заседания в месяц).

Самоподготовка преподавателей кафедры физической подготовки и спорта по всем видам профессионально-служебной деятельности (регулярно, не менее 6 часов в неделю).

Участие в учебно-методических сборах профессорско-преподавательского состава кафедр физической подготовки образовательной организации и филиалов (по всем темам преподаваемых на кафедре дисциплин не реже одного раза в год).

Участие в заседаниях предметно-методической секции кафедры физической подготовки и спорта (по всем темам преподаваемых на кафедре дисциплин – два раза в месяц), которое осуществляется по следующим тематическим направлениям:

современные подходы к организации и планированию специальной физической подготовки (физической подготовки) курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России;

содержание и формы процесса профессионально-прикладной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, обучающихся по различным специальностям и специализациям, с учетом специфики предстоящей профессиональной деятельности;

оценка уровня физической подготовленности курсантов (слушателей) образовательных организаций системы МВД России;

профессионально-ориентированные технологии совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России;

профессиональная компетентность профессорско-преподавательского состава кафедр физической культуры (физической подготовки) образовательных организаций системы МВД России [15].

Представленные формы повышения профессиональной компетентности преподавателей физической подготовки вузов МВД России, несомненно, являются эффективными. Тем не менее, по мнению Н.В. Астафьева, передовым путем разрешения данного вопроса может быть организация процесса профессиональной подготовки специалистов данного профиля в форме высшего профессионального образования [16, с. 28–32]. К примеру, в Краснодарском университете МВД России подготовку преподавателей по физической подготовке можно предпринять в рамках специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», а узкая

специализация могла бы называться «Профессионально-прикладная физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел». Уровень профессиональной подготовленности специалистов, прошедших обучение по этой узкой специализации, был бы идентичен уровню профессиональной компетентности, необходимому профессорско-преподавательскому составу кафедр физической подготовки вузов МВД России и инструкторам по физической подготовке практических ОВД.

Безусловно, вопросы профессиональной подготовки специалистов по физической подготовке для образовательных организаций МВД России остаются актуальными в научной среде. Появление компетентных преподавателей данного профиля затруднено из-за повышающихся требований к результативности деятельности образовательных организаций системы МВД и отсутствия образовательной среды, обеспечивающей их профессиональную подготовку.

1. Авдрианов М.М. Совершенствование процесса подготовки профессиональных кадров для органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2002.
2. Абзалов И.А. Совершенствование профессионально-педагогической культуры преподавателей военных вузов Республики Таджикистан: дис. ... канд. пед. наук. Душанбе, 2012.
3. Амельчаков И.Ф. Совершенствование системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации // Профессионал. М., 2007. № 6.
4. Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика / науч. ред. А.А. Реан. М.; Ижевск, 2002.
5. Решетников Е.В. Дополнительная профессиональная подготовка преподавателей вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2006.
6. Огульчанский В.А. Формирование профессионально-педагогического мастерства специалистов физической культуры и спорта на этапе вузовского образования: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2004.
7. Зашихин В.С. Профессиональная подготовка преподавателей специализированных образовательных учреждений к преодолению затруднений в педагогической деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2011.
8. Никольская О.Л. Психолого-дидактические затруднения учителей при освоении инновационных технологий // Педагогика. 2005. № 6.
9. Врачинский В.П. Педагогические условия совершенствования психолого-педагогической подготовки начинающих преподавателей военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2007.
10. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. М., 2008.
11. Федюков Ю.Ф. К вопросу о профессионально-педагогической подготовке инструкторского состава специальных подразделе-

1. Adrianov M.M. Perfection of the process of training professional personnel for the internal affairs bodies: auth. abstr. ... Candidate of Pedagogics. Kirov, 2002.
2. Abzalov I.A. Perfection of professional and pedagogical culture of teachers of military universities of the Republic of Tajikistan: diss. ... Candidate of Pedagogics. Dushanbe, 2012.
3. Amelchakov I.F. Perfection of the system of vocational training, retraining and advanced training // Professional. Moscow, 2007. № 6.
4. Baranov A.A. Stress tolerance teacher: theory and practice / sci. ed. by A.A. Rean. Moscow; Izhevsk, 2002.
5. Reshetnikov E.V. Additional professional training of teachers of high schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia: auth. abstr. ... Candidate of Pedagogics. Nizhny Novgorod, 2006.
6. Ogulchanskiy V.A. Formation of professional and pedagogical skills of specialists in physical culture and sports at the stage of university education: diss. ... Candidate of Pedagogics. Volgograd, 2004.
7. Zashikhin V.S. Professional training of teachers of specialized educational institutions to overcome difficulties in pedagogical activity: diss. ... Candidate of Pedagogics. Izhevsk, 2011.
8. Nikolskaya O.L. Psychological and didactic difficulties of teachers in the development of innovative technologies // Pedagog. 2005. № 6.
9. Vrachinsky V.P. Pedagogical conditions for the improvement of psychological and pedagogical training of beginning teachers of a military high school: diss. ... Candidate of Pedagogics. Kaliningrad, 2007.
10. Pryazhnikov N.S. Professional self-determination: theory and practice: textbook. Moscow, 2008.
11. Fedukov Yu.F. On the issue of professional and pedagogical training of instructors of special units of the Ministry of the Interior of Russia // Bull. of sports science. 2010. № 2.
12. Belyaeva T.A. Formation of the quality management system of the teacher's work in

ний МВД России // *Вестн. спортивной науки*. 2010. № 2.

12. Беляева Т.А. *Формирование системы управления качеством труда преподавателя в сфере высшего образования: дис. ... канд. экон. наук*. Краснодар, 2007.

13. Чернилевский Д.В. *Психолого-педагогическая подготовка преподавателя высшей школы XXI века: учеб. пособие*. М., 2004.

14. Золотенко В.А. *Совершенствование профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в образовательных учреждениях МВД России: дис. ... канд. пед. наук*. СПб., 2011.

15. Витютнев Е.Е. *Прикладная физическая и двигательная подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России – будущих сотрудников специальных подразделений полиции, на специализированном этапе профессионального обучения: дис. ... канд. пед. наук*. Краснодар, 2015.

16. Астафьев Н.В. *Обучение в вузах МВД России специалистов по служебно-боевой подготовке* // *Профессионал*. М., 2004. № 5.

higher education: diss. ... Candidate of Economics. Krasnodar, 2007.

13. Chernilievsky D.V. *Psychology-pedagogical preparation of the teacher of the higher school of the XXI-st century: study aid*. Moscow, 2004.

14. Zolotenko V.A. *Perfection of professionally applied physical training of cadets in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: diss. ... Candidate of Pedagogics*. St. Petersburg, 2011.

15. Vitutnev E.E. *Applied physical and motor preparation of cadets and listeners of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia – future employees of special police units, at a specialized stage of professional training: diss. ... Candidate of Pedagogics*. Krasnodar, 2015.

16. Astafiev N.V. *Training in the universities of the Ministry of the Interior of Russia specialists in combat training* // *Professional*. Moscow, 2004. № 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Витютнев Евгений Евгеньевич, кандидат педагогических наук, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612584216.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.E. Vityutnev, Candidate of Pedagogics, Head of the Chair of Tactics and Special Training of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584216.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 30.03.2018
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 10,2
Тираж 150 экз. Заказ 678
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249